

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№ 3(35)

2023

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

3 (35)
2023

Научный журнал

Издаётся с 2015 года

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014 г.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 23.03.2018 г.) по следующим направлениям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры; 5.4.7. Социология управления; 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики; 5.7.1. Онтология и теория познания; 5.7.2. История философии; 5.7.6. Философия науки и техники; 5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*

Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 4465

Дата выхода в свет: 25.12.2023. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет.

Адрес: 424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.

Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Л. Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный технологический университет, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

□ Члены редсовета в регионах России

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Гарбузов Валерий Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дашиковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Лустенко Андрей Юрьевич, д-р филос. наук, проф. (Луганск)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

x Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

3 (35)
2023

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 times a year

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426

Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes; 5.4.5. Political Sociology; 5.4.6. Sociology of Culture; 5.4.7. Sociology of Management; 5.6.1. National History; 5.6.2. General History; 5.6.3. Archaeology; 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography; 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy; 5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.6. Philosophy of science and technology; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture.

Editor *N. M. Moskvicheva*

Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 30.11.2023. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.

Circulation 500 ind. Ordering № 4465

Release date: 25.12.2023. Open price.

Volga State University of Technology.

Address: 424000, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.

Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2023

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

x **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Garbuzov V. N., Doctor of History (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Lustenko A. Ju., Doctor of Philosophy (Lugansk)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

x **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinçek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Годарев-Лозовский М. Г.

Философское решение первой проблемы Гильберта.....	9
--	---

Журенков Д. А.

О некоторых результатах философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая	24
--	----

Ковалев А. А.

Влияние социальных и политических факторов на ментальную безопасность	38
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Жуков Т. С.

Видеоигры и трансформация ценностей молодежи под их влиянием как фактор национальной безопасности	51
--	----

Ковалев А. А.

Психологическая устойчивость и ментальная безопасность в современной России	60
--	----

Козырьков В. П.

Социологическое значение духовного опыта М. Горького в освоении и развитии культуры.....	72
---	----

Корнилова М. В.

Особенности восприятия активного долголетия старшим поколением.....	86
---	----

ИСТОРИЯ

Маслова О. М., Игнатенко М. Н., Прудникова Н. Г.

Развитие внутреннего культурно-познавательного туризма в Республике Алтай.....	103
---	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	119
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Godarev-Lozovsky M. G.

Philosophical solution of Hilbert's first problem	9
---	---

Zhurenkov D. A.

About some results of philosophical and methodological analysis of China's experience of scientific and technological development	24
--	----

Kovalev A. A.

Impact of social and political factors on mental security	38
---	----

SOCIOLOGY

Zhukov T. S.

Video games and the transformation of youth values under their influence as a factor of national security	51
--	----

Kovalev A. A.

Psychological stability and mental safety in modern Russia	60
--	----

Kozyrkov V. P.

The sociological significance of the spiritual experience of M. Gorky in the mastering and development of culture	72
--	----

Kornilova M. V.

Active longevity features of perception by the older generation	86
---	----

HISTORY

Maslova O. M., Ignatenko M. N., Prudnikova N. G.

Development of domestic cultural and educational tourism in the Altai Republic	103
--	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	119
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Тридцать пятый номер журнала SocioTime / Социальное время, традиционно отличается широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества и носящих проблемный характер. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, продолжающего свое развитие в непростых условиях современности.

В тридцать пятом номере журнала опубликовано восемь научных работ. География номера охватывает исследователей из Санкт-Петербурга (три работы), Москвы (две работы), Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Барнаула.

В первой части номера «**Философия**» представлены три научные работы. Раздел открывает статья **М. Г. Годарева-Лозовского** (*Институт исследований природы времени, Москва – Санкт-Петербург*), в центре внимания которой – философское решение первой проблемы Гильберта. В центре внимания статьи **Д. А. Журенкова** (*Институт философии, Российская академия наук, Москва*) – некоторые результаты философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая. В авторской статье **А. А. Ковалева** (*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург*) исследуется влияние социальных и политических факторов на ментальную опасность.

Во втором разделе «**Социология**» представлены четыре работы. Проблема влияния видеоигр на трансформацию ценностей современной молодежи в контексте национальной безопасности России оказалась в центре внимания статьи **Т. С. Жукова** (*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола*). В статье **А. А. Ковалева** (*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург*) подвергнуты анализу психологическая устойчивость и ментальная безопасность в современном российском обществе. В центре внимания статьи **В. П. Козырькова** (*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород*) – социологическое значение духовного опыта М. Горького в освоении и развитии культуры. Особенности восприятия активного долголетия старшим поколением стали объектом изучения в работе **М. В. Корниловой** (*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва*).

В третьем разделе «**История**» в коллективной статье **О. М. Масловой, М. Н. Игнатенко, Н. Г. Прудниковой** (*Алтайский государственный университет, Бар-*

наул) социологическому анализу подвергнута тема развития внутреннего культурно-познавательного туризма в Республике Алтай.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

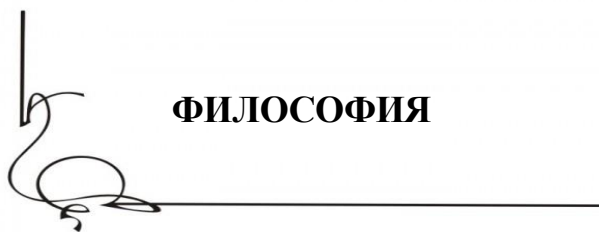
E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Уважаемые исследователи актуальных проблем философского, социологического и исторического знания, редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 125

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.9

ФИЛОСОФСКОЕ РЕШЕНИЕ ПЕРВОЙ ПРОБЛЕМЫ ГИЛЬБЕРТА

Годарев-Лозовский М. Г.

Институт исследований природы времени, гг. Москва – Санкт-Петербург (Россия)

Введение. В статье проведен философский анализ первой проблемы Гильберта в основаниях математики и анализ попыток ее решения ученым сообществом. Предложен новый и оригинальный подход к концептуальному решению континуум-гипотезы Г. Кантора.

Методы. К числу использованных методов можно отнести диагональный метод Г. Кантора, аксиому Лозовского о различной мощности множеств знаков периодической и непериодической дробей, результаты К. Геделя и П. Козна по континуум-гипотезе, метод сечения Р. Дедекинда, созидаящий иррациональное число.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Потенциально бесконечное множество знаков периодической дроби имеет мощность конечного множества, а актуально бесконечное множество знаков непериодической дроби имеет мощность счетного множества. На основе этой аксиомы обоснована гипотеза: на отрезке числовой прямой $[0,999..., 1,000...]$ существуют: несчетное множество иррациональных чисел вида $0,999...1415926535...;$ конечное множество рациональных чисел вида $0,999...;$ всюду плотное множество мета рациональных чисел вида $0,999...5$. Таким образом, первая проблема Гильберта зависит от различения актуальной и потенциальной бесконечностей, обобщения понятия рационального числа, и она зависит от ответа на следующие вопросы: существуют ли на отрезке числовой прямой $[0,999..., 1,000...]$ числа иного поколения, то есть мета рациональные: $0,999...1; 0,999...2; 0,999...3; ...$ и если существуют, то обладает ли их множество промежуточной мощностью между счетным множеством и континуумом?

Заключение. Исторический урок разрешения первой проблемы Гильберта сводится к тому, что иногда фундаментальная научная проблема не разрешается, но забывается, становится неактуальной для ученого сообщества, «загоняется в дальний угол». Философский урок заключается в том, что проблемы в основаниях математики всегда междисциплинарные и должны сообща решаться философами и математиками.

Ключевые слова: актуальная и потенциальная бесконечность, мощность множества, взаимно однозначное соответствие, числовая прямая.

Введение. Дефундаментализация и прикладнизация науки, уход ее в технологизацию, прагматизация науки, узкая специализированность, мелкотемье,

слабая готовность к междисциплинарному диалогу, формализация науки, разрушение научных школ и утрата преемственности научных поколений. Вот лишь краткая выдержка из значительно более полного списка социальных проблем науки, списка, который приводит в своей программной статье большой философ и замечательный ученый В. П. Шалаев [1, с. 42].

Несмотря на то что первая проблема Гильберта (первая!) имеет более чем вековую историю, она практически забыта, что совершенно не случайно. Ведь наука действительно больна и больна серьезно... Мы предлагаем философское разрешение первой проблемы Гильберта на основе различения потенциальной и актуальной бесконечности и допущения существования иного поколения чисел – мета рациональных.

Методы исследования. Б. Рассел в «Проблемах философии» пишет: «Рассмотрим, например, доказательства в геометрии. Самоочевидности аксиом, из которых мы исходим, недостаточно: на каждом шаге доказательства должна быть очевидна связь посылок и заключения. То, во что мы твердо верим, если оно не является истинным, называется *ошибкой*. То, во что мы твердо верим, если оно не является ни знанием, ни ошибкой, а также то, в отношении чего мы колеблемся, поскольку оно выведено из чего-то, что не имеет высочайшей степени очевидности, может быть названо *вероятностным мнением*. Таким образом, большая часть из того, что принято считать знанием, является вероятностным мнением... простая организация вероятностного мнения никогда не превратит его в неоспоримое знание» [2, с. 93].

К сожалению, математики часто не задумываются над философскими и методологическими проблемами своей науки, однако существуют и исключения из правил. Например, С. В. Ларин, указывая на необходимость другой трактовки понятия представимости действительного числа десятичной дробью, строго математически обосновывает то, что «...в записи $0, c_1, c_2 \dots$ девятка не может повторяться бесконечное число раз подряд» [3, с. 99-100, 76-80]. Однако часто математики необоснованно полагают, что если между числами $0, (9)$ и $1, (0)$ невозможно представить себе какого-либо действительного числа, то сами эти числа $0, (9)$ и $1, (0)$ представляют собой одно и то же число (?).

Мы предлагаем рассмотреть неортодоксальную гипотезу, базирующуюся на следующей аксиоме, которая лежит в основании математики: *потенциально бесконечное множество знаков периодической дроби имеет мощность конечного множества, а актуально бесконечное множество знаков непериодической дроби имеет мощность счетного множества*.

Основанием, предшествующим возможному доказательству того, что множество промежуточной мощности существует, является вышеприведенная аксиома Лозовского. Эта исходная аксиома названа в память о Максиме Семеновиче Лозов-

ском, деде автора статьи. М. С. Лозовский, будучи инвалидом, ушел в ополчение и погиб в 1942 году под Синявино [4, с. 213–218].

Но в чем различия актуально и потенциально бесконечных множеств?

Актуально бесконечное множество – это множество, правильная часть которого эквивалентна целому. Актуально бесконечное множество не производно от потенциально бесконечного множества путем простого увеличения числа элементов последнего, то есть оно не достижимо путем математической индукции с помощью индукционного перехода $n+1$.

Потенциально бесконечное множество – это множество, которое в каждый конечный момент конечно и содержит k элементов, однако для таких множеств в любой следующий момент времени можно добавить еще один элемент: $k+1$. Подобное означает: потенциально бесконечное множество – это множество, которое обладает неопределенно большим, но конечным по мощности множеством элементов.

«Очевидно, что всякая совокупность либо конечна, либо бесконечна, и эти оба случая исключают друг друга. Легко также убедиться, что актуально-бесконечный класс нельзя задать по объему: если бы оказалось возможным пересчитать его члены, то, как мы видели выше, этот класс был бы конечным. Следовательно, никакое число натурального ряда не может служить выразителем мощности актуально бесконечной совокупности; это, однако, не значит, что здесь уже совсем нельзя говорить о числе. Великая заслуга Г. Кантора в том и состоит, что он расширил наше понятие о числе, введя особые трансфинитные числа» [5, с. 12].

«Такая бесконечность, которая резко отличается от рассмотренной выше (то есть актуальной – *авт.*) отсутствием полной определенности, – ведь мы имеем здесь дело с переменной, – называется потенциальной. Некоторые математики склонны утверждать, что это единственная бесконечность, допустимая в их науке; но, как остроумно заметил Г. Кантор, потенциальная бесконечность уже предполагает актуальную. Для нас важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев областью изменения переменной служит актуально-бесконечная совокупность» [5, с. 16].

Для ясности определим *потенциально бесконечно малую величину* – как величину, которая бесконечно убывает в процессе приближения к нулю числа S_n при неограниченном возрастании n . Эта величина так же, как и обратная ей, то есть потенциально бесконечно большая, играет очень важную роль в классическом математическом анализе. Для нас особенно важно то, что в категории потенциальной бесконечности $n+1$ мы не вправе говорить о натуральном ряде как о совокупности *всех* натуральных чисел $[N]$ или как об актуально бесконечном счетном множестве.

А. В. Родин отмечает: «В современной математике бесконечность понимается двояко – либо как актуальная бесконечность в духе Кантора, либо как потенциальная бесконечность в духе Коши и Вейерштрасса. Понимая бесконечность потенци-

ально, говорят, что натуральный ряд бесконечен в том смысле, что всякий конечный набор следующих друг за другом натуральных чисел от 0 до N может быть расширен путем добавления к нему следующего за N числа $N+1$... Понимая бесконечность актуально, говорят, что возможность расширить всякий данный набор натуральных чисел есть *не определение, но следствие* бесконечности натурального ряда, саму же эту бесконечность следует мыслить как актуальную данность всего натурального ряда сразу» (выделено курсивом – *авт.*) [А. В. Родин, 6, с. 308].

Аналогичное положение сложилось и в геометрии: «Чтобы мыслить неограниченное продолжение прямой, необходимо заранее мыслить актуально бесконечное пространство, в котором эта прямая продолжается» [С. Л. Катречко, 6, с. 328]. Таким образом, в математике в целом область изменения потенциально бесконечной величины представляет собой актуально бесконечное множество [В. А. Шапошников, 6, с. 375].

По поводу неразличения математиками мощности множества знаков периодических и непериодических десятичных дробей А. А. Зенкин пишет: «есть... *конечный* символ ... *конечного* алфавита десятичных знаков соответствующих бесконечных *последовательностей* 3,1415..., 2,7182..., 1,4142... (здесь и далее целую часть мы игнорируем, чтобы не выйти за пределы отрезка $[0, 1]$). Работающая с неизменной эффективностью математика полностью игнорирует важнейший с точки зрения философии (и классической теории множеств) вопрос о том, является ли *бесконечный денотат* действительного числа *актуально* бесконечным... или же он является *потенциально* бесконечным» [А. А. Зенкин, 6, с. 185]. Опираясь на аксиому Лозовского, нами предлагается исходить из отсутствия взаимно однозначного соответствия между множествами знаков периодической и непериодической дробей.

Предварим наш последующий анализ тонким наблюдением А. Ф. Кудряшева: «...дурная бесконечность так или иначе сопутствует... профессиональному сознанию ученого любой специальности... характерные для «дурной» бесконечности однообразие и безнадежность процесса, заведомо не имеющего окончания, иногда остаются смутно ощутимыми» [А. Ф. Кудряшев, 6, с. 265–269].

Г. Кантор указывает на необходимость «... рассмотреть те отношения, которые нам встретятся, когда числовые величины заданы в конечном или бесконечном числе... мы можем мыслить числовые величины соотнесенными точкам прямой линии. Ради наглядности (а не по существу дела) мы пользуемся далее этим представлением всегда, когда говорим о точках, имея в виду те значения, при помощи которых они заданы.

Заданное конечное или бесконечное число числовых величин я для краткости называю *множеством значений*... Если на конечном интервале задано точечное множество, то вместе с ним вообще задано некоторое второе точечное множество, с

последним – некоторое третье и т. д., которые существенны для понимания природы первого множества» [7, с. 14]. То есть, с точки зрения теории множеств Г. Кантора, предлагаемая нами далее гипотеза вполне допустима.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Гипотеза: на отрезке числовой прямой $[0,999..., 1,000...]$ существуют: несчетное множество иррациональных чисел вида $0,999...1415926535...$; конечное множество рациональных чисел вида $0,999...$; всюду плотное множество мета рациональных чисел вида $0,999...5$. Для обоснования этой гипотезы рассмотрим отрезок числовой прямой $[0,999..., 1,000...]$.

1. Равенство $0,999... = 1,000...$ нельзя понимать буквально, то есть как равенство этих чисел на числовой прямой. Необходимо различать нетождественные друг другу понятия: а) *конвенциональное представление* числа $1,000...$ дробью $0,999...$; б) *неравенство значений* на числовой прямой чисел $1,000...$ и $0,999...$. Ведь точный смысл этого равенства $0,999... = 1,000...$ в том, что потенциально бесконечная последовательность $S_1 = 0,9$, $S_2 = 0,99...$, S_n , ..., как величина, сходится к 1. Однако не существует числа s , к которому бы сходилась последовательность у непериодической дроби [8, с. 24–27]. Только в силу подобного рассуждения достигается единственность значения всякого действительного числа, представленного десятичной дробью.

2. Дробь $0,999...$ – есть действительное число на числовой оси. Всякое действительное число можно записать в виде десятичной дроби, а множество всех действительных чисел можно описать как совокупность всех десятичных дробей, как справедливо замечает Л. С. Понтрягин [8, с. 53–56]. Но между числами $0,999...$ и $1,000...$ на числовой оси присутствует множество других чисел, среди которых и такое, как их среднее арифметическое: $0,9...5$. Рассмотрим это особенно интересующее нас, пока только гипотетически, существующее число.

3. Число $0,999...5$ – не есть рациональное число, так как его невозможно представить в виде обыкновенной дроби с целым числом в числителе и натуральным числом в знаменателе, а также ввиду того, что не существует числа s , к которому бы сходилась последовательность чисел у дроби $0,9...5$.

4. Число $0,999...5$ – не есть иррациональное число, так как оно не имеет актуально бесконечного множества знаков после запятой, как, например, число $3,141...$ (Числа с актуально бесконечным множеством знаков после запятой существуют, причем цифры в десятичном представлении этих иррациональных чисел непериодической дробью могут быть какими угодно от 0 до 9 на любой позиции. Однако в десятичном представлении рационального числа периодической дробью цифры в периоде строго упорядочены, например, в числе $0,999...$).

5. Только число, имеющее в десятичном представлении актуально (но не потенциально!) бесконечное множество знаков, является иррациональным. Однако из

того, что иррациональное число, представляемое непериодической дробью, не существует в виде обыкновенной дроби, логически не следует то, что у каждого *не являющимся рациональным числа*, в его десятичном представлении, должно быть именно *актуально* бесконечное множество знаков после запятой.

6. Число $0,999\dots 5$ не имеет актуально бесконечного множества знаков после запятой и, соответственно, оно не есть иррациональное число. Но это число не является и *вполне рациональным*, так как оно не представлено периодической дробью, но представлено квази-бесконечной непериодической дробью. Ко всякой периодической десятичной дроби, как мы полагаем, может быть добавлена некоторая произвольная конечная последовательность цифр, и таким способом образовано новое число вида $0, f_1, f_2 \dots f_n$. Число этого вида образует, таким образом, новое поколение чисел, которые мы назовем *мета рациональными*.

7. В актуально бесконечном множестве знаков непериодической дроби, представляющей собой нормальное иррациональное число, любая потенциально бесконечная последовательность цифр (в том числе одинаковых) может встретиться на любом месте. Таким образом, если определено существует иррациональное число, например $0,9\dots 141\dots$, и если мы допускаем, что существует рациональное число $0,9\dots$, то мы обязаны будем допустить существование и *мета рационального* числа вида $0,9\dots 141$.

8. Определение: *мета рациональное число* – это действительное число, которое, являясь не вполне рациональным, при этом определено не является иррациональным числом.

Но почему мета рациональное число существует?

Л. С. Понтрягину принадлежит следующее пространное высказывание во введении к его книге «Обобщение чисел»: «Переход от рациональных чисел к действительным числам вызван скорее *внутренней логикой развития математики*, чем практическими потребностями, так как при помощи рациональных чисел с любой точностью можно осуществить любое измерение. К действительным числам привело математическое открытие, возникающее из теоремы Пифагора и состоящее в том, что длина диагонали квадрата со стороной, равной единице, не может быть измерена точно рациональным числом. *Действительные числа как бы заполняют промежутки между рациональными числами* и приводят к тому, что условие сходимости Коши является не только необходимым, но и достаточным условием сходимости. Этот факт чрезвычайно важен в математике. *Действительные числа представляют собой ту непрерывную среду, в которую помещены рациональные числа.*

Здесь становится совершенно ясным, что для чисел характерно не только наличие действий сложения, вычитания, умножения и деления, но также и понятие предельного перехода, то есть известно, что означает последовательность чисел, схо-

дящаяся к данному числу. Совокупность величин, в которой имеются алгебраические операции сложения, вычитания, умножения и деления, а также определен предельный переход, является естественным логически возможным обобщением понятия числа. Оказывается, что таких обобщений вовсе не очень много... Переход от рациональных чисел к действительным опирается на представление о том, что такое малое рациональное число. Оказывается, что, кроме совершенно естественного понятия малости рационального числа, существует другое, связанное с некоторым простым числом p . Связанное с этим понятием малости расширение рациональных чисел приводит к возникновению p -адических чисел, которые имеют в настоящее время важное применение в теории чисел...» (выделено – *авт.*) [9, с. 6-7].

Итак, действительные числа в соответствии с логикой заполняют промежутки между рациональными числами, в целом представляя собой ту непрерывную среду, в которую помещены рациональные числа.

Мы полагаем, что мета рациональное число должно существовать в силу следующих логических и математических обстоятельств:

1) между двумя близкими рациональными числами во всюду плотном множестве на числовой прямой обязательно должно быть рациональное число или близкое к нему по свойствам, то есть мета рациональное число;

2) потенциально бесконечная десятичная дробь имеет конечное по мощности потенциально бесконечное множество знаков. Потенциальная бесконечность должна пониматься в смысле Г. Кантора, то есть как «несобственная бесконечность»;

3) к потенциально бесконечной периодической дроби справа всегда допустимо добавить еще цифру, отличную от значения периода, и так образовать новое число;

4) между любыми двумя близкими рациональными числами присутствует среднее арифметическое этих чисел, которое может выразить только мета рациональное число вида $0, f1, f2...fn$. Например, между числами $0,999...$ и $1,000...$ существует мета рациональное число, которое представляет квази-бесконечная непериодическая дробь $0,999...5$;

5) значение всякого действительного числа с необходимостью должно быть единственным;

6) каждое из чисел, включая $0,999...$ и $1,000...$, представляет только самое себя;

7) непериодическая актуально бесконечная десятичная дробь может начинаться произвольной потенциально бесконечной последовательностью цифр (знаков) после запятой, как, например, дробь $3,142...$;

8) цифры (знаки) непериодической дроби непосредственно после запятой могут представлять собой и потенциально бесконечную последовательность одинаковых знаков, например, «девяток»: $0,9...3142...$;

9) иррациональное число $0,9...3142...$ имеет право на существование, но важно оговорить то, что в этом числе после цифры 9 знак (...) означает *потенциальную* бесконечность, а после цифры 2 знак (...) означает *актуальную* бесконечность множества знаков;

10) неоднозначность в математике ныне существует не в представлении значения числа 1, а в представлении знака (...);

11) непериодическую десятичную актуально бесконечную дробь всегда можно непротиворечиво сократить до конечной десятичной дроби, которая является ее приближенным значением, как допустимо, например, сократить до приближенного значения число $\pi \approx 3,142$;

12) непериодическую актуально бесконечную дробь всегда можно непротиворечиво представить как: а) актуально бесконечную и несократимую $0,9...3142...$; б) укороченную (сокращенную) до квази-бесконечной непериодической дроби; $0,9...3142$; в) укороченную (сокращенную) до периодической дроби $0,9....$ Ведь, например, последовательность конечных десятичных дробей всегда может быть получена из бесконечной десятичной дроби [8, с. 55].

Какова же мощность множества мета рациональных чисел?

1. Исходя из анализа с привлечением диагонального метода Г. Кантора, *множество мета рациональных чисел не является счетным*. Начав процесс счета, мы сможем продолжать его сколь угодно долго, однако в нем ни на одном шаге не будет иррациональных чисел с актуально бесконечным множеством знаков, а также не будет чисел даже с единственной цифрой после периода, например числа $0,(9)5$. Однако у нас в процессе счета всегда будет присутствовать последующее рациональное число, не подходящее к предыдущим ячейкам, и всегда будет присутствовать номер для этого рационального числа. Однако номер для иррационального числа всегда будет отсутствовать. Все это логически вовсе не означает, что, кроме рациональных чисел на числовой оси, существуют исключительно иррациональные числа.

2. Для мета рационального числа, характерно то, что оно имеет конечное множество цифр после периода, однако при сколь угодно длительном счете мы не обнаружим для него места в диагональной таблице. Но мета рациональное число имеет право существовать на том же самом логическом основании, что и иррациональное число.

3. Исходя из того, что всякое мета рациональное число не содержит актуально бесконечного множества знаков, само *множество всех мета рациональных чисел не может иметь мощность континуума*.

4. *Актуально бесконечная непериодическая дробь, представляющая собой нормальное иррациональное число, имеет структуру, состоящую: а) из актуально бесконечной последовательности различных цифр; б) из последовательностей одинаковых цифр.*

5. Множество мета рациональных чисел на числовой прямой представляет всюду плотное множество.

6. В системе мета рациональных чисел допустимы те же действия, что и в системе целых чисел, но только с числами, расположенными справа от периодической части, то есть сложение и умножение, вычитание и деление. Например, как минимум, допустимы следующие действия с мета рациональными числами:

$$\begin{aligned} 0,(999\dots)1 + 0,(999\dots)4 &= 0,(999\dots)5 \text{ и } 0,(999\dots)1 * 5 = 0,(999\dots)5 \text{ и} \\ 0,(999\dots)5 - 0,(999\dots)4 &= 0,(999\dots)1 \text{ и } 0,(999\dots)5/5 = 0,(999\dots)1. \end{aligned}$$

Но, возможно, обычная арифметика в данном случае полностью не подходит: операции сложения и умножения, а также всю метрику пространства необходимо будет определять по отношению к мета рациональным числам заново, как это делается, например, в теории p -адических чисел. По поводу метода обобщения рациональных чисел p -адическими числами Л. С. Понтрягин пишет следующее: «Совокупность R всех рациональных чисел составляет поле в силу тех правил сложения и умножения, которые в нем определены. При этом нулем сложения является число нуль, а единицей умножения – число единица, p -адические числа появляются в результате введения в поле R своеобразной топологии, зависящей от заданного простого числа p . Интуитивный смысл этой топологии заключается в том, что рациональное число g считается тем меньше, чем лучше оно делится на заданное простое число p » [9, с. 187].

7. Существование множества мета рациональных чисел не зависит от системы аксиом Цермело–Френкеля (ZFC) как с аксиомой выбора, так и без нее, но при этом оно не совместимо с континуум-гипотезой Кантора. То есть континуум-гипотеза верна, если не существует мета рационального числа, и континуум-гипотеза не верна, если существует мета рациональное число. Таким образом, можно утверждать, что вполне допустимо то, что существует множество промежуточной мощности – множество мета рациональных чисел, представляемых квази-бесконечными непериодическими десятичными дробями, то есть множество $T, \mathbb{N} \subset T \subset \mathbb{R}$, которое не эквивалентно ни $\mathbb{N}$, ни $\mathbb{R}$.

Рассмотрим первую проблему Гильберта через призму множества мета рациональных чисел.

Проблемы Гильберта – это список из 23 фундаментальных проблем математики, представленный Давидом Гильбертом на II Международном конгрессе математиков в Париже в 1900 году. Первая проблема – это проблема Кантора о мощности континуума. Доказано, что эта проблема неразрешима в теории множеств на основе аксиоматики Цермело–Френкеля (ZFC). Однако нет единого мнения относительно того, является ли это доказательство решением проблемы, а не уходом от этого решения.

Братья Стругацкие в произведении «Понедельник начинается в субботу» с юмором описали подобную существующей сейчас в основаниях математики познавательную ситуацию.

«– Г-голубчики, – сказал Федор Симеонович озадаченно...

– Это же проблема Бен Б-бецалеля. К-калиостро же доказал, что она н-не имеет р-решения.

– Мы сами знаем, что она не имеет решения, – сказал Хунта, немедленно ошечиниваясь. – Мы хотим знать, как ее решать.

– К-как-то ты странно рассуждаешь, К-кристо... К-как же искать решение, к-когда его нет? Б-бессмыслица какая-то...

– Извини, Теодор, но это ты очень странно рассуждаешь. Бессмыслица – искать решение, если оно и так есть. Речь идет о том, как поступать с задачей, которая решения не имеет. Это глубоко принципиальный вопрос...».

Примем за основу одну из допустимых формулировок континуум-гипотезы: с точностью до эквивалентности существуют только два типа бесконечных числовых множеств – счетное множество и континуум. *То есть нет множества на отрезке $[0,1]$, которое было бы несчетным и при этом не континуумом.* Иначе говоря, необходимо с точностью до эквивалентности определить то, что существуют только два типа бесконечных числовых множеств – счетное множество и континуум. Задача сводится к тому, чтобы установить: *существует ли множество промежуточной мощности, то есть такое множество T , $\mathbb{N} \subset T \subset \mathbb{R}$, которое не эквивалентно ни $\mathbb{N}$, ни $\mathbb{R}$?* То есть необходимо доказать, что на отрезке числовой оси $[0,1]$ существует множество, превышающее мощность множества рациональных чисел, но не имеющее мощности континуума.

Континуум-гипотеза – это предположение о том, что мощность континуума $c = \aleph_1$. Г. Кантор допустил: любое бесконечное подмножество континуума является либо счетным, либо континуальным. Континуум-гипотеза утверждает то, что мощность континуума – наименьшая мощность, превосходящая счетное множество, и «промежуточных» мощностей между счетным множеством и континуумом нет. Но как определяется континуум?

«Прежде всего континуум, будучи совокупностью всех действительных чисел, должен определяться как некое твердое множество... без оставления возможности впоследствии добавлять к нему все новые и новые числа» [10, с. 16]. Добавим, что это утверждение А. Ю. Хинчина относится и к совокупности всех иррациональных чисел, множество которых также имеет мощность континуума и является актуально бесконечным.

Следствием континуум-гипотезы является то, что для любого бесконечного множества действительных чисел всегда можно установить взаимно-однозначное

соответствие либо между элементами этого множества и множеством целых чисел, либо между элементами этого множества и множеством всех действительных чисел, а третьего не дано. Доказать континуум-гипотезу – это значит, вывести ее из непротиворечивой системы аксиом. Опровергнуть – значит, показать, что если ее добавить к некоторой системе аксиом, то получится противоречивый набор утверждений.

Известно, что в 1936 году К. Гедель показал: *континуум-гипотеза не может быть опровергнута традиционными средствами теории множеств*. Позже, в 1963 году, уже П. Коэн строго обосновал: *континуум-гипотеза не может быть ни доказана, ни опровергнута с помощью обычных методов теории множеств*. То есть было доказано, что проблема континуум-гипотезы неразрешима в теоретико-множественной аксиоматике Цермело–Френкеля (ZFC). То есть оказалось, что непротиворечивы оба варианта теории множеств: отрицающий континуум-гипотезу и признающий ее.

Ж. П. Шанже и А. Кон пишут: «Если перед нами встает неразрешимый вопрос (например, вопрос о континууме), то нужно всего-навсего сформулировать гипотезу, которая сделает его разрешимым... Когда к системе добавляется гипотеза (например, континуум-гипотеза), нужно, очевидно, убедиться в ее неразрешимости, то есть в двух вещах: во-первых, эта гипотеза не должна выводиться из прежних аксиом системы (теорема Коэна для континуум-гипотезы), а во-вторых, ее отрицание также не должно быть следствием из прежних аксиом (для континуум-гипотезы этот результат был получен Куртом Гёделем)» [11, с. 165].

Однако, как уже отмечалось, нет единого мнения относительно того, являются ли достигнутые результаты решением самой этой проблемы. О подобных затруднениях в науке В. В. Целищев пишет следующее: «Философская проблема тут состоит в том, что эти новые проблемы могут оказаться либо псевдо-проблемами, либо неразрешимыми. Такая ситуация может возникнуть из-за того, что выразительные средства новой теории слишком богаты для постановки вопросов, но недостаточны для их разрешения. Относится ли все вышесказанное к континуум-гипотезе, трудно сказать...» [12, с. 39].

Далее автор констатирует следующее: «Континуум-гипотеза неразрешима в том смысле, что при условии непротиворечивости аксиоматической теории множеств Цермело–Френкеля добавление к ней континуум-гипотезы не приводит к противоречию, так же как не приводит к противоречию и добавление к этой системе отрицания континуум-гипотезы. В некотором смысле в такой ситуации мы имеем две теории множеств, и последняя возможность называется неканторовской теорией множеств... *нынешние математики в целом не разделяют убеждения Кантора в правильности континуум-гипотезы*» (выделено – авт.) [12, с. 42]. Если последнее

утверждение соответствует действительности, то наша гипотеза должна быть вполне востребована математиками.

Наша гипотеза существования мета рационального числа полезна следующим:

1) становится понятным, почему точка, брошенная на числовую прямую, почти наверняка попадет на иррациональное число, мера Лебега, множества которых равны 1;

2) гипотеза относительно заполняет пробелы на числовой прямой, а ведь сечение Дедекинда рациональным числом связано с пробелами, то есть при нем отсутствуют граничные элементы;

3) гипотеза объясняет полное отсутствие пробелов и наличие единственного граничного элемента при сечении Дедекинда иррациональным числом, тем, что только иррациональное число, в десятичном представлении которого *актуально* бесконечное множество знаков, *актуально* и до основания «рассекает» континуум [13, с. 19–24];

4) гипотеза логически необходима для того, чтобы во всюду плотном совокупном множестве рациональных и мета рациональных чисел, на числовой прямой, на отрезке $[0,999..., 1,000...]$ между этими двумя числами существовало бы бесконечное множество других чисел;

5) гипотеза устраняет известную неоднозначность при буквальном понимании равенства значений двух различных чисел на числовой прямой: $1 = 1,000...$ и $1 = 0,999...$ (Ведь потенциально бесконечная десятичная дробь не имеет актуально бесконечного «хвоста» из девяток. Предположение, что в записи $0,999...2...$ девятка присутствует *актуально*, но не *потенциально* бесконечное множество раз, несостоятельно, ведь значение дроби как действительное число $0,999...$ никогда не станет смежным или равным действительному числу и значению дроби $1,000...$).

Таким образом, первая проблема Гильберта, по нашему мнению, находится в русле различения актуальной и потенциальной бесконечностей, обобщения понятия рационального числа, и она зависит от ответа на следующие очень непростые вопросы: *существуют ли на отрезке числовой прямой $[0,999..., 1,000...]$ числа иного поколения, то есть мета рациональные: $0,999...1$; $0,999...2$; $0,999...3$; ... и если существуют, то обладает ли их множество промежуточной мощностью между счетным множеством и континуумом?*

Очевидно, что для мета рационального числа, так же, как и для иррационального числа, мы не найдем места в диагональной таблице Г. Кантора.

Допустим отдаленную аналогию с деревом как с целым: почва – это нестандартная числовая прямая, многочисленные корни дерева – это множество иррациональных чисел, а рациональное число – это единый ствол дерева. Но неизвестно, существует ли невидимое глазом, возможное раздвоение ствола у его основания –

множество «мета рациональных чисел»? Мы полагаем, что затрудняющая познание, по выражению В. В. Целищева, «семантическая избыточность языковых средств описания множеств» устраняется конкретностью поставленных нами ключевых вопросов, связанных с первой проблемой Д. Гильберта [12, с. 9].

Заключение. Каковы возможные заключительные обобщения предлагаемой гипотезы?

1. Всякое рациональное и всякое мета рациональное число могут быть производны от иррационального числа путем, образно выражаясь, «отсечения актуально бесконечного хвоста знаков после запятой» в десятичном представлении иррационального числа.

2. Множество знаков иррационального числа, например числа $0,999...14159... = 0,(9)14159...$, актуально бесконечно. Множество знаков рационального числа, например числа $0,(9) = 0,999...$, потенциально бесконечно (см. аксиому Лозовского). Множество знаков мета рационального числа, например числа $0,(9)14159 = 0,999...14159$, содержит потенциально бесконечное множество знаков плюс конечное множество знаков.

3. Квази-бесконечное множество знаков мета рационального числа по мощности является конечным и промежуточным между счетным актуально бесконечным множеством знаков иррационального числа и потенциально бесконечным множеством (имеющим мощность конечного множества) знаков числа рационального.

4. На основании наших рассуждений *можно непротиворечиво допустить*: множество рациональных чисел счетное; множество иррациональных чисел континуальное; множество мета рациональных чисел по мощности (в соответствии с диагональным аргументом Г. Кантора) является промежуточным между счетным множеством рациональных чисел и несчетным множеством иррациональных чисел.

Вполне допустимо, что через сто двадцать три года после обозначения Д. Гильбертом своих знаменитых «проблем», первая из них получает логическо-философское разрешение.

Список литературы

1. Шалаев В. П. Становление новой теории общества: на путях становления нового мира // SocioTime / Социальное время. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2022. № 4. С. 39–45.
2. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Наука, 2001. С. 93.
3. Ларин С. В. Десятичные дроби. Другая трактовка понятия представимости действительного числа десятичной дробью // Числовые системы. М.: Академия, 2001. С. 76–80, с. 99–100.
4. Годарев-Лозовский М. Г. Мета теоретическая аксиома о различной мощности знаков периодической и непериодической дробей, её основные следствия // IV Российская конференция «Основания фундаментальной физики и математики». М.: РУДН, 2012. С. 213–218.
5. Богомолов С. А. Актуальная бесконечность (Зенон Элейский и Георг Кантор). Петербург: Академия, 1923. С. 12–16.
6. Бесконечность в математике, логике и философии / под ред. А. Г. Барабашева М., 1997. 400 с.

7. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. 55 с.
8. Понтрягин Л. С. Десятичные дроби. Построение действительного числа // Анализ бесконечно малых. М.: URSS, 2017. С. 24–27, с. 50–55.
9. Понтрягин Л. С. Обобщения чисел. М.: УРСС, 2003. 187 с. С. 6–7.
10. Хинчин А. И. Восемь лекций по математическому анализу. М.: Наука, 1977. С. 9–24.
11. Шанже Ж. П., Кон А. Материя и мышление. М.–Ижевск, 2004. С. 16.
12. Целищев В. В. Проблема семантической избыточности и определенность континуум-гипотезы в теориях множеств первого и второго порядков // Философия образования. 2016. № 69. С. 9–19.
13. Дедекинд Р. Непрерывность и иррациональные числа. М.: URSS, 2015. С. 19–24.

Авторская справка

ГОДАРЕВ-ЛОЗОВСКИЙ Максим Григорьевич – руководитель Лаборатории – кафедры «Прогностические исследования» Института исследований природы времени, г.г. Москва – Санкт-Петербург, Россия. E-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.9

PHILOSOPHICAL SOLUTION OF HILBERT'S FIRST PROBLEM

Godarev-Lozovsky M. G.

Institute for the Study of the Nature of Time, Moscow – Saint Petersburg (Russia)

Introduction. The article provides a philosophical analysis of Hilbert's first problem in the foundations of mathematics and an analysis of attempts to solve it by the scientific community. A new and original approach to its conceptual solution of G. Cantor's continuum hypothesis is proposed.

Methods. The methods used include G. Cantor's diagonal method, Lozovsky's axiom about the different cardinality of the sets of signs of periodic and non-periodic fractions, the results of K. Gödel and P. Cohen on the continuum hypothesis, R. Dedekind's section method, which creates an irrational number.

Results. A potentially infinite set of signs of a periodic fraction has the cardinality of a finite set, and an actually infinite set of signs of a non-periodic fraction has the cardinality of a countable set. Based on this axiom, the following hypothesis is substantiated: on the segment of the number line $[0,999\dots, 1,000\dots]$ there exists: a) an uncountable set of irrational numbers of the form $0,999\dots1415926535\dots$; a finite set of rational numbers of the form $0,999\dots$; an everywhere dense set of metarational numbers of the form $0,999\dots5$. Thus, Hilbert's first problem depends on the distinction between actual and potential infinities, a generalization of the notion of a rational number, and it depends on the answer to the following questions. Are there numbers of another generation on the segment of the number line $[0,999\dots, 1,000\dots]$, that is meta rational: $0,999\dots1$; $0,999\dots2$; $0,999\dots3$; ...and if they exist, does their set have an intermediate cardinality between a countable set and a continuum?

Conclusion. The historical lesson of resolving Hilbert's first problem comes down to the fact that sometimes a fundamental scientific problem is not resolved, but is forgotten, becomes irrelevant for the scientific community, "is driven into a far corner." The philosophical lesson is that problems in the foundations of mathematics are always interdisciplinary and must be solved jointly by philosophers and mathematicians.

Keywords: actual and potential infinity, cardinality of a set, one-to-one correspondence, number line.

References

1. Shalaev V. P. Stanovlenie novoj teorii obshchestva: na putjah stanovleniya novogo mira [The formation of a new theory of society: on the ways of the formation of a new world]. Social'noe vremja. 2022. No. 4. Pp. 39–45. (In Russ.).
2. Rassel B. Problemy filosofii [Problems of Philosophy]. Novosibirsk, Nauka, 2001. P. 93. (In Russ.).

3. Larin S. V. Desjatichnye drobi. Drugaja traktovka ponjatija predstavimosti dejstvitel'nogo chisla desjatichnoj drob'ju [Another interpretation of the concept of representability of a real number as a decimal fraction. In the book. Numerical systems]. V kn. Chislovye sistemy. Moscow, Akademija, 2001. Pp. 76–80, pp. 99–100. (In Russ.).
4. Godarev-Lozovskij M. G. Meta teoreticheskaja aksioma o razlichnoj moshhnosti znakov periodicheskoy i neperiodicheskoy drobej, ejo osnovnye sledstviya [Meta-theoretical axiom about the different power of signs of periodic and non-periodic fractions, its main consequences]. Iy Rossijskaja konferencija «Osnovaniya fundamental'noj fiziki i matematiki». Moscow, RUDN, 2012. Pp. 213–218. (In Russ.).
5. Bogomolov S. A. Aktual'naja beskonechnost' (Zenon Jejejskij i Georg Kantor) [Actual infinity (Zeno of Elea and Georg Cantor)]. Peterburg, Akademija, 1923. Pp. 12–16. (In Russ.).
6. Beskonechnost' v matematike, logike i filosofii [Infinity in mathematics, logic and philosophy]. Cb. pod red. Barabasheva A. G. M. 1997. 400 p. (In Russ.).
7. Kantor G. Trudy po teorii mnozhestv [Proceedings on the theory of sets]. Moscow, Nauka, 1985. P. 55. (In Russ.).
8. Pontrjagin L. S. Desjatichnye drobi. Postroenie dejstvitel'nogo chisla [The construction of a real number]. In the book. Analysis of infinitesimals. V kn. Analiz beskonechno malyh. Moscow, URSS, 2017. Pp. 25–27, pp. 50–55 (In Russ.).
9. Pontrjagin L. S. Obobshhenija chisel [Generalizations of numbers]. Moscow, URSS, 2003. 187 c. Pp. 6–7. (In Russ.).
10. Hinchin A. I. Vosem' lekcij po matematicheskomu analizu, gl. Kontinuum [Eight lectures on mathematical analysis, ch. Continuum]. Moscow, Nauka, 1977. Pp. 9–24. (In Russ.).
11. Shanzhe Zh. P., Kon A. Materija i myshlenie [Matter and thinking]. Moscow–Izhevsk, 2004. P. 16. (In Russ.).
12. Celishhev V. V. Problema semanticheskoy izbytochnosti i opredelennost' kontinuum-gipotezy v teoriyah mnozhestv pervogo i vtorogo porjadkov [The problem of semantic redundancy and the certainty of the continuum hypothesis in first and second order set theories]. Filosofija obrazovaniya. 2016. No. 69. Pp. 9–19. (In Russ.).
13. Dedekind R. Nepreryvnost' i irracional'nye chisla [Continuity and irrational numbers]. Moscow, URSS, 2015. Pp. 19–24 (In Russ.).

Author's Bio

GODAREV-LOZOVSKY M. G. – Head of the Laboratory-Department of "Prognostic Research", Institute for the Study of the Nature of Time, Moscow – Saint Petersburg, Russia. E-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Годарев-Лозовский М. Г. Философское решение первой проблемы Гильберта // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 9–23. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.9

УДК 167.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.24

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОПЫТА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Д. А. Журенков

Институт философии, Российская академия наук, г. Москва (Россия)

Введение. Философско-методологический анализ опыта научно-технического развития Китая актуален для философии и методологии науки в развитии сложной философской культуры и поиске методов мышления с высоким уровнем восприятия иной культуры, необходимых в качестве основы перспективных исследований. Целью научной работы является конкретизация современных методологических оснований опыта научно-технического развития Китая и соответствующих ценностных ориентаций в базовых концептах китайской философии.

Методы. Главным методом выступает рефлексия. Исследование базируется на принципах постнеклассической рациональности.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Особенностью опыта научно-технического развития Китая является единство деятельности и ценности, образующее уникальную систему взаимосвязей экологической среды, образа жизни человека и научно-технического развития в эволюции китайской цивилизации. Ведущей в онтологии опыта научно-технического развития Китая является проблема выявления сущности человеческой природы, нравственной природы человечности. Содержание опыта научно-технического развития Китая – это сложное, многоуровневое, системное образование: современный период развития характеризуется тезисом-идеей «новая форма человеческой цивилизации», целенаправленным обучением инновациям и управлением инновационными процессами, ориентирован на развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий. Форма опыта научно-технического развития Китая – дискурсивная система, определяемая традиционными китайскими философскими понятиями «культура», «действовать», «существование-бытие» и характеризующаяся синергетической проблематикой, связанной с концептом «добродетель». Ценностное измерение формы опыта научно-технического развития выражается в китайских академических кругах формулой «наука плюс философия».

Исследование инноваций подчеркивает этико-эстетический характер опыта научно-технического развития Китая и в китайской философской культуре имеет открытый, сложный, системный характер. Основными источниками научно-технического развития современного Китая являются философская традиция Китая, новая философия развития, культурная трансформация философии науки и техники, модель открытости внешнему миру. В кросс-культурном взаимодействии Китая современные аспекты методологии науки и техники могут быть определены постнеклассической парадигмой системно-синергетической сложности, конвергенцией социально-гуманитарного и естественно-научного знания, интеграцией знаний, целостностью инновационных процессов, междисциплинарными исследованиями и трансдисциплинарностью.

Заключение. Современный опыт научно-технического развития Китая можно характеризовать многоуровневостью, нелинейностью, междисциплинарными связями, трансдисциплинарностью, проблематикой субъектности. Наблюдается преемственность, социокультурная обусловленность, историч-

ность, предметная рефлексия универсалий культуры, биосфероцентризм, стремление к гармоничному развитию. Органичное взаимодействие традиционного и техногенного типов культуры, прогностический и комплексный характер опыта науки и техники Китая позволяют проследить некоторое соответствие постнеклассическому типу научной рациональности.

Ключевые слова: Китай, постнеклассическая научная рациональность, научно-техническое развитие.

Введение. Опыт научно-технического развития Китая охватывает путь, пройденный страной от древности до наших дней. В культурно-историческом контексте китайской цивилизации опыт научно-технического развития Поднебесной является обоснованием науки как культурно-исторического феномена, социальных и культурных факторов становления и развития науки, техники, технологии, проясняет мировоззренческую и методологическую роль философии. Философско-методологический анализ опыта научно-технического развития Китая можно рассматривать как один из новых способов анализа структуры и динамики научного знания, соответствующий основным моментам корреляции современной науки с ценностями традиционных восточных культур, как комплексный подход к исследованию взаимодействия науки, техники и новых технологий с философскими традициями Запада и Востока.

Актуальность философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая непосредственно связана с исследованием нового качества этого опыта, формируемого во взаимосвязях с такими философскими отраслями знания, как философская антропология и философия культуры, философия истории и сравнительная философия, эстетика и этика, логика, гносеология и эпистемология, философия истории и философия религии. Новое качество характеризуется тем, что культурно-исторический контекст и социально-общественные процессы связывают философские сущности и научно-технические структуры этапами взаимного обогащения культур в преемственности и новаторстве, способствуют формированию науки как одного из основных социальных институтов со сложной, саморазвивающейся, открытой, коммуникативной системой.

Методы исследования. Методология исследования базируется на разработанной академиком В. С. Степиным (1934–2018) [9] концепции этапов научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) и типов культуры (техногенная и традиционная). В рамках данной концепции, исходя из принципа самоорганизации, возможно новое понимание опыта научно-технического развития Китая, как исторически развивающегося объекта познания, который может быть описан в качестве феномена постнеклассической науки во взаимодействии традиционного и техногенного типов культуры.

Постнеклассическая парадигма предполагает использование конкретного историко-научного материала и рассмотрение его в двух аспектах: 1) деятельности и 2) аксиологии. На этом основании опыт научно-технического развития Китая вы-

ступает в качестве объекта познания, а предметом исследования являются философско-методологические основания и ценностные ориентиры. Объект и предмет были изучены и исследованы в категориях и понятиях китайской культурной и философской традиций.

Развиваемая В. Е. Лепским [6] система онтологий (поддержка, передача, развитие знания) для организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, формирует подход, основанный на консолидации науки, бизнеса, общества и ориентированный на усиление международной стабильности. В данной методологии особое внимание уделяется гармонии субъектов развития и разнообразию культур как наиболее важному потенциалу развития мирового сообщества; проблема развития научной рациональности рассматривается в контексте генерации научных парадигм (Т. Кун), столкновения конкурирующих научных программ (И. Лакатос), а также как взаимодействие альтернативных философско-мировоззренческих позиций.

Методология моделирования сложной реальности, разрабатываемая В. Г. Будановым на базе синергетики, истории и философии науки [2], выделяющая главными направлениями развития дискурсов постнеклассики междисциплинарность, трансдисциплинарность и методологические комплексы, формируемые в связи с новыми технологиями, позволяет исследовать форму научно-технического развития.

В парадигме сложности, разрабатываемой В. И. Аршиновым [1], формируется основа исследования моделей, связанных с проектами будущего человечества, выделяя в качестве главных природную модель как продукт биосоциальной эволюции человечества, модель техномира и виртуальную модель. Адекватное включение в научную картину мира мифологической, религиозной и языковой картины мира имеет теоретическое обоснование в конфигураторе В. А. Лефевра [7].

В этой связи значимой составляющей методологии исследования является применение подхода Тёна ван Дейка [3], согласно которому системная модель дискурса может быть описана тремя основными составляющими:

- 1) ядро, в котором происходят инновационные процессы;
- 2) поле, в котором выделяются общая модель памяти, ситуационная модель и система управления;
- 3) рамка, определяемая знаково-символическими процессами (социокодами).

Также ввиду комплексного характера исследования целесообразно назвать и других ученых. В контексте анализа научно-технического опыта Китая необходимо отметить китайских исследователей Джастина Линь Ифу (林毅夫) и Ху Аньгана (胡鞍钢). Историчностью исследования научно-технического опыта Китая и рефлексией универсалий культуры в изучении антропогенеза и техногенеза отличаются Су Бай (宿白), Кван-Чи Чанг (張光直), Тан Чун (邓聰). Преемственность в изуче-

нии сущности научно-технического опыта Китая прослеживается в работах Ле Айго (乐爱国) и Ши Чжунчжи (史忠植). Процесс развития философии науки и техники в Китае на этапе методологических предпосылок изучали крупнейший британский исследователь китайской цивилизации и науки Джозеф Нидэм, китайский философ науки Фан Дайниан (Fan Dainian), американский философ науки, марксист Роберт Козн. Основные этапы и ведущие направления развития китайской философии науки и техники охарактеризовали Хун Цянь (洪谦), Лю Дачунь (劉大椿), китайско-русский философ-методолог Бао Оу. Трансформация содержания опыта научно-технического развития Китая была изучена Мо Цзунсанем (牟宗三), Тан Цзюньи (唐君毅). Эпистемологический аспект исследовали Ван Говей (王國維), Сюй Фугуань (徐復觀), Цзинь Юэлинь (金岳霖), Сюн Шили (熊十力). Современные аспекты научно-технического развития Китая, китайская философия XX-XXI вв. и ее понимание инновации представлены в работах Лик-Куэн Тонга (唐力權), Фанга Донгмея (東美), Цина Валуна (金吾伦), Чжана Дайняня (张岱年), Томонобу Имаичи (今道友信).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исследование, проведенное в рамках данной статьи, основано на постнеклассической парадигме определения опыта научно-технического развития как высшего типа движения в природе, обществе и человеке, связанного с переходом от одного качества к другому, от старого к новому, необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов, рассматриваемое в контексте события в философском смысле.

1. Онтологические основания. Особенностью опыта научно-технического развития Китая является единство деятельности и ценности, образующее уникальную систему взаимосвязей экологической среды, образа жизни человека и научно-технического развития в эволюции китайской цивилизации. В этой связи ведущей в онтологии опыта научно-технического развития Китая является проблема выявления сущности человеческой природы, нравственной природы человечности. Понимание проблемы определяют традиционная китайская философия, фундаментальные исследования (корпускулярно-волновой дуализм, теория относительности), развитие философии науки в Китае и особенности китайских исследований STS (Science and Technology Studies; социальные исследования науки и технологий), связанные с описанием онтологии опыта научно-технического развития Китая в интеграции инновационных и образовательных процессов, гармоничных отношениях между природой, людьми, наукой, техникой и обществом.

В свою очередь, в традиционной философии выделяется учение о существовании устойчивого жизненного основания, принципа «недеяние» (у вэй 無為), содер-

жащее идеалы, нормы и правила научного освоения экосистем: не противоречить развитию человеческой жизни, соответствовать комплексу традиционных понятий «мудрец» (*цзы* 子), «учиться» (*сюэ* 学) и «человечность» (*жэнь* 人) [4].

Установка постнеклассической парадигмы, что базой научно-технического развития является философия науки и техники, вызывает необходимость поднять вопрос о процессе развития философии науки и техники Китая, определить источники, методологические предпосылки, основные этапы развития китайской философии науки и техники, существенные черты современной философии науки и техники Китая. В процессе исследования поставленного вопроса, с привлечением исторического материала и философских источников, сделан вывод, что развитие философии науки и техники Китая определяется организационным, дискуссионным и этическим моментами, комплексно характеризующими современный этап философии науки и техники Китая значительным влиянием аксиологического фактора, освоением саморазвивающихся сложноорганизованных человеко-размерных систем, имеет черты постнеклассического типа научной рациональности.

Происхождение философии науки и техники в Поднебесной академические круги Нового Китая излагают с различных точек зрения и сходятся в том, что история определяет перспективу развития философии науки Китая в масштабах мировой экономики и международных отношений. Всякая система знаний является плодом длительного процесса взаимодействия культур, результатом толкования привлеченной к диалогу культурной традиции; задача философии науки состоит в выявлении ресурсов китайской мысли, а также, изучая культурную традицию Китая, вернуться к корню и открыть новое.

В общем контексте традиции и современности традиционными источниками китайской философии науки и техники (*цзишу кэсюэ чжэсюэ* 技術科学哲学) являются народная мудрость, связь с индийской культурной традицией, основные философские школы натурфилософии, даосизма, конфуцианства, легизма, моизма и логического номинализма. Традиционные источники предоставляют абстрактное мышление, систематическое выражение и практическое формирование понятий китайской философии науки, обеспечивают логическую, методологическую и культурно-историческую поддержку современной системы китайского дискурса, различая логическое мышление с аспектами формальной структуры, необходимые в организации научно-технической деятельности, и образ мышления с ценностным аспектом.

Иными источниками философии науки и техники Китая являются диалог Востока и Запада, контакт с зарубежной философией науки, марксистская философия и советские философские идеи. Традиционными методологическими предпосылками философии науки и техники в Китае являются формирование философского научного стиля мышления в Китайской научно-философской академии (*Цзи ся сюэ гунн*

稷下学宫; сер. 4 – сер. 3 в. до н. э.) и гармония (хэ 和) как древнейшая методологическая, руководящая идея. В связи с западными контактами оказывает влияние западный синологический и методологический анализ социокультурного и исторически развивающегося феномена традиционной китайской науки.

На современном этапе методологические предпосылки инновационного развития философии науки и техники Китая формируются в китайских исследованиях ценностного аспекта науки и техники. Управление наукой и технологиями в контексте сравнения китайской и западной культур, взаимодействие философии науки и техники с философией образования считаются необходимыми условиями инновационного скачка в развитии философии науки и техники Китая.

В процессе формирования методологических предпосылок философии науки и техники Китая определяется вопрос об этапах развития и осознается социально-гуманитарная миссия философии науки Китая: постановка и исследование актуальных методологических задач. Актуальными задачами считаются организация науки, научно-техническая политики, реформирование научно-технической системы, воспроизводство научных кадров, мобильность ученых, проведение социально-гуманитарной экспертизы современных инновационных технологий и этика новых технологий, анализ сложного и противоречивого в историко-научном отношении процесса развития международного сотрудничества.

На основании постнеклассической парадигмы исторического развития научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика) определяются основные этапы развития китайской философии науки и техники, связанные с организационным, дискуссионным и ценностно-этическим моментами.

Первый (организационный) этап философии науки и техники в Китае начинается в 1918 году с открытия в Пекинском университете курса «Введение в науку». Организация и распространение научных идей, изучение древних китайских научных и технических достижений, разъяснение вклада китайской нации в развитие мировой науки и технологий, воспитание национального самосознания и обучение культурно-историческому обмену наукой и культурой между Китаем и миром, социальная ответственность определяют построение системы философии науки в Китае. Формирование общефилософского взгляда на комплекс естественных, социальных и гуманитарных дисциплин, систематическое описание истории западной философии, марксизма-ленинизма и китайской философии, дебаты о науке и взглядах на жизнь (*Кэсюэ юй жэньшэнь гуань* 科学与人生观) в 1920-е годы способствовали развитию философского диалектического мышления в науке.

Второй (дискуссионный) этап начинается с образования Нового Китая в 1949 году. Диалектика природы рассматривается как методологическое основание развития науки и техники в развернувшихся дискуссиях по вопросам отношения между наукой и философией, о конечности и бесконечности Вселенной, возможности и материи, о чувственном опыте, субъективности в современной физике. Китайская

философия науки и техники трансформируется в теоретическую модель, представляющую собой самостоятельно развивающуюся философскую систему с методологической особенностью, определяющей этический этап развития.

Третий (этический) этап развития философии науки и техники в Китае отличается глобальной заинтересованностью в развитии науки и новых технологий, инновационными преобразованиями философии науки и техники Китая. Современный этап является этическим, отличается значительным влиянием аксиологического фактора, освоением саморазвивающихся сложноорганизованных человеко-размерных систем, имеет черты постнеклассического типа научной рациональности. Современная философия науки и техники в Китае исследует в направлении идеи гармонии онтологические проблемы опыта научно-технического развития.

Развитие философии науки в Китае характеризуется внедрением философии моделирования, информационной и экологической философии в проблематику редукционизма (упрощенного взгляда на природу, человека и культуру), корреляционизма (упрощенного взгляда на бытие и мышление) и релевантности (соответствия времени, пространства, языка). Современными задачами онтологии опыта научно-технического развития Китая являются организация процесса понимания как основы человеческого бытия (так как глубина понимания отражается в характере отношений человека к природе), системный характер научно-технического развития, смысл существования ученого в обществе.

2. Содержание (нейжун 内容) опыта научно-технического развития Китая, представляющее подвижную, динамичную, процессуальную его сторону, является сложным, многоуровневым, системным образованием, получившим развитие в рамках пяти периодов, последовательно переходящих друг в друга.

Первый период – с эпохи антропогена и плейстоцена – включает в себя практическое получение опыта развития.

Второй период, начиная с III тысячелетия до новой эры и легендарной династии Ся, содержит обобщение практических исканий в культурные и традиционные ценности.

Третий период, начиная с создания китайского национального государства династией Цинь в III веке до новой эры, представляется поэтапным формированием научно-технической системы Китая; в рамках этого периода выделяются пять исторических этапов:

- 1) систематизация знаний в эпоху Цинь;
- 2) поиск источников познания с эпохи Хань;
- 3) объективное исследование знаний с эпохи Тан;
- 4) переход к науке и технике западного образца с эпохи Цин;
- 5) исследование строения, структуры, функционирования и развития знания с падения имперского режима в 1912 году.

Четвертый период определяется программой «Реформы и открытость» (*Гайгэ кайфан* 改革开放; 1978) и является реформированием научно-технической системы в комплексную экосистему с самоорганизующимися свойствами (*Шэнтай ситун* 生态系统), ее исследованием в ключе системно-синергетической парадигмы.

Пятый период характеризуется тезисом-идеей «новая форма человеческой цивилизации» (*Жэньлэй вэньмин синь синтай* 人类文明新形态; 2021), целенаправленным обучением инновациям и управлением инновационными процессами, ориентирован на развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий, объединяющих возможности правительства, промышленности, научных кругов, исследовательских и финансовых учреждений [8, 12].

Сочетание принципов марксизма с конкретной реальностью Нового Китая и традиционной китайской культурой, интеграция теоретического и практического знания, междисциплинарные исследования на культурно-исторической основе и диалог Китая с миром формируют черты постнеклассического типа научной рациональности.

3. Формой (синиши 形式) опыта научно-технического развития Китая – системой устойчивых связей – является дискурсивная система, определяемая традиционными китайскими философскими понятиями «культура» (*вэнь* 文), «действовать» (*вэй* 為), «существование-бытие» (*кунцзай* 存在) и характеризуемая синергетической проблематикой, связанной с концептом «добродетель» (*дэ* 德). Дискурсивная система с китайскими характеристиками включает в себя *ядро* (инновационные процессы), тождественное понятию «культура» (*вэнь* 文) и *поле* (общая модель памяти, ситуационная модель и система управления), соответствующее понятию «действовать» (*вэй* 為). Дискурсивная система также охватывается *рамкой*, релевантной понятию «существование-бытие».

Ядро определяется проектом «Цифровой Китай» и инновационной методологией, имеющей философские истоки в дискуссиях о природе чисел.

Поле определяется следующим образом:

- 1) ситуационной моделью «Китай-мир», описывающей ценность отношения человека и вселенной;
- 2) общей моделью памяти, исследующей взаимодействие традиционной и технологической памяти;
- 3) системной кибернетикой (*Ситун кунчжи лунь* 系統控制論), основанной создателем китайской космической программы Цянь Сюэсэнем (钱学森; 1911–2009).

Объектом познания является взаимодействие инженерно-технических, природных и социальных систем. В познании объекта выделяются:

- 1) сущностные связи между современными технологиями, природной экологией, гуманистическими традициями;

- 2) проблема разрушения природной системы и гуманистических традиций;
- 3) противоречие научно-технического развития.

Рамка определяется научно-технической политикой КНР. Целью политики является реформирование научно-технической системы Китая. В научно-технической политике КНР выделяются политика централизованного планирования, политика рыночных реформ, инновационная политика. Специфика инновационной политики определяется китайской мечтой (*Чжунго мэн* 中国梦), формирующей контексты культуры и общества, экономики и политики, идеологии и семьи.

4. Ценностные ориентации опыта научно-технического развития Китая. Экспликация ценностной ориентации науки и техники Китая связана с исследованием человеко-машинных отношений, определяется отношением «Китай-мир», характеризуется двумя видами ценностных отношений:

- 1) интернационализацией;
- 2) направленностью на китайские культурно-исторические ценности.

Ценностное измерение формы опыта научно-технического развития выражается в китайских академических кругах формулой «наука плюс философия» (*кэсюэ юй чжэсюэ* 科学与哲学) [11]. Союз философии и науки Китая представлен в подходах философии математики, философии технологий, философии ценностей, философии инженерии, современной организмической философии, исследующих человеко-машинные отношения. Исследование этих отношений в китайской науке хорошо согласуется с методологическим выделением в постнеклассической парадигме традиционного и техногенного типов развития.

5. Понимание инновации современной китайской философией. Исследование инноваций подчеркивает этико-эстетический характер опыта научно-технического развития Китая и в китайской философской культуре имеет открытый, сложный, системный характер. Инновация рассматривается как философская категория онтологического уровня, обладающая всеобщностью. Инновация – это сущность изменения организации знаний, качественный скачок в количественных изменениях, осуществляемый инновационным мышлением в форме эволюционной логики, с атрибутами национальной субъективности и национальной инновационной системы с целью создания дискурсивной системы на культурно-исторической национальной основе и задачей эволюции институциональных инноваций.

Эволюцию институциональных инноваций определяет понимание культуры как метода. Метод культуры трактуется в контексте марксизма как метод, действующий между диалектическим и историческим материализмом, соединяя их. На этой основе формируется инновационная культура как синтез информационной, исследовательской и экологической культуры, а также исследуются инновационные процессы. В свою очередь, инновационные процессы являются саморазвивающейся систе-

мой знаний. Общее понимание системы инновационных процессов фокусируется на идее возрождения науки и техники в Китае.

6. Основными источниками научно-технического развития современного Китая являются философская традиция Китая, новая философия развития, культурная трансформация философии науки и техники, модель открытости внешнему миру. Китайская философская традиция обосновала ценность вопроса об источниках опыта науки и техники для развития национального самосознания, обусловленную идеей открытости, трактуемой как целенаправленный творческий процесс. С точки зрения новой философии развития главным источником опыта науки и техники современного Китая является взаимодействие науки и философии науки с ведущей проблемой культурной трансформации философии науки и техники.

В культурной трансформации философии науки и техники Китая, направленной от истоков мышления к правовой цивилизации, источником современного развития науки и техники Китая являются бизнес-модели и новые технологии, отражающие идею открытости и актуализирующие проблематику качеств китайской нации и справедливости. В свою очередь, обозначенная проблематика исследуется в целевой модели открытости внешнему миру. В комплексе методологических ориентиров этой модели ключевым является вопрос о кросс-культурных взаимодействиях в научно-техническом развитии современного Китая.

7. В кросс-культурных взаимодействиях современного Китая в сфере научно-технического развития глобализация выступает наиболее общей формой организации китайского опыта науки и техники. Кросс-культурные взаимодействия сегодня являются пересечением многих и различных форм познания мира, ценностных ориентаций, общественно-экономических и социально-политических структур, идей и систем [5].

Синергия современной научно-технической культуры Китая обеспечивает открытое пространство научных и технологических инноваций. Сложность кросс-культурного взаимодействия связывается китайской эпистемологией XXI века – особенно постконфуцианской школой – с гармонизацией социокультурных механизмов развития науки и техники Китая. Существует различие между культурной традицией, ориентированной на ценности аналитического и гносеологического свойства (Запад), и традицией, нацеленной на установление жизненных ценностей с точки зрения *целого* (Восток).

Главными событиями кросс-культурного взаимодействия являются параллельное развитие, западное обучение и обучение у иных культур. Китайская кросс-культурная философия обосновывает роль посредника. В кросс-культурном взаимодействии современные аспекты методологии науки и техники Китая могут быть определены постнеклассической парадигмой системно-синергетической сложности, конвергенцией социально-гуманитарного и естественно-научного знания, интегра-

цией знаний, целостностью инновационных процессов, междисциплинарными исследованиями и трансдисциплинарностью.

Заключение. Опыт научно-технического развития Китая характеризуется многоуровневостью, нелинейностью, междисциплинарными связями, трансдисциплинарностью, проблематикой субъектности. Причем наблюдающаяся преемственность, социокультурная обусловленность, историчность, предметная рефлексия универсалий культуры, биосфероцентризм, стремление к гармоничному развитию, органичное взаимодействие традиционного и техногенного типов культуры, прогностический и комплексный характер опыта науки и техники Китая позволяют проследить некоторое соответствие постнеклассическому типу научной рациональности. Духовно-инновационный ресурс интенсивного развития обеспечивается идеей возрождения китайской нации. Современными механизмами развития науки и техники Китая как социального института являются традиция, ценности, политика, обмен знаниями. В современной китайской философии сформировалась позиция, что для развития науки и техники необходимы гармоничные, многогранные отношения между человечеством и природой [10].

В этой связи основа исследуемого опыта научно-технического развития Китая – это гармоничная связь человека с природой и культурой. В основании интеграции различных тенденций развития техники и науки Китая лежат процесс создания институционального ландшафта научно-технических инноваций и системные исследования, синтезирующие восточный и западный типы мышления. На этих основаниях решается задача формирования целостного научно-технологического комплекса, включения его в международное научное сотрудничество и кросс-культурные коммуникации.

Список литературы

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 203 с.
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. 671 с. С. 361–396.
3. Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста / пер. с англ. В. Б. Смиренского // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / отв. ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. 318 с. С. 153–212.
4. Журенков Д. А. Антропный принцип: о некоторых онтологических основаниях научно-технического развития Китая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 148–158. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-148-158
5. Лепский В. Е., Журенков Д. А., Савельев А. М. Научная дипломатия и социальные инновации // SocioTime / Социальное время. 2019. № 2 (18). С. 54–62. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.54

6. Лепский В. Е. Гармония культур в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах (от техногенной к социогуманитарной цивилизации) // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. 628 с. С. 431–433.

7. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры // Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. С. 97–98.

8. Савельев А. М., Журенков Д. А., Пойкин А. Е. Ценностные ориентации технологий искусственного интеллекта в США и Китае: философский анализ // Философские науки. 2022. Т. 65, № 1. С. 124–143. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-124-143

9. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с. (Классика гуманитарной мысли; вып. 3).

10. Сюэ Юнши 薛勇氏, Чжан Цзяньхуэй 张建辉. Данцянь шэнтай вэйцзи дэ кэцзи лисин пипань 当前生态危机的科技理性批判. Критика научных и технологических причин современного экологического кризиса // Философские исследования науки и техники. 2017. № 2. С. 102–106.

11. Хао Люсян 郝刘祥. Кэцзи гэмин цянэ вэйхэ хухуань чжэсюэ 科技革命前夜为何呼唤哲学. Зачем нужна философия накануне научно-технической революции / Ху Миньци 胡珉琦 // China Science News. 30.09.2021.

12. Saveliev A., Zhurenkov D. Artificial intelligence and social responsibility: the case of the artificial intelligence strategies in the United States, Russia, and China, *Kybernetes*, 2020. Vol. 50, iss. 3. Pp. 656–675. DOI: 10.1108/K-01-2020-0060

Авторская справка

ЖУРЕНКОВ Денис Александрович – научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: dzhurenkoff@mail.ru

UDC 167.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.24

ABOUT SOME RESULTS OF PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF CHINA'S EXPERIENCE OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

D. A. Zhurenkov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. Philosophical and methodological analysis of the experience of scientific and technological development of China is relevant for philosophy and methodology of science in the development of a complex philosophical culture and the search for methods of thinking with a high level of perception of other culture, necessary as a basis for prospective research. The aim of the study is to specify the modern methodological foundations of China's experience of scientific and technological development and the corresponding value orientations in the basic concepts of Chinese philosophy.

Methods. The main method is reflexion. The research is based on the principles of post-non-classical rationality.

Results. The peculiarity of the experience of scientific and technological development of China is the unity of activity and value, which forms a unique system of interrelations of the ecological environment, human lifestyle and scientific and technological development in the evolution of Chinese civilization. Leading in the ontology of the experience of scientific and technological development of China is the problem of identifying the essence of human nature, the moral nature of humanity. The content of the experience of scientific and technological development of China is a complex, multi-level, systematic education: the modern period of development is characterized by the thesis-idea of "a new form of human civilization", purposeful training in innovation and management of innovation processes, focused on the development of artificial intelligence and digital technologies. The form of China's scientific and technological development experience is a discursive system defined by the traditional Chinese philosophical concepts of "culture", "act", "existence-being" and characterized by synergetic issues related to the concept of "virtue". The value dimension of the form of scientific and technological development experience is expressed in Chinese academic circles by the formula "science plus philosophy".

The study of innovations emphasizes the ethical and aesthetic nature of the experience of scientific and technological development in China and in Chinese philosophical culture has an open, complex, systemic character. The main sources of scientific and technological development of modern China are the philosophical tradition of China, the new philosophy of development, the cultural transformation of the philosophy of science and technology, the model of openness to the outside world. In the cross-cultural interaction of China, modern aspects of the methodology of science and technology can be defined by the post-non-classical paradigm of system-synergetic complexity, convergence of socio-humanitarian and natural science knowledge, integration of knowledge, integrity of innovation processes, interdisciplinary research and transdisciplinarity.

Conclusions. The modern experience of China's scientific and technological development can be characterized by multilevel, non-linearity, interdisciplinary links, transdisciplinarity, and the problem of subjectivity. There is continuity, socio-cultural conditionality, historicity, subject reflection of cultural universals, biosphere-centrism, and aspiration for harmonious development. Organic interaction of traditional and technogenic types of culture, predictive and complex nature of the experience of science and technology in China allow us to trace some correspondence to the post-non-classical type of scientific rationality.

Keywords: China, post-non-classical scientific rationality, scientific and technological development.

References

1. Arshinov V. I. Sinergetika kak fenomen postneklassicheskoy nauki [Synergetics as a phenomenon of post-non-classical science]. Moscow, IF RAN, 1999. 203 p.
2. Budanov V. G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke: principy i perspektivy [Methodology of synergetics in post-non-classical science: principles and prospects]. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. Otv. red. L. P. Kiyashchenko, V. S. Stepin. Saint Petersburg, Izdatel'skij dom «Mir», 2009. 671 p. Pp. 361–396.
3. Van Dejk T. A., Kinch V. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding connected text]. Perv. s angl. V. B. Smirenskogo. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. Otv. red. V. V. Petrov, V. I. Gerasimov. Moscow, Progress, 1988. 318 p. Pp. 153–212.
4. Zhurenkov D. A. Antropnyj princip: o nekotoryh ontologicheskikh osnovaniyah nauchno-tehnicheskogo razvitiya Kitaya [The anthropic principle: on some ontological foundations of the scientific and technological development of China].

opment of China]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 2. Pp. 148–158. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-148-158

5. Lepskij V. E., Zhurenkov D. A., Saveliev A. M. Nauchnaya diplomatiya i social'nye innovacii [Scientific diplomacy and social innovation. SocioTime]. SocioTime / Social'noe vremya. 2019. № 2 (18). Pp. 54–62. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.54

6. Lepskij V. E. Garmoniya kul'tur v samorazvivayushchihsya reflektivno-aktivnykh sredah (ot tekhnogennoj k sociogumanitarnoj civilizacii) [Harmony of cultures in self-developing reflexive-active environments (from technogenic to socio-humanitarian civilization)]. Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, 17–19 maya 2018 g. Saint Petersburg, SPbGUP, 2018. 628 p. Pp. 431–433.

7. Lefevr V. A. Konfliktuyushchie struktury [Conflicting structures]. Refleksiya. Moscow, Kogito-Centr, 2003. Pp. 97–98.

8. Saveliev A. M., Zhurenkov D. A., Pojkin A. E. Cennostnye orientacii tekhnologij iskusstvennogo intellekta v SShA i Kitae: filosofskij analiz [Value orientations of artificial intelligence technologies in the USA and China: philosophical analysis]. Filosofskie nauki. 2022. Vol. 65, no. 1. Pp. 124–143. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-124-143.

9. Stepin V. S. Civilizaciya i kul'tura [Civilization and culture]. Saint Petersburg, SPbGUP, 2011. 408 p. (Klassika gumanitarnoj mysli; iss. 3).

10. Xue Yongshi 薛勇氏, Zhang Jianhui 张建辉. Dāngqián shēngtài wéijī de kējì lǐxíng pīpàn 当前生态危机的科技理性批判. Kritika nauchnyh i tekhnologicheskikh prichin sovremennoego ekologicheskogo krizisa [Criticism of the scientific and technological causes of the modern environmental crisis]. Filosofskie issledovaniya nauki i tekhniki. 2017. No. 2. Pp. 102–106.

11. Hao Liuxiang 郝刘祥. Kējì géming qiányè wèihé hūhuàn zhéxué 科技革命前夜为何呼唤哲学. Zachem nuzhna filosofiya nakanune nauchno-tekhnicheskoy revolyucii [Why is philosophy needed on the eve of the scientific and technological revolution]. Hu Minqi 胡珉琦. China Science News. 30.09.2021.

12. Saveliev A., Zhurenkov D. Artificial intelligence and social responsibility: the case of the artificial intelligence strategies in the United States, Russia, and China, Kybernetes. 2020. Vol. 50, iss. 3. Pp. 656–675. DOI: 10.1108/K-01-2020-0060

Author's Bio

ZHURENKOV Denis Alexandrovich – Research Officer of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: dzhurenkoff@mail.ru

Библиографическая ссылка

Журенков Д. А. О некоторых результатах философско-методологического анализа опыта научно-технического развития Китая // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 24–37. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.24

УДК 35

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.38

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА МЕНТАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

А. А. Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург (Россия)

Введение. Защита общества и обеспечение его благополучия в XXI веке становятся одной из ключевых задач государства. При этом на современном этапе развития цивилизации заботы только о базовых общественных и личностных потребностях явно недостаточно. Здоровье нации – один из важнейших показателей ее благополучия, под которым понимаются не только физические параметры, но и ментальные (психологические/психические и умственные/интеллектуальные). Ментальное здоровье формируется не автономно, а под влиянием социальных и политических факторов, изменчивость и непостоянство которых актуализируют и даже обостряют тему ментальной безопасности в современных условиях существования и развития рисков настоящей эпохи. Цель исследования – изучить возможности влияния социальных и политических факторов на уровень ментальной безопасности нации. В настоящее время усложнение социально-политических отношений, ускорение жизни практически во всех областях, изменение форматов межличностного взаимодействия (с применением современных технологий) порождают множество угроз ментальному здоровью населения, требующих незамедлительного разрешения.

Методы. В настоящем исследовании были использованы социально-антропологический подход и феноменологический анализ.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье рассмотрены два ключевых фактора (социальный и политический), влияющих на ментальное благополучие нации, механизмы их воздействия с положительным и отрицательным результатами, а также предложены пути преодоления неблагоприятных исходов такого влияния. Отмечается, что ключевые характеристики обеспечения ментальной безопасности – это образование и просвещение, благодаря которым формируется критическое мышление и появляется возможность приобрести навыки адаптации к объективным и субъективным условиям жизнедеятельности.

Заключение. Тема ментальной безопасности является остроактуальной, поэтому ее изучение весьма перспективно как с теоретической, так и с практической стороны. Знание механизмов влияния социальных и политических факторов на ментальную безопасность общества будет способствовать выработке решений, направленных на повышение ее уровня и укрепление идентификационных оснований сохранности нации.

Ключевые слова: нация, угрозы, безопасность, ментальное здоровье, идентичность, благополучие.

Введение. Тема является важной и актуальной в современном обществе, поскольку ее исследование позволяет понять, как социальные и политические условия личной и общественной жизни влияют на ментальное благополучие и оказывают воздействие на поведение, мышление и эмоциональное состояние человека.

Важно отметить, что ряд социальных и политических факторов может негативно сказаться на ментальном здоровье людей. К примеру, конфликты между группа-

ми на основе несовпадения расовых, гендерных, политических или религиозных взглядов способны привести к повышенному уровню стресса у тех, кто оказывается вовлеченным в эти конфликты. Политические кризисы, такие как глобальный экономический спад, войны и террористические атаки, также могут оказывать давление на ментальное здоровье людей. Нередко в результате таких событий появляются симптомы тревожности, депрессии и других психических состояний, угрожающих ментальной безопасности нации.

Кроме того, социальные и политические условия способны затрагивать такие сферы жизни, как работа, семья, здоровье и образование. Изменения в этих областях жизнедеятельности влияют на эмоциональное состояние человека, что приводит к различным ментальным проблемам.

В свою очередь, исследование социальных и политических факторов позволяет выявлять наиболее рискованные и уязвимые группы населения, что способствует разработке соответствующих программ для поддержки ментального здоровья и созданию условий, снижающих уровень стресса и улучшающих качество жизни.

Цель исследования – изучить возможности влияния социальных и политических факторов на уровень ментальной безопасности нации.

На основе сформулированной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть ментальную безопасность как один из ключевых элементов национальной безопасности современного государства;
- 2) исследовать влияние социальных и политических факторов на ментальное благополучие нации;
- 3) проанализировать возможные способы снижения негативного влияния социальных и политических факторов на ментальную безопасность населения, а также учесть их при разработке стратегий по улучшению ментальной безопасности.

В настоящее время усложнение социально-политических отношений, ускорение жизни практически во всех областях, изменение форматов межличностного взаимодействия (с применением современных технологий) порождают множество угроз ментальному здоровью населения. Таким образом, перед современным государством и обществом остро встает вопрос обеспечения ментальной безопасности как важнейшего элемента национальной безопасности в целом.

В последние десятилетия тема ментального здоровья особо актуальна. Этому способствуют, во-первых, изменившиеся темп и формат жизни, возникающие новые угрозы психическому и интеллектуальному здоровью; во-вторых, смена парадигмы в 1990-х годах с ориентацией на человека, его права, свободы и благополучие. Поэтому перед исследователями XXI века стоит непростая задача по изучению проблематики сохранения ментального здоровья нации и влияния на него различных факторов, в том числе социальных и политических.

В настоящее время изучение ментальной безопасности, ментального здоровья, угроз им и способов их сохранения является остроактуальной темой междисциплинарных исследований. Так, можно выделить работы об угрозах ментальной безопас-

ности и способах их преодоления следующих авторов: А. М. Ильницкого [1; 2], В. А. Ксенофонтова [3], Е. К. Обринской [4] и др. Исследованию разных факторов, влияющих на ментальную безопасность нации, посвящены труды О. М. Бузской [5], С. А. Буткевича [6], Н. А. Коровниковой [7] и др. Однако тема ментальной безопасности недостаточно разработана в силу недавно зародившегося теоретического и практического исследовательского интереса к ней и постоянного обновления эмпирического материала. Именно поэтому в условиях усложняющейся политической и социальной реальности, а также возникающих новых угроз ментальному благополучию населения необходимо комплексное раскрытие данной темы в различных междисциплинарных исследованиях.

Методы исследования. В статье были использованы социально-антропологический подход и феноменологический анализ. Показана одна из сторон существования человека и общества – состояние ментальной безопасности, ее значимость в условиях развития новых рисков и угроз, влияние на нее социальных и политических факторов, а также способы ее обеспечения. Нация (общество) рассмотрена как единая группа, имеющая в основе своего происхождения и развития коллективную идентичность, взаимосвязанные социальные и политические факторы.

Общество рассматривается как некая структурированная система, которая существует в определенных условиях, имеет характерные особенности (параметры ментального здоровья), зависит от ряда факторов (социальных и политических). Поэтому в работе изучены роль ментального здоровья членов общества, значение ментальной безопасности и условия ее обеспечения. При этом социальные и политические факторы изучаются как автономно, так и системно в контексте влияния на ментальную безопасность.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Социальные и политические факторы влияют на общественную жизнь и политические процессы в обществе. Они включают в себя социальные, экономические, культурные, этические и политические аспекты жизни общества. Эти факторы могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на общественное развитие, их важность для определения направления социальных и политических изменений неоспорима.

Ментальная безопасность – это состояние психического и эмоционального благополучия личности, обеспечивающее способность адекватно реагировать на внешние и внутренние стрессы и сохранять равновесие в состоянии профессиональной деятельности, быта и личного развития. И если под ментальными нарушениями подразумеваются психические и/или интеллектуальные расстройства, то под ментальной безопасностью следует понимать благополучие в данных сферах. Этот термин используется в научной литературе и востребован в различных областях чело-

веческой деятельности, таких как медицина, педагогика, право, психология, философия, социология и многих других.

Особую озабоченность ментальное здоровье вызывает у специалистов из разных областей знания в эпоху цифровизации, когда ментальное пространство постепенно поглощается массовой компьютеризацией. У этого процесса существуют и преимущества (улучшение качества жизни, общественный и личностный прогресс и многое другое), и серьезные недостатки, некоторые из которых становятся угрозами ментальной безопасности. Так, среди них можно выделить ментальные вирусы и эпидемии, затрагивающие разные уровни сознания (как общественного, так и индивидуального) [8, с. 85]; ухудшение ситуации с ростом и усложнением ментальных расстройств; доминирование клипового (фрагментарного) мышления над рациональным; вовлечение молодежи в деструктивные процессы ментального разложения и многие другие [9, с. 110-111].

Тем самым цифровая эпоха создает дополнительные нагрузки на ментальное состояние нации. В основном это связано с дополнительной информационной нагрузкой, анонимностью в сети, а также контентом, имеющимся в свободном доступе, только в виртуальном пространстве (компьютерные игры, шок-контент и пр.) [10].

Неотъемлемый компонент ментального благополучия нации – высокий уровень ее духовного развития, обеспечивающий духовную безопасность государства как часть национальной безопасности в целом. В данном контексте ментальная безопасность через призму духовной безопасности понимается на более высоком, стратегическом уровне. Перед населением стоит задача сохранения себя как нации с присущими ей уникальными характеристиками. Здесь необходимо присутствие чувства принадлежности, идентичности, независимости, гражданственности, патриотизма и пр. [11].

Однако стоит учитывать, что забота о ментальном благополучии на этом (более высоком и сложном) уровне имеет место только после приведения в порядок уровня более прагматичного, приближенного к реалиям жизни в режиме «здесь и сейчас». Можно условно обозначить эти уровни достижения ментального здоровья как бытовой и идейный (идеологический в широком его понимании) или социальный и политический. Кроме того, необходимо осознавать, что эти стороны жизни, эти уровни только условно разделимы, фактически они развиваются (как и деградируют) в едином пространстве жизнедеятельности человека, общества и государства. Поэтому ментальное благополучие в данных сферах достигается комплексно, сообща и с целью достижения единого, а не эпизодического (фрагментарного или случайного) результата.

Ментальная безопасность является основой для взаимодействия людей в обществе и эффективности их деятельности. Она влияет на качество повседневной жизни и позволяет достигать своих личных и профессиональных целей. Социальные и политические факторы, в свою очередь, помогают в определении проблем, вызываю-

щих ментальную нестабильность, а также в разработке мер, направленных на улучшение ментального благополучия.

Социальное окружение играет важную роль в формировании ментального здоровья человека. Взаимодействие с другими людьми, социальные нормы и стереотипы, культурные ценности, а также жизненные условия могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на психологическое и интеллектуальное состояние человека.

Высокий уровень ментального здоровья позволяет индивиду адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Если социальное окружение способствует этому процессу, то человек развивается и растет во всех сферах своей жизнедеятельности. Однако нахождение в неблагоприятной обстановке может привести к различным проблемам с ментальным здоровьем. Так, тревожность, депрессия, фобии, психосоматические заболевания и многие другие нестабильные состояния человеческой психики способны развиваться под воздействием шума, напряженного ритма работы, социальной изоляции или проведенного времени в медицинских учреждениях.

С другой стороны, положительное воздействие социального окружения на ментальное здоровье человека часто проявляется в виде поддержки, эмпатии, уважения к личности, доверия, дружбы или любви. Основанные на этих феноменах отношения становятся опорой в тяжелые времена и укрепляют психологическую состоятельность.

Социальная психология приходит к выводу, что социальная напряженность и конфликты оказывают отрицательное влияние на ментальное состояние человека. Такая напряженность может возникать во многих ситуациях. Например, когда человек ощущает себя изолированным от общества, у него возникают трудности в общении с другими людьми, или его восприятие общества не совпадает с реальностью. Подобные ситуации способны приводить к различным формам тревожности, агрессии, депрессии, оказывать негативное влияние на психическое и интеллектуальное состояние человека. Конфликты, в свою очередь, могут возникать в личной жизни, на работе или в других социальных сферах. Они провоцируют стресс и недовольство, вслед за которыми возникают психологические проблемы.

Изучение влияния социальной напряженности и конфликтов на психическое состояние проводится в рамках социальной и клинической психологии. Одним из известных методов диагностики психических проблем, возникающих в связи со стрессом и конфликтами, является «Тест на уровень тревожности» (STAI – State-Trait Anxiety Inventory), разработанный Чарльзом Спилбергером в 1968 году [12]. Это самое распространенное и наиболее изученное инструментальное средство для оценки уровня тревоги у взрослых.

Одним из главных плюсов данного теста является его высокая надежность и валидность. STAI представляет собой глобальный тест для оценки всех аспектов тревоги. Он применяется для обследования пациентов с различными заболеваниями,

включая психические расстройства. Также этот тест применяют при оценке эффективности терапии и помощи в выборе подходящего метода лечения.

Тем не менее использование теста STAI может иметь и некоторые минусы. Например, есть возможность искажения результатов, если пациент ожидает определенного результата или желает скрыть свой уровень тревоги [13]. Кроме того, для тех, кто уже борется с повышенным уровнем тревоги, прохождение теста может привести к усилению симптомов и вызвать дополнительный стресс. Чтобы гарантировать ментальную безопасность при использовании теста STAI, необходимо правильно интерпретировать результаты и применять его только в контексте общей картины состояния пациента. Также следует помнить, что результаты данного теста не должны быть использованы для постановки диагноза, они являются лишь инструментом для оценки уровня тревоги и отслеживания изменений во времени.

Таким образом, социальная напряженность и конфликты являются важными факторами, влияющими на ментальную безопасность людей. Например, это влияние может проявиться в рабочей сфере. Так, уровень напряженности в рабочей среде оказывает негативное воздействие на психологическое благополучие. Люди, работающие в конфликтных или напряженных условиях, часто страдают от депрессии и тревожности, а также имеют более низкий уровень удовлетворенности жизнью. При этом улучшение рабочих условий и уменьшение конфликтов может существенно улучшить ментальное состояние работников.

Не менее деструктивным является влияние негативных социальных факторов в учебных заведениях. Например, насилие в школах может негативно сказываться на психологическом здоровье детей. Так, у детей, подвергшихся насилию со стороны одноклассников, больше шансов столкнуться с проблемами, связанными с тревожностью, депрессией и снижением самооценки, чем у детей, которые не сталкивались с подобными ситуациями. Решением данной проблемы является борьба с насилием в школах для создания безопасной среды для всех участников образовательного процесса. Однако действие негативных факторов может быть смягчено положительными социальными условиями (например, поддержкой со стороны социальной среды) или обращено в конструктивную сторону в случае рациональной работы над преодолением собственных проблем в тех или иных сферах.

Важно отметить, что социальные нормы и стереотипы также могут оказывать значительное влияние на ментальную безопасность человека, поскольку они формируют определенные ожидания и требования к поведению и мировоззрению людей. Вместе с тем эти нормы и стереотипы способны быть негативными и дискриминационными по отношению к некоторым группам людей, что может привести к социальной изоляции и психологическому напряжению.

Помимо социальных факторов, важную роль в вопросах ментальной безопасности играют политические факторы. Итак, можно утверждать, что между политическими режимами и управлением ментальным состоянием населения прослеживается

определенная связь. Здесь выделяются такие факторы, как уровень экономического развития, социальная справедливость, гражданские свободы и внешняя политика.

Политические режимы, которые уделяют большое внимание экономическому развитию и гражданским свободам, как правило, создают благоприятную среду для поддержания ментального здоровья населения. С другой стороны, режимы, ограничивающие права и свободы граждан и не придающие должного значения экономическому развитию, провоцируют напряженность и стресс у населения. Также в данном контексте стоит рассмотреть уровень социальной справедливости. В условиях обеспечения равного доступа к социальным благам и услугам наблюдается невысокий уровень напряженности и стресса в обществе.

Внешняя политика как одна из важнейших сфер деятельности государства тоже влияет на ментальное состояние населения. Режимы, использующие агрессивную внешнюю политику, могут создавать напряженность и стресс, особенно если это приводит к военному конфликту. При этом режимы, которые предпочитают мирное урегулирование конфликтов и поощряют дипломатию, способны создавать более спокойную атмосферу в обществе, способствующую гармоничному и сбалансированному развитию.

В научной литературе немало внимания уделяется рассматриваемой теме, содержащей в себе множество направлений для более глубокого и сфокусированного анализа. Одним из авторов, исследующих эту проблематику, является Фрэнсис Фукуяма. В своей книге «Конец истории и последний человек» [14] он обсуждает важность демократии и ее роли в создании ментальной безопасности, утверждающей, что только демократические режимы способны создать условия для свободы и достоинства личности, что, в свою очередь, избавляет общество от тревожности и неопределенности, а потому и от ментального дискомфорта.

Тема дипломатии как источника благополучия и ее исследование развиваются вместе с изменениями окружающей действительности и условий существования в ней. Например, современные ученые обращаются к изучению такого феномена, как цифровая дипломатия, которая призвана с помощью информационно-коммуникационных технологий решать как уже устоявшиеся проблемы взаимодействия между теми или иными акторами, так и новые. При этом цифровая дипломатия, как и традиционная, призвана обеспечить безопасность на глобальном уровне и привести участников международных отношений к взаимопониманию [15].

Помимо рассмотренных политических факторов влияния, стоит также упомянуть политические идеологии и культурные ценности, оказывающие значительное воздействие на ментальную безопасность. Они формируют мировоззрение и систему ценностей индивида, определяют правила поведения и моральные нормы. Различные политические идеологии и культурные ценности способны как поддерживать, так и нарушать ментальную безопасность. Так, авторитаризм и национализм могут внушать людям страх перед изменениями или незнакомыми культурами,

снижать способность критически мыслить и приводить к подавлению индивидуальности. Это вызывает повышенный уровень тревоги, депрессии, агрессии и других ментальных расстройств. Однако на практике могут складываться и противоположные ситуации, когда определенные культурные ценности, например уважение к индивидуальности и свободе слова, способствуют повышению самооценки и уверенности, а также снижают уровень тревоги и депрессии. Они помогают людям развить свои личностные качества, независимость мышления и улучшить контроль над собой.

Итак, необходимо констатировать, что между социальными и политическими факторами и ментальной безопасностью складывается определенное взаимодействие, при котором данные факторы оказывают серьезное влияние на безопасность в области ментальной сферы. Например, социальная изоляция, которая становится все более распространенной в современном мире, может привести к различным психическим и умственным расстройствам, таким как депрессия, тревожность, психосоматические заболевания, самоубийства.

Кроме того, политические конфликты и кризисы, в том числе внутри страны и на мировой арене, также могут негативно повлиять на психику человека. Участие в политических акциях и митингах, особенно в случае кровопролития и насилия, а также информационный шум в СМИ вокруг значимых тем порождают негативные эмоции и отклики у многих людей, даже если они не являются прямыми участниками событий. Причем важным является не только само наличие данных факторов и происшедших событий, но и индивидуальное восприятие и оценка их значимости с точки зрения социальной группы, к которой принадлежит человек, его политических взглядов, культурной, национальной принадлежности и других идентификационных критериев.

Понимание основных причин и механизмов взаимодействия социальных и политических факторов и ментальной безопасности – важный шаг на пути создания эффективных мер по поддержанию ментального здоровья нации, а также на пути предупреждения социальных катаклизмов, возникающих из-за массового несогласия и затянувшихся конфликтов.

Таким образом, ментальная безопасность, как и физическая, является одним из основных компонентов общей безопасности человека, общества и государства. Это состояние психического комфорта, уверенности в своих возможностях и ощущение защищенности в окружающей среде. Повышение уровня ментальной безопасности имеет прямое отражение на качестве жизни людей, а также на эффективности и развитии общественных институтов. При разработке стратегии по обеспечению ментальной безопасности необходимо учитывать также социальные и политические факторы.

Социальные факторы предполагают определенную социальную ответственность и кооперацию общества и индивидов. Они включают в себя качество жизни,

социально-экономические условия, культурные и религиозные традиции, образование, свободу слова и информации, социальную поддержку, уважение к человеческой личности и правам. Важно помнить, что социальное неравенство, связанное с доходами, образованием, возрастом, расой и полом, а также игнорирование культурной разницы могут негативно влиять на ментальное здоровье людей и на общую ментальную безопасность социума.

Политические факторы также имеют большое значение в вопросах улучшения ментальной безопасности. Политическая стабильность, высокий уровень защиты прав и свобод личности, эффективная система правосудия и правоохранительных органов, доступность здравоохранения, образования, социальных и культурных ресурсов напрямую влияют на ментальное здоровье людей и общества. Кроме того, политическая поддержка и участие в развитии локальных сообществ, развитие системы гражданского участия и солидарности также могут положительно повлиять на ментальную безопасность, формируя уверенность и чувство сопричастности у участников политических отношений на разных уровнях.

Социальные и политические факторы могут оказывать и негативное влияние на ментальную безопасность, преодоление которого возможно с помощью распространения информации и развития системы образования. Критическое мышление и общая грамотность помогают людям осознавать и оценивать влияние различных факторов на их ментальную безопасность. Большое значение имеет создание положительной имиджевой среды, которая формируется благодаря распространению преимущественно позитивной информации. Кроме того, организация групповых занятий, где можно обсудить общественно важные проблемы и их влияние на ментальное здоровье, способна стать практичным решением.

Необходимо также сосредоточить внимание на поддержке семьи и на укреплении связей с общественностью этого основополагающего социального института. Такие меры могут способствовать созданию безопасной среды для всех членов семьи. Увеличение государственной поддержки семей с низким уровнем дохода и разработка профилактических программ, направленных на снижение риска развития ментальных расстройств у детей, также имеют потенциал значительно воздействовать на устранение негативного влияния социальных и политических факторов на ментальную безопасность.

Заключение. Ментальная безопасность – это состояние психического и умственного здоровья, которое обеспечивает устойчивость и адаптивность в различных жизненных ситуациях. В свою очередь, социальные и политические факторы рассматриваются как важные аспекты, способные оказывать влияние на ментальную безопасность.

Политические факторы положительно воздействуют на ментальную безопасность путем создания условий для социальной справедливости и защиты прав лич-

ности, а также с помощью уменьшения причин стресса и создания стабильности в обществе. Однако несправедливое политическое общество, нарушение прав и свобод личности, а также конфликты и войны могут значительно повышать риск возникновения ментальных нарушений как среди детей, так и среди взрослых.

Дальнейшие исследования в области взаимовлияния социальных и политических факторов и ментальной безопасности должны носить междисциплинарный характер, когда результаты исследований разных научных дисциплин по одному и тому же предмету могут дополнить друг друга. Ментальная безопасность – это та сфера, которая имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Поэтому изучение рассматриваемой проблематики необходимо продолжать и углублять с учетом новых вызовов и угроз в различных областях жизнедеятельности.

Одним из направлений дальнейшего исследования может стать анализ взаимосвязи социальных и политических условий жизнедеятельности и состояния ментального здоровья населения. Сюда можно включить изучение влияния уровня социальной поддержки, экономического развития, политической стабильности, социального неравенства, религиозной и культурной толерантности и других факторов на уровень ментального благополучия населения. Еще одним направлением исследований может быть анализ влияния социальных и политических конфликтов на ментальное состояние населения.

Данную тему также можно развивать в направлении изучения взаимосвязи между ментальным здоровьем и социально-политической активностью. Это исследование может включать в себя анализ связей между уровнем участия в общественной жизни, выборах, неформальных социальных группах, с одной стороны, и психологическое благополучие, с другой стороны.

Список литературы

1. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
2. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
3. Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. № 2 (263). С. 108–113.
4. Обринская Е. К. Потенциал и перспективы развития и совершенствования государственного механизма обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 347–352. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-347-352
5. Бузская О. М. Технологии ментального здоровья в целях экологии коммуникаций // Право и практика. 2017. № 3. С. 171–176.
6. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности (конструктивный и праксеологический подходы) // Таврические студии. 2021. № 27. С. 10–17.
7. Коровникова Н. А. Вопросы ментальной безопасности в контексте российско-украинского конфликта // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы Пятой междуна-

науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» / отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2023. Вып. 6, ч. 1. С. 190–192.

8. Сидоров П. П. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. 2015. Т. 4, № 4. С. 82–95.

9. Коровникова Н. А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1 (1). С. 107–118. DOI: 10.31249/snsn/2020.01.08

10. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 2. С. 310–322. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-310-322

11. Килимник Е. В. Духовная безопасность России // Теория и практика мировой науки. 2022. № 6. С. 48–53.

12. Spielberger C. D., Gorsuch R. L., Lushene R. E. STAI Manual for the State-trait Anxiety Inventory (Self-evaluation Questionnaire). Alto: Consulting Psychologists Press, 1970. 24 p.

13. Stojanovic N. M. Reliability and validity of the Spielberger's State-Trait Anxiety Inventory (STAI) in Serbian university student and psychiatric non-psychotic outpatient populations // Acta Facultatis Medicae Naissensis. 2020. No. 37 (2). Pp. 149–159. DOI: 10.5937/afmna37-25011

14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 588 с.

15. Turayeva G. Y. Digital diplomacy and its effect on international relations // A Posteriori. 2023. No. 4. Pp. 154–156

Авторская справка

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

UDC 35

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.38

IMPACT OF SOCIAL AND POLITICAL FACTORS ON MENTAL SECURITY

A. A. Kovalev

North-Western Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg (Russia)

Introduction. Protecting society and ensuring its well-being in the 21st century is becoming one of the key tasks of the state. At the same time, at the present stage of the development of civilization, concern only for basic social and personal needs is clearly not enough. The health of a nation is one of the most important indicators of its well-being, which means not only physical parameters, but also mental ones (psychological/mental and mental/intellectual). Mental health is formed not autonomously, but under the influence of social and political factors, the variability and inconstancy of which actualize and even exacerbate the topic of mental security in the current conditions of existence and development of the risks of this era. The purpose of the study is to study the possibilities of the influence of social and political factors on the level of mental security of the na-

tion. At present, the complication of socio-political relations, the acceleration of life in almost all areas, the change in the formats of interpersonal interaction (with the use of modern technologies) give rise to many threats to the mental health of the population that require immediate resolution.

Methods. In this study, a socio-anthropological approach and phenomenological analysis were used.

Results. The article considers two key factors (social and political) that affect the mental well-being of the nation, the mechanisms of their influence with positive and negative results, and also suggests ways to overcome the adverse outcomes of such influence. It is noted that the key characteristics of ensuring mental security are education and enlightenment, which form critical thinking and the ability to acquire skills to adapt to objective and subjective conditions of life.

Conclusion. The topic of mental security is highly relevant, so its study is very promising both from the theoretical and practical sides. Knowledge of the mechanisms of influence of social and political factors on the mental security of society will contribute to the development of solutions aimed at raising its level and strengthening the identification bases for the preservation of the nation.

Keywords: nation, threats, security, mental health, identity, well-being.

References

1. Il'nitskii A. M. Strategiya mental'noi bezopasnosti Rossii [Russia's strategy for mental security]. *Voennaya mysl'*, 2022. No. 4. Pp. 24–35.
2. Il'nitskii A. M. Mental'naya voyna Rossii [Russia's mental warfare]. *Voennaya mysl'*, 2021. No. 8. Pp. 19–33.
3. Ksenofontov V. A. Mental'naya bezopasnost' gosudarstva [State mental security]. *Trudy BSTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya*, 2016. No. 2. Pp. 108–113.
4. Obrinskaya E. K. Potencial i perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya gosudarstvennogo mehanizma obespecheniya mental'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Potential and prospects of development and improvement of the state mechanism for ensuring the mental security of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2022. No. 8 (1). Pp. 347–352. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-347-352
5. Buzskaya O. M. Tekhnologii mental'nogo zdorov'ya v tseliakh ekologii kommunikatsii [Technology of mental health for the purpose of communication ecology]. *Pravo i Praktika*, 2017. No. 3. Pp. 171–176.
6. Butkevich S. A. Preduprezhdenie ugroz mental'noi bezopasnosti (konstruktivnyi i prakseologicheskii podkhody) [Prevention of threats to mental security (constructive and pragmatological approaches)]. *Tavricheskie Studii*, 2021. No. 27. Pp. 10–17.
7. Korovnikova N. A. Voprosy mental'noi bezopasnosti v kontekste rossiisko-ukrainskogo konflikta [Issues of mental security in the context of the Russian-Ukrainian conflict]. In V. I. Gerasimov (ed.), *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Materialy Pyatoi mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Bol'shaya Evraziya: natsional'nye i tsivilizatsionnye aspekty razvitiya i sotrudnichestva»*. Vyp. 6, Ch. 1. Moscow, Moscow State University, 2023. Pp. 190–192.
8. Sidorov P. P. Sindrom priobretennogo mental'nogo immunodefikita [Acquired mental immunodeficiency syndrome]. *Meditsinskiy Akademicheskii Zhurnal*, 2015. No. 4 (4). Pp. 82–95.
9. Korovnikova N. A. Mental'naya bezopasnost' v epokhu tsifrovizatsii [Mental security in the era of digitalization]. *Social'nye Innovatsii i social'nye nauki*, 2020. No. 1 (1). Pp. 107–118. DOI: 10.31249/snsn/2020.01.08
10. Butkevich S. A. Preduprezhdenie ugroz mental'noi bezopasnosti: pravovoi, kriminologicheskii i psikhologo-pedagogicheskii instrumentarii [Prevention of threats to mental security: legal, criminological and psycho-pedagogical tools]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2021. No. 7 (2). Pp. 310–322. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-310-322

11. Kilimnik E. V. Dukhovnaya bezopasnost' Rossii [Spiritual security of Russia]. *Teoriya i Praktika Miroyoy Nauki*, 2022. No. 6. Pp. 48–53.
12. Spielberger C. D., Gorsuch R. L., Lushene R. E. STAI Manual for the State-trait Anxiety Inventory (Self-evaluation Questionnaire). Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1970.
13. Stojanovic N. M. Reliability and validity of the Spielberger's State-Trait Anxiety Inventory (STAI) in Serbian university student and psychiatric non-psychotic outpatient populations. *Acta Facultatis Medicae Naisensis*, 2020. No. 37 (2). Pp. 149–159. DOI: 10.5937/afmnai37-25011
14. Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek [The end of history and the last man]. M. B. Levin, Trans. Moscow, AST, Poligrafizdat, 2010.
15. Turayeva G. Y. Digital diplomacy and its effect on international relations. *A Posteriori*, 2023. No. 4. Pp. 154–156.

Author's Bio

KOVALEV Andrey Andreevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Библиографическая ссылка

Ковалев А. А. Влияние социальных и политических факторов на ментальную безопасность // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 38–50. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.38

УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.51

ВИДЕОИГРЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ ПОД ИХ ВЛИЯНИЕМ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т. С. Жуков

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Цель данного исследования – комплексный анализ продуктов индустрии видеоигр для выявления основных ценностных установок, которые преобладают в современных видеоиграх зарубежных производителей. Изучена аксиосфера современных игровых проектов, а также определено потенциальное влияние потребления данного контента на наиболее чувствительную группу населения – молодежь. Рассмотрен вопрос о том, что в целях национальной безопасности государству необходимо уделить должное внимание сфере видеоигр, а именно способствовать созданию отечественной продукции, содержащей в себе традиционные ценности, в том числе любовь к родине, ее истории.

Методы. Основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, логические методы), а также системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Рынок современных видеоигр в большинстве своем представлен иностранными корпорациями. Следовательно, в них закладываются массовые потребительские ценности, которые ориентируют современных молодых людей не на интересы России, а на интересы развития западного общества, его капитала и его идеологии. Контент современных игр зачастую направлен на разрушение традиционных ценностей, в том числе семейных. Многие современные игры намеренно искажают и очерняют историю СССР и России, продвигают идеи враждебного отношения к русским и России.

Заключение. По результатам исследования сделан вывод о том, что в проанализированных видеоиграх явно присутствует ориентация на формирование нетрадиционных ценностей у молодежи. Большая проблема состоит в том, что эти ценности зачастую имеют антипатриотичный характер и несут в себе угрозу государству. Следовательно, в целях национальной безопасности правительству и руководству нашей страны следует уделить должное внимание индустрии видеоигр, а именно стимулировать создание высококачественной отечественной игровой сферы, а также обеспечить поддержку отечественным игровым проектам.

Ключевые слова: видеоигра, игровая индустрия, ценность, аксиосфера, национальная безопасность, суверенитет, общество потребления.

Введение. В современном мире видеоигры занимают значительное место в жизни человечества вне зависимости, играем мы сами в них или нет. Важно пони-

мать, что видеоигры – это не просто способ проведения досуга, их активно используют в самых различных сферах (образование, наука, искусство и др.). В подавляющем большинстве случаев видеоигры оказываются в фокусе внимания психологов, изучающих индивидуальные проблемы личности играющего.

В основе данной работы лежит понимание видеоигр как инструмента формирования и трансформации ценностей в обществе потребления. Так, согласно О. А. Билану, происходит «разрушение жизнеподобия, видовых и жанровых границ, синкретизм методов, обрыв причинно-следственных связей (индетерминизм), нарушение логики» [1, с. 141–146].

Система ценностей является своего рода внутренней программой, которая определяет поведение и жизнедеятельность человека. Жизненные стратегии индивидов и способы достижения целей во многом обусловлены именно имеющейся системой ценностей. В различных социальных группах они могут использоваться для социальной регуляции, с их помощью координируют деятельность как малых социальных групп, так и населения целых государств.

Так как игра имеет прямое отношение к системе ценностей, она может выступать и одним из элементов гибридной войны. Целью таких войн являются создание лояльности и переформатирование «культурного кода», «культурной идентичности» социума в интересах государства-агрессора путем информационного, кибернетического, экономического, пропагандистского, идеологического воздействия на совокупность индивидов, проживающих в том или ином государстве. Данное воздействие происходит на нескольких уровнях: психоэмоциональном, ценностном, мировоззренческом, морально-этическом и духовном [6].

Методы исследования. Эмпирической базой данной работы являются игровые проекты зарубежных корпораций. Используются следующие методы научного исследования: анализ теоретической литературы по представленной теме, метод систематизации и обобщения материалов, а также теоретический и сравнительный методы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Видеоигра обычно определяется как система с использованием изображений, в которой игроки участвуют в искусственном конфликте, основанном на определенных правилах, исполнение которых ведет к тому или иному результату, запланированному разработчиками. Поскольку речь идет о конфликтах, правилах и целях, в игровой процесс неизбежно вовлекаются ценности.

В социологической науке нет единой трактовки термина «ценность». Основываясь на взглядах М. Вебера, ценности – это норма, которая имеет определенную значимость для социального субъекта [3, с. 61]. По мнению Э. Дюркгейма, ценности существуют в объективной реальности [4, с. 141]. Опираясь на определения, обозначенные в социологической литературе, ценности можно обозначить как результаты

или продукты разнообразной деятельности, которые удовлетворяют какие-либо материальные или духовные потребности людей различных социальных групп.

Согласно научно-обоснованной классификации ценностей, предложенной В. П. Бранским, выделяются две группы ценностей: утилитарные и духовные. Утилитарные, в свою очередь, связаны с удовлетворением материальных потребностей, духовные же подразумевают развитие духовного мира человека [2]. Видеоиграм присуща актуализация ценностей с максимальной выразительностью. При их восприятии могут формироваться определенные знания, социальные установки и идеалы.

Выделим следующие типы ценностей, представленные в видеоиграх:

- 1) *нравственные* (вежливость, честь, достоинство, самопожертвование, мужество и другие);
- 2) *эстетические* (художественные произведения, произведения искусства различных исторических эпох и народов – картины, статуи);
- 3) *мировоззренческие* (идеологические символы);
- 4) *научные* (знаковые системы, передающие игрокам накопленные в науке знания о мире).

Разумеется, отчасти жанр игры определяет аксиосферу видеоигры. Однако будет не совсем справедливо утверждать, что игра навязывает ценности в одностороннем порядке: в равной степени и сами игроки выбирают те игры, в структуре которых находятся ценности, конституирующие игру. Опираясь на социологические теории постструктурализма (Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, Ж. Лакан и др.), проведем семиотическое истолкование реальности. Семантическую структуру можно сравнить с синтаксисом языка видеоигр в том смысле, что она подразумевает отношение между игровыми элементами так же, как сочетание элементов, которое порождает смысл текста. Определенные ценности не встроены в структуру намеренно, а конструируются разработчиками. Для видеоигры создается отдельный мир, а без ценностей, определяющих стратегии игроков, этот мир останется бессмысленным набором фактов и образов.

На сегодняшний день рынок игровой индустрии практически полностью представлен иностранными компаниями (США, Япония, Швеция, Франция и др.). Зарубежные компании не только занимаются разработкой игр, но и являются производителями ведущих игровых консолей, таких как Play Station от компании Sony и Xbox от Microsoft. Если говорить о персональных компьютерах в качестве платформы для видеоигр, то здесь ситуация схожая, так как подавляющее большинство комплектующих производится за рубежом.

Российские компании и студии по разработке видеоигр далеки от лидирующих позиций в мире данной индустрии. Тот факт, что все, начиная с игровых платформ и заканчивая готовым продуктом игры, находится во власти зарубежных корпораций, позволяет полагать, что этот канал информационного воздействия практически од-

нополярен. Зарубежная гегемония в индустрии игр позволяет другим странам действовать исключительно в своих интересах, беспрепятственно транслировать идеи, разрушительно влияющие на государства с традиционными ценностями, в том числе на российское общество.

Практически полное отсутствие отечественных производителей игр на рынке развязывает руки иностранным компаниям и дает возможность намеренно искажать исторические события, фальсифицировать данные, выставляя историю СССР и России исключительно в негативном свете, при этом восхваляя и превознося культуру западной цивилизации, показывая ее превосходство над другими. Большинство современных видеоигр направлено на разрушение традиционных ценностей, трансформацию институтов семьи, образования, религии, государства, науки.

В качестве эмпирической базы возьмем несколько популярных видеоигр и рассмотрим идеи и ценности, которые в них транслируются. Перед тем как перейти к более очевидным примерам, проанализируем игры, которые с первого взгляда кажутся безобидными, однако при этом несут в себе идеи, направленные на разрушение традиционных ценностей.

- It takes two (2021 г.) – компьютерная кооперативная игра-приключение от американской корпорации Electronic Arts (США). В данной игре двум игрокам предлагается взять под свое управление мужчину и женщину (семейная пара с ребенком), которые находятся на грани развода. Согласно сюжету, они попадают в сказочную страну, где нужно выполнять различные задания, которые сближают персонажей, способствуют командной работе. В процессе прохождения игры муж и жена начинают сопереживать друг другу, осознают, что любят, и история заканчивается счастливым концом – семья уцелела.

Однако и такая, казалось бы, добрая и позитивная игра транслирует несколько искаженное представление о традиционной семье. Здесь наблюдается явное смещение гендерных ролей. Мужчина изображен слабым, нерешительным, робким, не способным брать на себя ответственность. Он не трудоустроен, а его главным хобби является садоводство. Жена, напротив, волевая, сильная женщина, которая принимает большинство решений, проводит много времени на работе, а в свободное время предпочитает заниматься столярным делом. Кроме этого, женский персонаж по ходу игры регулярно отпускает шутки, принижающие ее мужа.

- EA Sports FC 24 (США) – спортивный симулятор, выход которого состоялся в сентябре 2023 года. Классический симулятор футбола, с одним лишь отличием: в данной игре женщины и мужчины могут играть вместе в одной команде. Причем физические данные женщин в игре зачастую выше, чем у футболистов-мужчин или находятся на одном уровне.

Примеры двух вышеуказанных проектов призваны подорвать авторитет мужчины в традиционном обществе и транслируют идею о том, что женщина должна занимать главенствующую роль. Кроме того, эти игры направлены и на размытие гендерных различий. Подобные сюжеты органично вписываются в феминистские и ЛГБТ-течения, процветающие сейчас в западной культуре и активно способствующие распространению нетрадиционных ценностей.

- Sims – симулятор жизни от компаний Maxis и Edge of Reality (США) с возможностью создания собственных персонажей и отыгрыша виртуальной версии повседневной жизни. В данном проекте присутствует явная пропаганда ЛГБТ, так как здесь не исключены интимные связи между мужскими персонажами, а также присутствует возможность создания однополрой семьи.

- Grand Theft Auto V (2013 г.) – видеоигра от компании Rockstars Games (США). Сюжет игры подразумевает выполнение миссий, которые зачастую требуют совершения убийств, грабежей, насильственных действий. Главный герой – настоящий преступник, а предлагаемые задания зачастую ставят игрока в условия совершения действий, противоречащих нормам морали и закона.

Далее рассмотрим игры, откровенно искажающие исторические события, очерняющие историю СССР и России и выставяющие русский народ в негативном свете.

- Наглядным примером игры, порочащей СССР, является Company of Heroes 2 (Канада, 2014 г.) – военная стратегия, посвященная событиям Великой Отечественной войны. Игроку рекомендуется не щадить новобранцев, так как это якобы было закреплено в военной доктрине Красной Армии. По мере прохождения сюжета игры, геймеру необходимо, управляя советской армией, намеренно сжигать жилые дома с гражданским населением, взрывать мост со своими же солдатами. Итоги Великой Отечественной войны главный герой игры расценивает как смену одной диктатуры (нацистской) на другую (советскую), приравнивая этим СССР к гитлеровской Германии.

- Battlefield 5 – шутер про Вторую мировую войну от компании EA DICE (Швеция, 2018 г.). В данной игре отсутствует возможность прохождения игры за советскую армию, СССР никак не отображен в процессе игры. При этом образ английских и французских солдат идеализирован, они возведены в ранг героев. Красной нитью проходит мысль о том, что именно английские и французские войска сыграли решающую роль в победе над гитлеровской Германией. Кроме того, в некоторых миссиях игроку необходимо взять под свое управление нацистский танк и уничтожать на нем силы союзников.

- Нельзя обойти стороной серию игр Call of Duty от американской компании Activision. Во всех играх серии Call of Duty главным противником и мировым злом

была Россия, во главе которой стояло террористическое и тираническое правительство. Знаменитая миссия «Ни слова по-русски», где в московском аэропорту нужно было расстреливать безоружных мирных жителей, воспринималась общественностью как нормальное явление.

■ В вышедшей в 2019 г. игре Modern Warfare антироссийские настроения продолжили свой стремительный рост. По сюжету, русские наемники при поддержке российской армии устраивают геноцид мирных жителей вымышленного государства Урзикстан. Русские якобы подавляют народ, который стремится к свободе и мирной жизни. Сюжет игры подразумевает массовые казни мирного населения российскими солдатами. В целом нарратив данной игры можно свести к утверждению, что русские – это террористы. Игроку же предлагается противостоять этому «злу» и максимально эффективно уничтожать русских солдат.

Заключение. Таким образом, анализ представленных в данном исследовании видеоигр показал, что в этих продуктах преобладают установки, направленные на разрушение традиционных ценностей. Наряду с разрушением института семьи и продвижением ЛГБТ, многие современные игры содержат в себе и явный антироссийский посыл. В них намеренно искажаются исторические события, обесценивается героизм русского народа, всячески опорочиваются СССР и Россия, русские приравниваются к террористам, а наше государство называют террористическим.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что многие видеоигры способствуют формированию массовых потребительских ценностей, а также призывают к ненависти к русским, России и ее истории. Большой проблемой является то, что эти массовые потребительские ценности ориентируют современных молодых людей не на интересы России, а на интересы развития западного общества, его капитала и идеологии. Важными последствиями подобных негативных влияний являются растущая маргинализация и потребительское отношение молодых россиян к своей стране, семье, социальному окружению [9].

Кроме того, данная тенденция содержит в себе большую угрозу для безопасности Российской Федерации в целом. Видеоиграми в основном увлекаются представители молодежи, а они обладают максимальной сензитивностью. Потребляя контент современных игр, возникает большой риск, что транслируемые в играх идеи сформируют в сознании молодежи ложные нетрадиционные ценности, воспитают ненависть к России и ее истории. Подобные антипатриотичные тенденции в перспективе могут привести к разъединению российского общества и его дальнейшему разрушению, в итоге российское государство может потерять свой суверенитет. Следовательно, в целях национальной безопасности руководству нашей страны следует уделить особое внимание сфере игровой индустрии.

Однако при этом не стоит прибегать к жесткой цензуре или полному запрету видеоигр. Подобная политика, вероятно, вызовет массовые недовольства и вряд ли будет в полной мере реализована в условиях глобальной цифровизации. Более оптимальным и эффективным решением может стать развитие игровой индустрии внутри страны. Государству стоит оказать должную всестороннюю поддержку отечественным разработчикам игр с целью выхода на рынок качественных продуктов, которые будут пользоваться популярностью в первую очередь у молодого поколения. В эти игры необходимо закладывать идею традиционных ценностей, укрепляющих государство, направленных на сплочение российского общества, воспитывающих любовь к родине.

Нужно понимать, что для полной независимости на рынке недостаточно одного лишь создания патриотических игр, формирующих и продвигающих традиционные ценности (хотя и это грандиозная задача, которую предстоит еще решить). Не стоит забывать, что на сегодняшний день у нас нет ни одной отечественной конкурентоспособной платформы для воспроизведения игр.

Следовательно, для полного выхода из-под влияния западных корпораций в области игровой индустрии крайне важно заняться вопросом создания качественной игровой консоли российского производства. Вышесказанное не означает, что игровая индустрия должна стать приоритетным направлением внутренней политики России. Развитие этой сферы должно стать лишь одним из элементов целого комплекса мероприятий, укладываемых в общую идеологию страны, направленную на воспитание молодежи со здоровыми традиционными и патриотичными ценностями.

Список литературы

1. Билан О. А. Сущность постмодернизма в «постиндустриальном» обществе // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2004. № 1. 165 с.
2. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004. 396 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. А. Б. Гофман. 4-е изд., испр. М.: Юрайт, 2023. 307 с.
5. Ковадин М. А., Фофанова К. В. Развитие киберспорта в России: региональные различия // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 1 (4). С. 73–81.
6. Петрушков М. Г., Шалаев В. П. Гибридные войны и национальная безопасность Российской Федерации // Socio Time / Социальное время. 2019. № 4 (20). С. 37–47. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.37
7. Скурлатова Е. Д. Философия войны и ее воплощение в компьютерных играх // Homo holistic: человек целостный: сборник научных статей. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 197–202.
8. Сычев А. А. От игры к доверию: роль игровых практик в формировании социального капитала // Этическая мысль. 2018. Т. 18, № 2. С. 138–144.

9. Шалаев В. П. Между западофикацией и собственным путем: нелегкий выбор нашего времени (опыт философского анализа) // SocioTime / Социальное время. 2018. № 3 (15). С. 26–36. DOI: 10.15350/2410-0773.2018.3.26

Авторская справка

ЖУКОВ Тимофей Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: timonus2016@mail.ru

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.51

VIDEO GAMES AND THE TRANSFORMATION OF YOUTH VALUES UNDER THEIR INFLUENCE AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY

T. S. Zhukov

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The purpose of this study is a comprehensive analysis of the products of the video game industry in order to identify the main value systems that prevail in modern video games from foreign manufacturers. The axiosphere of modern gaming projects has been studied, and the potential impact of the consumption of this content on the most sensitive group of the population – youth has been determined. The question is raised that the state, for the purposes of national security, needs to pay due attention to the field of video games, namely to promote the creation of domestic products that contain traditional values, including love for one's homeland and its history.

Methods. The research is based on general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, logical methods), as well as a systematic approach.

Results. The market for modern video games is mostly represented by foreign corporations. Consequently, they contain mass consumer values that orient modern young people not towards the interests of Russia, but towards the interests of the development of Western society, its capital and its ideology. The content of modern games is often aimed at destroying traditional values, including family ones. Many modern games deliberately distort history, denigrate the history of the USSR and Russia, and promote ideas of hostility towards Russians and Russia.

Conclusion. According to the results of the study, it was concluded that in the analyzed video games there is clearly an orientation towards the formation of non-traditional values among young people. The big problem is that these mass consumer values orient modern young people not to the interests of Russia, but to the interests of the development of Western society, its capital and its ideology. Therefore, for the purposes of national security, the government and the leadership of the Russian Federation should pay due attention to the video game industry, namely, to stimulate the creation of a high-quality domestic gaming industry, as well as to provide support for domestic gaming projects.

Keywords: video game, gaming industry, value, axiosphere, national security, sovereignty, society of consumption.

References

1. Bilan O. A. The essence of postmodernism in the "post-industrial" society. Izvestiya of the St. Petersburg University of Railways. 2004. No. 1. 165 p. [Bilan O. A. Sushchnost' postmodernizma v «postindustrial'nom» obshchestve. Izvestiya Peterburgskogo universiteta putej soobshcheniya. 2004. No. 1. 165 s.].

2. Bransky V. P., Pozharsky S. D. Globalization and synergetic historicism. Saint Petersburg, 2004. 396 p. [Branskij V. P., Pozharskij S. D. Globalizaciya i sinergeticheskij istorizm. Saint Petersburg, 2004. 396 s.].
3. Weber M. Selected works. Moscow, Progress, 1990. 804 p. [Veber M. Izbrannye proizvedeniya. Moskva, Progress, 1990. 804 s.].
4. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. Translator A. B. Hoffman. 4th ed., ispr. Moscow. Yurayt Publishing House, 2023. 307 p. [Dyurkgejm E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. E. Dyurkgejm. Perevodchik A. B. Gofman. 4-e izd., ispr. Moskva, Izdatel'stvo Yurajt, 2023. 307 s.].
5. Kovadin M. A., Fofanova K. V. Development of esports in Russia: regional differences. Humanitarian and political-legal studies. 2019. № 1 (4). Pp. 73–81 [Kovadin M. A., Fofanova K. V. Razvitie kibersporta v Rossii: regional'nye razlichiya. Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya. 2019. № 1 (4). S. 73–81].
6. Petrushkov M. G., Shalaev V. P. Hybrid wars and national security of the Russian Federation. Socio Time / Social Time. 2019. № 4 (20). Pp. 37–47. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.37 [Petrushkov M. G., Shalaev V. P. Gibridnye voyny i nacional'naya bezopasnost' Rossijskoj Federacii. Socio Time / Social'noe vremya. 2019. № 4 (20). S. 37–47. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.37].
7. Skurlatova E. D. Philosophy of war and its embodiment in computer games. Homo holistic: a man is an integral collection. Chelyabinsk, South Ural State University. 2015. Pp. 197–202 [Skurlatova E. D. Filosofiya voyny i ee voploshchenie v komp'yuternyh igrah. Homo holistic: chelovek celostnyj sbornik nauchnyh statej. Chelyabinsk, YuUrGU, 2015. S. 197–202].
8. Sychev A. A. From game to trust: the role of gaming practices in the formation of social capital. Ethical thought. 2018. Vol. 18, no. 2. Pp. 138–144 [Sychev A. A. Ot igry k doveriyu: rol' igrovyyh praktik v formirovanii social'nogo kapitala. Eticheskaya mysl'. 2018. T. 18, № 2. S. 138–144].
9. Shalaev V. P. Between Westernization and one's own way: the difficult choice of our time (experience of philosophical analysis). SocioTime / Social time. 2018. № 3 (15). Pp. 26–36. DOI: 10.15350/2410-0773.2018.3.26 [Shalaev V. P. Mezhdz zapadofikaciej i sobstvennym putem: nelegkij vybor nashego vremeni (opyt filosofskogo analiza). SocioTime / Social'noe vremya. 2018. № 3 (15). S. 26–36. DOI: 10.15350/2410-0773.2018.3.26].

Author's Bio

ZHUKOV Timofey Sergeevich – PhD student, Assistant of the Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: timonus2016@mail.ru

Библиографическая ссылка

Жуков Т. С. Видеоигры и трансформация ценностей молодежи под их влиянием как фактор национальной безопасности // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 51–59. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.51

УДК 35

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.60

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И МЕНТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург (Россия)

Введение. Цель исследования – изучение взаимосвязи психологической устойчивости и ментальной безопасности как ключевых элементов национальной безопасности современной России. Взаимобусловленность психологической устойчивости и ментальной безопасности актуализирует проблемы выявления и обеспечения новых уровней национальной безопасности современной России. Ввиду усложнения вызовов и угроз усложняется и национальная безопасность, однако реакция государства и общества в этих вопросах зачастую является несоразмерной проблемам современности. Шаблонные и устаревшие методики не дают должного результата, а потребность в качественной безопасности на всех уровнях, в том числе ментальном и психологическом, только возрастает.

Методы. В исследовании использованы философский подход, сетевой метод, культурно-исторический анализ. С их помощью проблема ментальной безопасности на основе психологической устойчивости осмыслена философски, также были выделены особенности ментальной безопасности и психологической устойчивости и условия их взаимодействия для более полного обеспечения комфорта и гармоничного развития нации. Рассмотрены значимость и принципиальность разделения ответственности по достижению ментальной безопасности между государством и обществом, где своеобразным «локомотивом» выступает государство, но при обязательном участии народа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Психологическая устойчивость – это основа ментальной безопасности. Государство и общество должны принимать совместное участие в повышении уровня этих взаимосвязанных явлений, разрабатывая и внедряя целевые программы, финансируя научные исследования и создавая все условия для формирования личной психологической устойчивости. Это реализуемо благодаря коллективному иммунитету, основанному на развитом критическом мышлении, владении фактами и знании истории и традиций своей страны.

Заключение. Полученные результаты могут быть использованы в развитии ряда научных дисциплин. Также они применимы к реализации различных направлений государственных политик, социальных программ в рассматриваемой сфере. При этом для получения максимально эффективного результата необходимо обеспечение работоспособности общественно-государственного тандема.

Ключевые слова: угрозы, национальная безопасность, ответственность, благополучие, ценности, защита.

Введение. Данная тема является значимой и актуальной для нашей страны, так как современная Россия сталкивается с серьезными вызовами и угрозами, как внутренними, так и внешними, которые могут негативно влиять на психологическое со-

стояние населения. Поэтому серьезный подход к обеспечению психологической устойчивости и ментальной безопасности граждан – это ключевой фактор в укреплении национальной безопасности нашей страны.

Характерными проблемами для современной России являются насилие (экстремизм, терроризм и прочие его разновидности), негативные информационные воздействия (спам, фейки и другие его виды) и т. д. Эти явления могут навредить психическому здоровью россиян и вызвать психологическую неустойчивость у большого количества людей.

Психологическая устойчивость и ментальная безопасность важны не только для укрепления социальной стабильности, они необходимы в том числе для повышения производительности, мотивации, творческого потенциала, общего благополучия нации, а также для прохождения различных кризисных ситуаций. Они влияют на способность народа выживать и справляться с экстремальными условиями, такими как природные бедствия, экономические кризисы, потеря близких людей, войны и др.

Таким образом, высокий уровень психологической устойчивости и ментальной безопасности способен улучшить качество жизни, производительность, восприятие и понимание мира, а также укрепить гражданское сознание и приверженность национальным ценностям.

Цель исследования – изучение взаимосвязи психологической устойчивости и ментальной безопасности как ключевых элементов национальной безопасности современной России.

На основе поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

- 1) определение категорий «ментальная безопасность» и «психологическая устойчивость» и выявление особенностей их взаимосвязи;
- 2) определение важнейших аспектов общественно-государственной деятельности для сохранения и укрепления душевно-психического здоровья и безопасности граждан современной России;
- 3) выработка рекомендаций по повышению уровня психологической устойчивости и ментальной безопасности в современной России и определение роли государства и общества в этом процессе.

Тема ментальной безопасности является достаточно новой и набирающей популярность в настоящее время. Для России особую актуальность данная проблема приобрела в последнее десятилетие, однако она стала реальностью с момента активизации методов «гибридной войны». Итак, в русскоязычном научном сегменте исследованиями на тему ментальной безопасности и связанной с ней психологической устойчивости занимаются: А. А. Жигулин [1], А. М. Ильницкий [2], О. А. Климон-

това [3], Н. А. Коровникова [4], В. А. Ксенофонтов [5], И. Л. Миронов и С. С. Никитина [6] и др. Они проводят теоретические исследования, категоризацию, выявляют новые проблемы и угрозы в ментальном поле для современного государства и общества и т. д.

Однако острая актуальность и быстрое обновление поражающих методов противника оставляют открытым вопрос о практической реализации всех предложений и рекомендаций, изложенных в научных исследованиях на рассматриваемую тему. Поэтому появление новых оригинальных работ по изучению данного направления научных поисков поможет обогатить не только теоретическую базу, но и расширить арсенал практических рекомендаций.

Зарубежные исследования могут быть полезны с точки зрения значимых теоретических наработок для рассмотрения изучаемой проблематики. Здесь выделим работы ученых Л. Дж. Кэмпа [7], Д. Лю [8], Ф. Хьюге [9] и др. Результаты их трудов могут быть положены в основу базовых теоретических исследований, позволяющих раскрыть феномены ментальной безопасности и психологической устойчивости.

Проблема исследования заключается в несоответствии уровня национальной безопасности современного государства и угроз XXI века. Ввиду усложнения вызовов и угроз усложняется и национальная безопасность, однако реакция государства и общества в этих вопросах зачастую является несоразмерной проблемам современности. Шаблонные и устаревшие методики не дают должного результата, а потребность в качественной безопасности на всех уровнях, в том числе ментальном и психологическом, только возрастает.

Методы исследования. В настоящем исследовании были использованы следующие методы и подходы: философский подход, сетевой метод, культурно-исторический анализ. С их помощью проблема ментальной безопасности на основе психологической устойчивости осмыслена философски, выделены особенности ментальной безопасности и психологической устойчивости, условия их взаимодействия для более полного обеспечения комфорта и гармоничного развития нации. Рассмотрена значимость и принципиальность разделения ответственности по достижению ментальной безопасности между государством и обществом, где своеобразным «локомотивом» выступает государство, но при обязательном участии народа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Психологическая устойчивость – это совокупность индивидуальных психологических качеств, которые позволяют человеку сохранять равновесие и адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Сюда входят умение контролировать свои

эмоции и адекватно реагировать на стрессовые ситуации, устойчивость к негативным воздействиям внешней среды, способность к самоуправлению и саморегуляции.

Ментальная безопасность – это состояние, при котором человек уверен в своих возможностях и способностях к самовыражению и самопроверке в сложных ситуациях. Она включает в себя умение определять свои границы и защищать их, брать ответственность за свои действия, а также способность к лидерству и управлению рисками.

Обе категории являются ключевыми для понимания психологического здоровья и благополучия человека. Психологическая устойчивость – основа для развития эмоционального интеллекта и умения справляться со стрессом, а ментальная безопасность позволяет человеку сохранять свою самоопределенность и здоровое отношение к себе и окружающей среде. Они важны как для личностного роста, так и для социальной и профессиональной адаптации.

Психологическая устойчивость и ментальная безопасность имеют определенную взаимосвязь. Дело в том, что устойчивый человек, обладающий широким спектром личностных качеств (самоконтролем, самодисциплиной, навыками эффективной коммуникации, способностью принимать взвешенные решения, готовностью преодолевать трудности и изменения), менее восприимчив к стрессу и негативным эмоциям, так как действует более рационально и обоснованно. При этом такой человек может найти оптимальный выход из сложных жизненных ситуаций, а также сохранить эмоциональную и психическую гармонию вне зависимости от внешних факторов.

Угрозы ментальной безопасности национальных государств обострились по разным причинам, главная из которых – расширение информационного поля (с фактическим стиранием географических и даже языковых границ) и подконтрольности информационной среды российскими противниками. Это, в свою очередь, практически безграничная возможность задавать информационную повестку и корректировать ее в зависимости от меняющихся целей и потребностей инициаторов. При этом негативная повестка ожидаемо снизит уровень психологической устойчивости заинтересованной аудитории, то есть россиян. Среди методов здесь можно выделить заранее заданное направление формирования информационного поля, навязывание мнений, установок и предпочтений, а также прямую дезинформацию [10, с. 25]. Такие процедуры, безусловно, не проходят никаких «ментальных проверок», то есть не согласуются с особенностями национального менталитета народа, выступающего в качестве объекта воздействия. Именно поэтому навязывание и признается угрозой ментальной безопасности на государственном уровне.

Тем самым принудительный характер информационного воздействия с целью нарушения ментальной безопасности приводит к деформации уникальных особенностей менталитета нации-мишени. При этом зачастую такая вынужденная унификация по западному образцу постепенно стирает присутствие гуманистических парадигм как наиболее приемлемого способа межнационального общения. Постепенное отдаление от истинных духовных и моральных ценностей ведет к неизбежному системному переформатированию антропологических координат человеческого существования [11, с. 329]. Национальная самоидентификация, на которой базируется ментальная безопасность, под воздействием агрессивных ментальных войн подвергается сильнейшему искажению, создавая новый вид деструктивной для национального менталитета культуры.

В таких условиях духовно-нравственное здоровье (психологическая устойчивость) нации претерпевает негативные изменения, что, безусловно, затрагивает и ментальную безопасность государства. Наиболее жизнеспособной стратегией борьбы с данными угрозами, по нашему мнению, выступает развитие так называемого ментального иммунитета, который обязательно должен иметь коллективный характер. Основным показателем такого иммунитета является сформированная действующая система устойчивых духовно-нравственных ориентиров (невосприимчивых к манипулятивным воздействиям на сознание представителей нации) [12], базовыми элементами которой, в свою очередь, становятся развитое критическое мышление, владение фактами и знание истории и традиций своей страны.

Согласно последним исследованиям, говорить о наличии психологической устойчивости личности можно только в том случае, когда наблюдается высокий уровень следующих показателей: эмоциональной устойчивости, нравственной устойчивости, моральной устойчивости, устойчивости форм поведения, устойчивости к аддиктивным факторам, социокультурной устойчивости [13].

Повышение психологической устойчивости личности осуществляется с помощью достижения следующих характеристик: низкого уровня тревожности, преобладания социоцентрической ответственности, среднего уровня рефлексивности при тенденции к сниженной рефлексии общения, сниженной регуляторной автономности [14].

Однако под психологической устойчивостью следует подразумевать не раз и навсегда заданное состояние психики и сознания, а их высокий адаптивный потенциал, который мог бы позволить человеку и всему обществу меняться согласно изменениям окружающей среды во всех ее проявлениях, но при этом основываться на неизменных принципах и свойствах национальной идентичности.

В современном социуме ментальное здоровье становится все более важным аспектом жизни людей. Негативные волнения, стрессовые ситуации и другие факторы могут оказывать серьезное влияние на психическое состояние человека. Поэтому для повышения уровня психологической устойчивости и ментальной безопасности в современной России могут быть использованы определенные стратегии и методы.

1. *Разработка социальных программ.* Некоторые социальные категории в России испытывают недостаток эффективных социальных программ, предназначенных улучшить их жизнь. Благодаря работе социальных служб люди могут получить консультацию и ресурсы, которые помогут справиться с кризисными ситуациями. При этом социальные программы должны быть целевыми, актуальными и рассчитанными на максимально возможное количество людей.

2. *Создание программ по духовному развитию, медитации и йоге.* На сегодняшний день медитация и йога являются одними из самых популярных практик, позволяющих людям научиться справляться со стрессом, тревогой и другими деструктивными эмоциональными состояниями.

3. *Разносторонняя поддержка научных исследований.* Такие исследования, направленные на повышение уровня психологической устойчивости и ментальной безопасности, являются крайне важными для современной России. Они могут объяснить причины стресса и тревоги, а также позволить разработать более эффективные методы и стратегии по их снижению.

4. *Внедрение государственных программ и разработок по защите общества от экстремизма и терроризма.* Повышение уровня ментального здоровья россиян за счет укрепления психологической устойчивости является необходимым условием для обеспечения безопасности от этого вида угроз. В данном контексте наиболее эффективным решением становится создание и принятие конструктивной национальной идеи [15]. При этом государству важно действовать упреждающе, то есть принимать превентивные меры по противодействию распространению деструктивных экстремистских идеологий и подходящих условий для террористической деятельности.

Государство играет важную роль в обеспечении психологической устойчивости и ментальной безопасности населения. Эта позиция базируется на нескольких аспектах:

х *во-первых*, государство должно разрабатывать и реализовывать соответствующую политику в области психического здоровья. Она может включать в себя создание системы поддержки для людей с психическими расстройствами, специализированные программы психологической помощи, обучение специалистов, работающих в сфере здравоохранения и социального обслуживания. Государство должно

оказывать помощь тем, кто нуждается в психологической поддержке, независимо от дохода или статуса;

х *во-вторых*, государство должно бороться с факторами риска, которые могут негативно влиять на психическое здоровье людей. Сюда входят борьба с алкогольной и наркотической зависимостью, профилактика насилия и жестоких игр, проведение кампаний по продвижению здорового образа жизни;

х *в-третьих*, государство должно предоставлять возможности для обучения и карьерного роста с целью улучшения уровня жизни людей и снижения стресса. Важным моментом является возможность доступа к образованию и культурным мероприятиям, пропагандирующим толерантность и интеллектуальное развитие;

х *в-четвертых*, государственный контроль над СМИ и интернет-ресурсами является важным инструментом для предотвращения распространения манипуляций мыслями и оказания негативного влияния на психическое здоровье человека.

Общество, равно как и государство, несет ответственность за достижение и поддержание высокого уровня ментальной безопасности путем обретения психологической устойчивости. Это означает, что социум должен вовлекаться в уже работающие государственные программы, корректировать программы, находящиеся в стадии разработки, и задавать импульс будущим инициативам государства с помощью налаживания обратной связи. Иными словами, россиянам важно уделять внимание своему эмоциональному состоянию. Необходимо научиться управлять своими эмоциями и стремиться к позитивному восприятию мира, чтобы не поддаваться негативному влиянию внешних факторов.

Наиболее мобильной, изменчивой и вместе с тем социально незащищенной социальной группой в России является молодежь. Поэтому важность сформированной психологической устойчивости для молодежи сложно переоценить, именно она позволяет молодому поколению определиться в жизни. Вообще такой выбор зависит от множества факторов, среди которых текущая социально-экономическая ситуация, тенденции общественного развития, уровень эмоционально-волевой, поведенческой и мотивационной подготовленности молодых людей [16]. Благоприятное сочетание всех этих факторов способствует развитию психологической устойчивости, в том числе и в вопросах приверженности традиционным ценностям, положенным в основу национальной идентичности. Именно в таких условиях и формируется ментальная безопасность современного государства.

Таким образом, *устойчивость* – это основа безопасности и ее обязательное условие [17]. Такая формулировка раскрывает взаимосвязь между психологической устойчивостью и ментальной безопасностью. Это справедливо, так как только от-

ветственный за свою жизнь и жизнь общества индивид, критически мыслящий и живущий согласно общечеловеческим и традиционным ценностям, способен разоблачать в манипулятивных техниках ментальной войны, посягающей на ментальную безопасность государства и нации, и устоять перед ними.

Заключение. Исследования показывают, что психологическая устойчивость и ментальная безопасность играют важную роль в достижении успеха в различных сферах жизни, таких как работа, личные отношения, здоровье и общественная жизнь. В современной России поддержание на должном уровне этих качеств особенно важно, учитывая сложные социально-экономические условия, политический климат и изменения на международной арене.

Одной из главных рекомендаций для повышения психологической устойчивости и ментальной безопасности является обучение навыкам здорового образа жизни. Он включает в себя правильное питание, регулярную физическую нагрузку, установление гармоничных отношений с окружающими, оптимистичный взгляд на жизнь и саморазвитие.

Государство должно заботиться о достижении приемлемого уровня психологической устойчивости и ментальной безопасности в обществе. Этот уровень может быть достигнут путем создания программ поддержки молодежи, предоставления психологической помощи людям, испытывающим стресс и тревогу, а также посредством проведения информационных кампаний, направленных на повышение осведомленности о психическом здоровье. А население, в свою очередь, должно вовлекаться в такие программы на разных этапах – от их разработки до мониторинга поставленных целей и, соответственно, эффективности.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты имеют практическую и теоретическую значимость. Они могут быть использованы в развитии таких научных дисциплин, как философия, политология, социология и др. Также эти результаты весьма органично впишутся в процесс создания и практической реализации различных направлений государственных политик, социальных программ, которые смогут повысить уровень психологической устойчивости и ментальной безопасности современной России.

По причине возрастания давления на наше государство с помощью методов гибридной войны дальнейшие исследования в области ментальной безопасности будут иметь как теоретическое, так и практическое значение. Направления подобных исследований могут быть разнонаправленными, при этом одним из особо значимых среди таких направлений по-прежнему остается изучение психологической устойчивости как ключевого аспекта ментальной безопасности современной России.

Список литературы

1. Жигулин А. А. Психологическая устойчивость студентов // Научное образование. 2020. № 4 (9). С. 85–86.
2. Ильницкий А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военное дело. 2023. № 6. С. 18–36.
3. Климонтова О. А. Психологическая устойчивость к стрессам // Вестник Науки и Творчества. 2019. № 1 (37). С. 18–21.
4. Коровникова Н. А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2020. № 1. С. 107–118. DOI: 10.31249/8П8и/2020.01.08
5. Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. 2022. Серия 6, № 2. С. 108–113.
6. Миронов И. Л., Никитина С. С. Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 182–184.
7. Camp L. J. Mental Models of Privacy and Security // IEEE Technology and Society. 2009. No. 28 (3). Pp. 37–46. DOI:10.1109/MTS.2009.934142
8. Asgharpour F., Liu D., Camp L. J. Mental Models of Security Risks // Conference: Financial Cryptography and Data Security, 11th International Conference, FC 2007, and 1st International Workshop on Usable Security, USEC 2007, Scarborough, Trinidad and Tobago, February 12–16, 2007. DOI: 10.1007/978-3-540-77366-5_34
9. Huyghe F. B. Maîtres du faire croire. De la propagande à l'influence. Vuibert. Paris, 2008. 176 p.
10. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
11. Сухоруких А. В. Духовно-нравственный фактор как условие «ментальной безопасности» социокультурной среды // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 5. С. 328–329.
12. Коноплева А. А. Пути обеспечения ментальной безопасности обучающихся вузов системы МВД России в условиях ведения гибридных войн // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, № 2. С. 129–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-129-133>
13. Кисляков П. А., Меерсон А. Е. С., Егорова П. А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 2 (31). С. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-11
14. Бабичкова Е. С. Модель психологических ресурсов устойчивости психических состояний личности в затрудненных условиях жизнедеятельности // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5 (128). С. 132–143. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-5-128-132-143
15. Обринская Е. К. Потенциал ментальной безопасности в противодействии экстремизму и терроризму // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9, № 1. С. 106–116.
16. Пьянкова Л. А. Психологическая устойчивость личности как основа профессионального самоопределения молодежи в современных социально-экономических условиях // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11-2 (101). С. 103–109. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.101.11.051>
17. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Категория психологической безопасности в исследованиях устойчивости личности // Научное мнение. 2019. № 11. С. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.11.18.24>

Авторская справка

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

UDC 35

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.60

PSYCHOLOGICAL STABILITY AND MENTAL SAFETY IN MODERN RUSSIA

A. A. Kovalev

North-Western Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg (Russia)

Introduction. The purpose of the study is to study the relationship between psychological stability and mental security as key elements of the national security of modern Russia. The interdependence of psychological stability and mental security actualizes the problems of identifying and ensuring new levels of national security in modern Russia. Due to the increasing complexity of challenges and threats, national security is also becoming more complicated, but the reaction of the state and society in these matters is often disproportionate to the problems of our time. Template and outdated methods do not give the proper result, and the need for high-quality security at all levels, including mental and psychological, is only increasing.

Methods. In this study, a philosophical approach, a network method, cultural and historical analysis were used. With their help, the problem of mental security based on psychological stability was comprehended philosophically, their features and conditions of interaction were also identified to better ensure comfort and harmonious development of the nation. The importance and principledness of the division of responsibility for achieving mental security between the state and society, where the state acts as a kind of "locomotive", but with the obligatory participation of the people, is considered.

Results. Psychological stability is the basis of mental security. The state and society should take a joint part in raising the level of these interrelated phenomena by developing and implementing targeted programs, funding scientific research and creating all conditions for the formation of personal psychological stability. This is realized thanks to collective immunity based on developed critical thinking, possession of facts and knowledge of the history and traditions of one's country.

Conclusion. The results obtained can be used in the development of a number of scientific disciplines. They are also applicable to the implementation of various areas of state policies, social programs in the area under consideration. At the same time, in order to obtain the most effective result, it is necessary to ensure the efficiency of the public-state tandem.

Keywords: threats, national security, responsibility, well-being, values, protection.

References

1. Zhigulin A. A. Psihologicheskaja ustojchivost' studentov [Psychological stability of students]. *Nauchnoe obrazovanie*. 2020. No. 4 (9). Pp. 85–86.
2. Il'nickij A. M. Strategija gegemona – strategija vojny [Hegemon strategy – war strategy]. *Voennoe delo*. 2023. No. 6. Pp. 18–36.
3. Klimontova O. A. Psihologicheskaja ustojchivost' k stressam [Psychological resistance to stress]. *Vestnik Nauki i Tvorchestva*. 2019. No. 1 (37). Pp. 18–21.
4. Korovnikova N. A. Mental'naja bezopasnost' v jepohu cifrovizacii [Mental security in the era of digitalization]. *Social'nye novacii i social'nye nauki*. Moscow, INION RAN. 2020. No. 1. Pp. 107–118.
5. Ksenofontov V. A. Mental'naja bezopasnost' gosudarstva [Mental security of the state]. *Trudy BGTU*. 2022. No. 2. Pp. 108–113.
6. Mironov I. L., Nikitina S. S. Mental'naja bezopasnost' Rossii: pedagogicheskie aspekty [Mental security of Russia: pedagogical aspects]. *Vestnik SPb universiteta MVD Rossii*. 2017. No. 3 (75). Pp. 182–184.
7. Camp L. J. *Mental Models of Privacy and Security*. *IEEE Technology and Society*. 2009. No. 28 (3). Pp. 37–46.
8. Asgharpour F., Liu D., Camp L. J. *Mental Models of Security Risks*. Conference: Financial Cryptography and Data Security, 11th International Conference, FC 2007, and 1st International Workshop on Usable Security, USEC 2007, Scarborough, Trinidad and Tobago, February 12–16.
9. Huyghe F. B. *Maitres du faire croire*. De la propagande a l'influence. Vuibert. Paris, 2008. 176 p.
10. Il'nickij A. M. Strategija mental'noj bezopasnosti Rossii [Russia's Mental Security Strategy]. *Voennaja mysl'*. 2022. No. 4. Pp. 24–35.
11. Suhorukih A. V. Duhovno-nravstvennyj faktor kak uslovie «mental'noj bezopasnosti» sociokul'turnoj sredy [Spiritual and moral factor as a condition of "mental security" of the socio-cultural environment]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 2014. Vol. 6, no. 5. Pp. 328–329.
12. Konopleva A. A. Puti obespechenija mental'noj bezopasnosti obuchajushhihsja vuzov sistemy MVD Rossii v uslovijah vedenija gibridnyh vojn [Ways to ensure the mental security of students of higher education institutions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the conditions of conducting hybrid wars]. *Izvestija Saratovskogo universiteta*. *Novaja serija*. *Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika*. 2022. Vol. 22, no. 2. Pp. 129–133.
13. Kisljakov P. A., Meerson A. E. S., Egorova P. A. Pokazateli psihologicheskoy ustojchivosti lichnosti k sociokul'turnym ugrozam i negativnomu informacionnomu vozdejstvu [Indicators of the psychological stability of the individual to socio-cultural threats and negative information impact]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2020. Vol. 8, no. 2 (31). P. 11.
14. Babichkova E. S. Model' psihologicheskikh resursov ustojchivosti psihicheskikh sostojanij lichnosti v zatrudnennyh uslovijah zhiznedejatel'nosti [Model of psychological resources for the stability of the mental states of a person in difficult conditions of life]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2022. No. 5 (128). Pp. 132–143.
15. Obrinskaja E. K. Potencial mental'noj bezopasnosti v protivodejstvii jekstremizmu i terrorizmu [The potential of mental security in countering extremism and terrorism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. *Filosofija. Politologija. Kul'turologija*. 2023. Vol. 9, no. 1. Pp. 106–116.
16. P'jankova L. A. Psihologicheskaja ustojchivost' lichnosti kak osnova professional'nogo samoopre-

deljenja mlodezhi v sovremennyh social'no-jekonomicheskikh usloviyah [Psychological stability of personality as a basis for professional self-determination of youth in modern socio-economic conditions]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2020. No. 11-2 (101). Pp. 103–109.

17. Baeva I. A., Gajazova L. A., Kondakova I. V. Kategorija psihologicheskoy bezopasnosti v issledovaniyah ustojchivosti lichnosti [The category of psychological safety in the studies of personality stability]. *Nauchnoe mnenie*. 2019. No. 11. Pp. 18–24.

Author's Bio

KOVALEV Andrey Andreevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Библиографическая ссылка

Ковалев А. А. Психологическая устойчивость и ментальная безопасность в современной России // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 60–71. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.60

УДК 316.7

10.25686/2410-0773.2023.3.72

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНОГО ОПЫТА М. ГОРЬКОГО В ОСВОЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ

В. П. Козырьков

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
(Россия)*

Введение. В современную эпоху вновь развернулись духовные процессы, подобные тем, которые пережил Максим Горький столетие назад. Поэтому актуальной становится проблема раскрытия общей логики и подходов осмысления им культуры, получивших социологический характер.

Методы. Проводится социокультурный анализ диалектического характера. Он позволяет уйти от узко дисциплинарных и догматических представлений об исторической роли М. Горького в культуре.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. М. Горький характеризуется как «социолог поневоле», как социальный медиатор, выразивший противоречия своей эпохи. Раскрываются причины бурного, но противоречивого духовного развития российского общества в 1920-30-е годы и того, почему писатель всегда был в гуще общественных дискуссий. В пример приведена заочная дискуссия с П. Сорокиным. Показана судьба русской социологии культуры с указанием имен ученых. Определены социологические черты творчества М. Горького: способность выделять главные социальные факторы и движущие силы эпохи, талант задавать прямые вопросы и отвечать на них, биографический подход, анализ наивных писем. Показаны особенности социологизма М. Горького, продолжившегося в его гуманизме, который можно назвать рабочим, активистским, а не пролетарским. Обосновывается идея о том, что горьковское наследие важно для выхода из исторического кризиса с опорой на потенциал культуры. Но для этого необходимо новое понимание существа и социальной функции культуры.

Заключение. Сделан вывод: все наследие Максима Горького есть уникальная социокультурная лаборатория, в которую каждый может войти и провести свои интеллектуальные социологические эксперименты. Каждый может получить свой новый опыт освоения культуры. Этой новой роли наследия М. Горького мы еще не знаем.

Ключевые слова: М. Горький, культура, социология, духовное развитие, кризис, личность, рабочий, Россия.

Введение. Наследие Максима Горького огромно и многообразно. Многочисленны и работы, посвященные анализу этого наследия. Различны его оценки на разных этапах истории: от уничижительных отзывов – до признания мирового значения. Это показали материалы дискуссий на конференциях, посвященных 150-летию со дня рождения М. Горького. В том числе и на его родине [1-2]. Ощущение такое, будто русский писатель продолжает активно выступать в ходе обсуждения современных проблем.

Нельзя не отметить тот факт, что М. Горький жил в особое время и всей своей судьбой выразил это время. Достаточно почитать его переписку, письма, художественные произведения и публицистические статьи, чтобы убедиться: М. Горький по уровню внутренней культуры был особенным, но востребованным временем писателем и активным деятелем революционной эпохи, когда рушился старый общественный порядок и возникал новый. Примером своей личной жизни он показывал, как будет осваиваться мировая культура в новом обществе, и как будет формироваться новая культура. Его постоянный интерес ко всем социальным проблемам, его фантастическая работоспособность, его постоянное стремление помочь людям сделали фигуру писателя уникальной и мифологической, целостной и противоречивой, как и его эпоха. По крайней мере такой она рисуется в работах горьковедов [3-4].

Но возможен и социокультурный подход к наследию М. Горького, позволяющий увидеть в индивидуальном наследии русского писателя воплощение общих процессов времени. Подход с точки зрения социологии культуры дает возможность понять сущность глобального сдвига в духовной культуре времени, в котором он жил. По универсальности его личность без всяких скидок была равной фигурам эпохи Возрождения. Но он превосходил их в плане того, что стал выразителем различных общественных интересов, идей и настроений, выполняя задачу, которую ставит перед собой социология.

Еще не укрепившемуся новому порядку была противопоставлена невиданная упорядоченность старого мира, со стороны которого новому государству приходилось испытывать постоянные угрозы. Они начались с интервенций, блокад, диверсий, а закончились рождением нацизма в Европе – главного оружия, созданного против нового общества. До Второй мировой войны М. Горький не дожил, но чувствовал ее приближение. Он это видел по ведущейся идеологической подготовке к войне и всей своей общественной деятельностью, публицистикой и письмами показывал опасность надвигающейся беды.

Цель статьи – раскрыть общую логику развития и структуру духовного опыта М. Горького, имеющих социологическое значение. Автор – не горьковед, поэтому в статье нет претензий на литературоведческие открытия и уяснение особенностей социалистического реализма или его отрицание. Важно выяснить условия и закономерности становления социологии культуры в российских условиях.

Метод исследования – социокультурный анализ диалектического характера. На его основе автором разработана и реализуется идея о культуре как способе формирования, воспроизводства и развития человека, его свойств и атрибутов. Он позволяет уйти от узко дисциплинарных и догматических представлений об исторической роли М. Горького в культуре.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

На рубеже XIX–XX вв. социология, еще только зарождавшаяся как профессия, уже была расколота по направлениям. Началось выделение ее различных отраслей. Шло постоянное уточнение предмета социологии. В России ситуация усугубилась тем, что социология долгое время была вынуждена утверждать свой научный статус внутри страны. В 1917 году произошли сразу две революции, добавившие к внутренним факторам развития социологии еще внешние и политические. К тому же Россия была активным участником идущей мировой войны. В стране началась гражданская война.

В такой сложной исторической ситуации социологи заняли разные позиции. Одни были вынуждены прекратить свою деятельность, другие – изгнаны из страны, третьи – репрессированы. Если кто-то и остался, то был вынужден заниматься эстетикой, филологией, историей философии и другими несоциальными науками. Поэтому их реакция на все мировые и внутренние события была завуалированной, неоднозначной и больше нейтральной, в русле теоретического жанра. Например, к таким завуалированным социологам можно отнести А. В. Луначарского, А. А. Богданова, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, В. Ф. Асмуса, М. А. Лифшица и др. Не являясь профессиональными социологами, они в своих произведениях делали социологические выводы. Именно они могли бы стать родоначальниками социологии культуры. В этот ряд можно поставить и М. Горького, который всегда интересовался социологией и опирался на результаты исследований, имел собственные опыты социологического теоретизирования. В частности, представляет интерес его статья *«Разрушение личности»*, написанная под влиянием идей А. Богданова [5].

Из высланных из страны социологов наибольшую известность получил П. А. Сорокин. Он ближе всего подошел к проблематике социологии культуры, но уже в США. Анализируя предпосылки надвигающейся Второй мировой войны, он пришел к выводу, что война будет порождена кризисом культуры и доминированием чувственной ее формы. Его вывод таков: «Будучи доминирующей, чувственная культура наложила отпечаток на все основные компоненты западной культуры и общества и сделала их также преимущественно чувственными» [6, с. 431].

С этим нельзя не согласиться, но в работе П. А. Сорокина не было прямо сказано, как это делал М. Горький, что чувственная культура – это буржуазная культура, признающая только эстетическое значение произведений искусства, приносящих наслаждение. Им не было сказано, что является причиной кризиса культуры, каким общественным силам выгодно доминирование ее чувственного типа: не было сказано ни в сокращенном варианте публикации исследования, на который мы уже ука-

зали, ни в полном его варианте [7]. Зато ответы на поставленные П. А. Сорокиным вопросы мы найдем у М. Горького. Эта горьковская традиция прямых ответов на поставленные жизнью вопросы и сделанные писателем выводы поддержана и в современной отечественной гуманитарной науке [8].

В своей известной статье *«С кем вы, мастера культуры?»* М. Горький писал: *«Буржуазия враждебна культуре и уже не может не быть враждебной ей, – вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств. Буржуазия отвергла проект Союза Советов о всеобщем разоружении, и одного этого вполне достаточно, чтобы сказать: капиталисты – люди социально опасные, они готовят новую всемирную войну. Они держат Союз Советов в напряженном состоянии обороны, заставляя рабочий класс тратить огромное количество драгоценного времени и материалов на выработку орудий защиты против капиталистов, которые организуются, чтобы напасть на Союз Советов, сделать огромную страну своей колонией, своим рынком. На самозащиту против капиталистов Европы народы Союза Советов тратят огромное количество сил и средств, которые можно бы употребить с бесспорной пользой на дело культурного возрождения человечества, ибо процесс строительства в Союзе Советов имеет общечеловеческое значение»* [9, с. 268–269].

Эта оценка трудностей формирования новой культуры не устарела до сих пор. Она важна, во-первых, выделением основного субъекта выработки новой культуры (не пролетарской!), которая имеет общечеловеческое значение. Во-вторых, М. Горький подчеркивает, что этот процесс должен протекать на научных основах, в то время как при капитализме наука служит росту прибыли, так как ему дается *«взнуздать науку»* [9, с. 250].

Максима Горького тревожило, что социальная наука не сыграла своей адекватной роли в организации процесса выработки новой культуры. Весь процесс осуществлялся политическими и организационными средствами. Социологи были отстранены от этого процесса, хотя по всеобщему масштабу и по объекту это была социологическая проблема как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Делались попытки участия в данном процессе ученых-гуманитариев [10–11], но руководство страны считало, что они не способны выполнять свою роль, так как не стояли на марксистских позициях. Последовали репрессивные меры различной степени тяжести.

В таких условиях и выступил в качестве социолога поневоле М. Горький. Данную роль он исполнял в 1920–30-е годы, прежде всего, посредством публицистики и постоянной переписки с представителями самых разных социальных групп. Его писательское творчество питалось рефлексией на мировые события, откликами и

настроениями читателей. Можно сказать, что в его творчестве отчасти проявилась своеобразная социологическая методика, известная сейчас как анализ наивных писем [12].

По переписке писателя можно понять, чем был вызван духовный подъем народа, на основе которого одержана Победа в Великой Отечественной войне и достигнуты поразительные успехи в научном и техническом развитии, олицетворением которых стали полеты в космос. При всей значимости руководителей и интеллигенции в достигнутых успехах все было сделано и воплощено руками рабочих, которых М. Горький считал главной не только производительной, но и культурной силой общества. Можно сказать, что М. Горький стал вырабатывать свою социологию культуры в ее практическом приложении.

Это объясняет и то, что произведения М. Горького всегда становились центром общественных дискуссий и духовной жизни, позволяя тем самым осмыслить их горячие точки. К сожалению, в современной антологии о писателе эта зарождающаяся форма социологии – социология культуры в ее практическом воплощении – не была замечена, поэтому о социологии М. Горького ничего не сказано [13].

Таким образом, не являясь социологом, Максим Горький сумел ответить на вопросы и проявить себя как социолог, так как профессиональная социология только начинала свой путь, а в 1930-е годы была практически ликвидирована. Социология культуры в ее латентном состоянии в России только зарождалась [14-15]. Но это была такая социология культуры, которая приобретала общий характер, отходя от доминирующего тогда позитивизма и ортодоксального марксизма с его жестким классовым подходом, не имеющимся даже у самого К. Маркса.

Дело в том, что *культура выдвигалась на передний план в становлении нового общества*. Это была новая ситуация в мировом развитии. Ни одна страна в мире еще не находилась в таких тяжелых и уникальных исторических условиях, как новая Россия. И выбралась она из этого внутреннего кризиса благодаря народу, рабочим и крестьянам, активно освоившим отечественную и мировую культуру. То есть не экономика сыграла ведущую роль в данной ситуации, как это ни покажется странным для ортодоксально мыслящего марксиста, а культура, к которой приобщились и которую освоили многие миллионы людей.

Поэтому главной темой исследования стали проблемы развития личности, социокультурные и духовные условия развития. Именно эти проблемы масштабно представлены в творчестве М. Горького, и особенно концентрированно – в его повести *«Жизнь Клима Самгина»*. Ни в одном социологическом труде того времени развитие жизни личности в культуре общества не было так детально представлено, как в этом произведении. В гуманитарной науке идея развития личности теоретиче-

ски развивалась М. М. Бахтиным, В. С. Выготским [16-17] и их последователями, но они сделали только первые шаги. Важно отметить, что эта теория развития личности существенно отличается от распространенной сейчас теории социализации, где личности отводится пассивная роль.

Духовное наследие Максима Горького для социологии культуры бесценно, так как ни у одного другого писателя мы не найдем рассказов об условиях и этапах духовного роста людей из самых разных сословий, начиная от босяков и шулеров и заканчивая мещанами и купцами, студентами и священниками, мужчинами и женщинами. Все социальные слои общества он воспроизвел вместе с их образом жизни, духовными потребностями и ценностями.

В условиях, когда социология «молчала», ее функцию выполняли художественная литература и критика, что уже было показано в произведениях Г. В. Плеханова, Р. В. Иванова-Разумника, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. В. Луначарского, М. А. Лифшица и др. при анализе русской классической литературы. Важно подчеркнуть, что это было время, когда духовный рост происходил не только в кругах интеллигенции, но и в народе, который вырастил новые слои интеллигенции различных национальностей. Этот духовный рост стал основой стремительного развития нового общества, осуществившего социальную революцию, восстановившего страну после разрухи и добившегося выдающихся успехов в индустриализации страны и развитии культуры.

Отметим еще раз: наследие М. Горького дает понять, каким образом люди труда создают новую для них культуру и приобщаются к ней, перерабатывая культуру прежнюю. Эта двойственность их духовной жизни не могла не отразиться в новой литературе. Данный противоречивый процесс прослеживается и в творчестве М. Горького [18]. Люди труда, становясь творцами новой культуры, используют для этого свой ограниченный социальный и духовный опыт, и кто-то в такой напряженной работе достигает вершин мировой культуры. Например, М. А. Шолохов написал роман «Тихий Дон» с такой глубиной и размахом, что западные критики не хотят признавать его авторства. В основе этих достижений – горьковский алгоритм освоения культуры, имеющий широкое распространение и охвативший все общество, что, в свою очередь, приобрело объективный и социологически значимый характер.

В 1920-е годы предпринимались попытки исследования этих противоречивых процессов духовной жизни, а в Средней Азии – в 1930-е [19]. К сожалению, они до сих пор слабо изучены в сфере социологии. Можно назвать лишь отдельные работы, где затрагивается роль М. Горького в развитии социальной мысли [1; 2, 20–22].

Между тем познание закономерностей формирования или распада культуры – это острейшая современная проблема. По сути дела, мы сейчас сдвинулись в историческом времени к эпохе, которую так и не сумели пройти до конца, повернув

назад. Так что эта проблема приобретает злободневный характер и требует тщательного теоретико-социологического исследования на примере творчества М. Горького. Особенно ее культурной составляющей, так как стихийное развитие культуры, отстранение от нее научной основы и подчинение идеологии привело к откату назад, о возможности чего с тревогой писал М. Горький. Узкий экономизм в анализе исторических факторов и политический идеологизм тождественны в том, что в каждом из этих подходов игнорируется активная роль культуры.

Из работ М. Горького можно понять, почему в его эпоху шло бурное духовное развитие, почему культура выдвинулась на передний план. Объясняется это просто: в условиях крепостного права и сохранения консервативной власти происходило долгое торможение в развитии культуры, за исключением искусства. Основная масса народа отстранялась от творческой деятельности. Поэтому после ряда революций, мировой и гражданской войн Россия совершила невиданный рывок в сторону духовного роста, приведшего одновременно к крутой ломке и различным трагическим последствиям. В условиях «мужицкого демократизма» иначе и быть не могло. Этот процесс ломки М. Горький уже отразил в цикле рассказов *«По Руси»* (1912–1917), где раскрыл различные *«страсти-мордасти»*, по выражению писателя, которые пережила Россия в предреволюционные 1912–1917 годы.

В тяжелые 1920-30-е годы М. Горький внимательно наблюдал за тем, как относилась старая интеллигенция к новому государству. Не оказывая помощи, она лишь высокомерно указывала на нашу культурную отсталость, считая, что затеянное строительство нового общества с отсталой культурой является опасной утопией. Утопией посчитали бы, если цивилизованный мир всеми средствами стал помогать в построении социалистического общества, противоположного себе. Россия виделась лишь как источник природных ресурсов и дешевой рабочей силы.

М. Горький не обходил сложные вопросы, которые деликатно обходили другие маститые писатели, его современники, понимая, что лучше не отвечать на них, чтобы не утратить устоявшейся репутации. М. Горький не боялся таких вопросов, поэтому его мысли всегда были «несвоевременными», и не только в революционные 1917-1918 годы.

Таковыми должны быть вопросы и в социологических интервью, которые получили сейчас распространение, но часто не имеют горьковской остроты. Писатель был пролетарски радикален и не останавливался ни перед чем для получения ответа на мучивший его вопрос, иногда и ошибочный. Например, увлекшись идеями богостроительства, он считал, что новая культура может возникнуть в ходе революции сразу, без противоречий и борьбы, при использовании только позитивного опыта религии. И все же писатель больше надеялся на науку. Поэтому особое внимание и

уважение вызывали у него ученые, волновали научные открытия, без которых не может быть новой культуры. Именно так понимал он свою идею о том, что *«рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров культуры»* [23, с. 41].

Социологизм художественной прозы М. Горького дополняется его особым гуманизмом: по своему истоку они имеют автобиографическую природу. Социологизм его произведений выразился, собственно говоря, в методологии, ставшей популярной в современной социологии [24].

В русской литературе, пожалуй, *А. И. Герцена* можно назвать основателем такой социологии, которую он воплотил в произведении *«Былое и думы»*. Его творчество есть художественная исповедь, где личная жизнь пересекается с жизнью народа, выступая источником глубокой художественной правды, поразившей его современников. До М. Горького писателей такой социальной остроты и такой силы воздействия на читателей в России не было.

Л. Н. Толстой, при всем величии своих произведений, уступал М. Горькому, чуждаясь в своих романах функций социологии, хотя и назван В. И. Лениным *«зеркалом русской революции»*. Но это «зеркало» нужно было еще найти у Л. Н. Толстого, а в произведениях М. Горького оно не скрывалось. В западной литературе Максима Горького называют писателем-радикалом, в противоположность аристократу Л. Н. Толстому, хотя оба отнесены к утопистам [25-26].

Героем произведений М. Горького является человек труда, но этот факт примитивизировали. По идеологическим соображениям в советское время его называли пролетарским писателем, однако он не пролетарский, а *рабочий писатель*. Горький выражал интересы человека творческого труда, а не труда вообще. Он показывал человека труда, который преобразует мир, создаст новую культуру, осваивая мировую. Нигилистическое отношение к этому художественному открытию М. Горького похоже на страх или недалекость, когда мы боимся и не понимаем того, чем владеем, и в чем состоит величие нашей отечественной литературы и культуры в целом.

Творчество М. Горького направлено на приобщение к мировой культуре рабочего человека. Поэтому о рабочих он писал много, писал с горечью и гордостью. Выделю только одну его мысль, высказанную на злобу дня, но давно выношенную: *«Я неоднократно говорил, что промышленность – одна из основ культуры, что развитие промышленности необходимо для спасения страны, для ее европеизации, что фабрично-заводской рабочий – не только физическая, но и духовная сила, не только исполнитель чуждой воли, но человек, воплощающий в жизнь свою волю, свой разум»* [27, с. 181].

Объясняя свою социальную позицию, М. Горький писал, что рабочий *«не так зависит от стихийных сил природы, как зависит от них крестьянин, тяжкий труд которого невидим, не остается в веках. Все, что крестьянин вырабатывает, он продает и съедает, его энергия целиком поглощается землей, тогда как труд рабочего остается на земле, украшая ее и способствуя дальнейшему подчинению сил природы интересам человека»* [27, с. 181]. Сказано это в заметке, где бросаются обвинения в адрес комиссаров, которые могут погубить рабочий класс, эту *«аристократию демократии»*, поскольку они используют рабочих как материал для социального эксперимента.

Максим Горький всем своим творчеством утверждал известную идею: *«Человек – вот правда! Что такое человек? Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека). Понимаешь? Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!»* [31, с. 170]. Эта гуманистическая идея М. Горького обошла весь мир [29]. Но нередко ее упрощают, поэтому мы дали цитату в более полном виде. Из нее видно, как писатель понимал, что такое человек.

Гуманизм М. Горького не был классово пролетарским. Он любил всех людей за то, что они проявляют творческую способность хоть в чем-то, включая сюда воров, шулеров, но также изобретателей и ученых, перед которыми преклонялся. Как сказал об этом В. Ходасевич, писателю была присуща *«живая, как-то очень задорно и весело окрашенная любовь к людям, нарушающим или стремящимся нарушить заведенный в мире порядок»* [30]. И все же в этом креативном и социально безбрежном гуманизме скрыта и рабочая жилка, его основные истоки: М. Горькому были интересны и важны творческие люди, люди с трудовой закваской, способные к изменению мира и его художественному преобразованию.

С этой точки зрения в современной ситуации нельзя не обратиться к творческому наследию М. Горького, так как центром всех его размышлений были культура, социальная наука и гуманизм. Но для этого необходимо выработать новое понимание существа культуры, миссией которой является развитие человека. Измениться должна и социология в этом направлении, став социологией культуры. Нужно отказаться от понимания культуры как совокупности ценностей, обычаев, традиций и норм, призванных регулировать их поведение. Культура есть не регулятор поведения, а способ формирования и развития свойств и атрибутов человека [31].

Максим Горький считал, что объективистская социальная установка является признаком нравственной неразвитости человека и причиной социальных драм. Горечью пронизаны его слова, в *«Несвоевременных мыслях»*: *«Доказывать необходимость культурно-просветительной работы излишне, эта необходимость очевидна, о ней красноречиво взывают и грязный камень наших мостовых, и вековая грязь сердца и мозга людей. Теперь более ясно, чем когда-либо раньше, мы видим, до чего глубоко заражен русский народ невежеством, до какой жуткой степени ему чужды интересы своей страны, какой он дикарь в области гражданской, и как младенчески неразвито в нем чувство истории, понимание своего места в историческом процессе»* [27, с. 256-257].

Он призывает граждан нового государства и новую власть к преодолению невежества и дикости, к развитию чувства истории для понимания *«своего места в историческом процессе»*. То есть у М. Горького люди должны не пассивно следовать требованиям культуры, а устремляться к творческому ее освоению и развитию. Пример такого отношения к культуре он подавал сам.

Заключение. Творчество М. Горького пересекалось, явно или латентно, с социологическими проблемами, которые писатель стремился решить. Такое пересечение вызвано объективными причинами и драматической судьбой социологии в стране, когда она была необходима, в стране, нацеленной на выработку новой культуры и освоения мировой.

М. Горький – свидетель и судья многих этих процессов. Его социально-медиаторская сущность сыграла важную роль, поэтому он стал социологом поневоле, выполняя своими художественными произведениями несвойственную искусству социологическую функцию. Его наследие явилось своеобразной социокультурной лабораторией, куда каждый может войти и провести умственные эксперименты. Особенно сейчас, когда мы переживаем кризис культуры.

«Руку в непогоду», как писал А. Блок о Пушкине, нам дает сейчас М. Горький. Так что нового М. Горького, его новой роли мы еще не знаем. Мы не знаем его таким, каким он нам нужен сейчас. Другой русской культуры у нас нет, кроме той, которая была создана творческими усилиями российского народа. М. Горький стал вдохновляющим примером и одним из основателей новой культуры, созданной мастеровыми людьми, рабочими и крестьянами.

Список литературы

1. В мыслях о своем времени и ином: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Горького. Н. Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2018. 218 с.

2. Мировое значение творчества Горького. Горьковские чтения – 2018: материалы XXXVIII Международной научной конференции. Н. Новгород: БегемотНН, 2018. 352 с.
3. Спиридонова Л. А. Горьковедение на рубеже эпох // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 3-4. С. 420–433.
4. М. Горький – Россия – Мир. URL: <http://gorkiy.rhga.ru/section/sovremennoe-gorkovedenie/> (дата обращения: 06.07.2023).
5. Горький А. М. Разрушение личности // Собр. соч. в 30 т. Т. 24. С. 26–79.
6. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 427–504.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
8. Фатенков А. Н. Антропология М. Горького взглядом из капиталистического сегодня // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 48–56.
9. Горький А. М. С кем вы, «мастера культуры»? // Собр. соч. в 30 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. Т. 26. С. 248–269.
10. Арватов Б. И. Социологическая поэтика. М.: Федерация, 1928. 171 с.
11. Фриче В. М. Социология искусства. М.-Л.: ОГИЗ, 1926. 203 с.
12. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. Я так хочу назвать кино. Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, 1996. 256 с.
13. Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Сост.: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. 868 с.
14. Маршак А. Л. Становление и развитие социологии культуры в отечественной социологической науке // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 125–134.
15. Орлова Э. А. Компоненты современной социологии культуры // Культура культуры. 2016. № 3 (11). URL: <http://cult-cult.ru/components-of-modern-sociology-of-culture/> (дата обращения: 06.07.2023).
16. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Эксмо, 2005. 507 с.
17. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Соч. в 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 7–175.
18. Зеленов Л. А., Владимиров А. А. М. Горький как зеркало противоречивого русского мировоззрения // В мыслях о своем времени и ином. 2018. С. 142–149.
19. Никишина В. Б., Разуваева Т. Н., Самосват О. И. Проекция этнопсихологических исследований А. Р. Лурия на национальную политику СССР // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). С. 159–162.
20. Воронин В. С. Философия истории и многозначная логика в последних романах М. Горького // Вестник ВолГУ. 2008. Сер. 8, вып. 7. С. 15–21.
21. Закс Л. А. Горький: художественное сознание на перекрестке многих социокультурных «между» // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 230–235.
22. Святославский А. В. А. М. Горький о советской литературе в контексте мирового литературного процесса (по материалам Всесоюзного съезда советских писателей) // ACTA ERUDITORUM. 2019. № 31. С. 107–112.
23. Горький А. М. Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры // Собр. соч. в 30 т. Т. 25. С. 39–46.
24. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд-й дом ВШЭ, 2012. 381 с.
25. Tolstoy vs. Gorky: Why Russian intellectuals had very different visions of utopia. URL: <https://bigthink.com/the-past/utopia-gorky-tolstoy-russia/> (дата обращения: 06.07.2023).
26. War or peace? What happened when aristocratic Leo Tolstoy met radical upstart Maxim Gorky. URL: <https://www.christies.com/features/War-or-peace-What-happened-when-Tolstoy-met-Gorky-11974-1.aspx> (дата обращения: 06.07.2023).
27. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.

28. Горький А. М. На дне // Собр. соч. в 30 т. Т. 6. С. 170. С. 103–176.

29. Analysis "At the bottom" (Maxim Gorky). The character of the characters and the philosophy of the play. URL: <https://stuklopechat.com/publikacii-i-napisanie-statey/92381-analiz-na-dne-gorkiy-maksim-harakter-geroev-i-filosofiya-pesy.html> (дата обращения: 06.07.2023).

30. Ходасевич В. Воспоминания о Горьком. URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0340.shtml (дата обращения: 06.07.2023).

31. Козырьков В. П., Придатченко М. В., Шалютин Н. В. Социология культуры в цифровом обществе. СПб.: Алтейя, 2022. 378 с.

Авторская справка

КОЗЫРЬКОВ Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор, профессор Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: kozir3@yandex.ru

UDC 316.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.72

THE SOCIOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE SPIRITUAL EXPERIENCE OF M. GORKY IN THE MASTERING AND DEVELOPMENT OF CULTURE

V. P. Kozyrkov

N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. In the modern era, spiritual processes similar to those experienced by M. Gorky a century ago are unfolding again. Therefore, the problem of revealing the general logic and approaches of his comprehension of culture, which have received a sociological character, becomes relevant.

Methods. A socio-cultural analysis of a dialectical nature is carried out. It allows us to get away from narrowly disciplinary and dogmatic ideas about the historical role of M. Gorky in culture.

Results. M. Gorky is characterized as a "sociologist willy-nilly", as a social mediator, who expressed the contradictions of his epoch. The reasons for the rapid but contradictory spiritual development of Russian society in the 20-30s and why M. Gorky was always in the thick of public debate are revealed. An example is given of an absentee discussion with P. Sorokin. The fate of Russian sociology of culture is shown, with the names of the scientists indicated. Sociological features of the writer's work are defined: the ability to highlight the main social factors and driving forces of the era, the talent to ask direct questions and answer them, the biographical approach, the analysis of naive letters. The features of M. Gorky's sociology are shown. It continued in his humanism, which might be called workers', activist rather than proletarian. The idea that Gorky's legacy is important for a way out of the historical crisis based on the potential of culture is substantiated. But this requires a new understanding of the essence and social function of culture.

Conclusion. We conclude that all of Gorky's legacy is a unique sociocultural laboratory that everyone can enter and conduct their own intellectual sociological experiments. Everyone can have their own new experience of cultural mastering. This new role of M. Gorky's legacy we do not yet know.

Keywords: Maxim Gorky, culture, sociology, spiritual development, crisis, personality, worker, Russia.

References

1. V mysljah o svoevremennom i inom. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 150-letiju so dnja rozhdenija M. Gor'kogo [In thoughts about the timely and other. Materials of the All-Russian Scientific Conference devoted to the 150th anniversary of Mfchim Gorky's birth]. Nizhny Novgorod, Privolzhskij issledovatel'skij medicinskij universitet, 2018. 218 p.
2. Mirovoe znachenie tvorchestva Gor'kogo. Gor'kovskie chtenija – 2018. Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The global significance of Gorky's work. Gorky Readings – 2018. Proceedings of the XXXVIII International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, Begemot Nizhny Novgorod, 2018. 352 p.
3. Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na rubezhe jepoh [Gorky studies at the turn of the epoch]. *Studia Litterarum*. 2016. Vol. 1, no. 3-4. Pp. 420–433.
4. M. Gor'kij – Rossiya – Mir [Maxim Gorky – Russia – World]. URL: <http://gorkiy.rhga.ru/section/sovremennoe-gorkovedenie/> (accessed 06.07.2023).
5. Gor'kij A. M. Razrushenie lichnosti [Identity destruction]. Gor'kij Alexei Maksimovich. Collected Works. Vol. 24. Moscow. Pp. 26–79.
6. Sorokin P. A. Krizis nashego vremeni [The crisis of our time]. Sorokin Pitirim Alexandrovich. *Che-lovek. Civilizacija. Obshhestvo*. Moscow, Politizdat, 1992. Pp. 427–504.
7. Sorokin P. A. Social'naja i kul'turnaja dinamika [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel', 2006. 1176 p.
8. Fatenkov A. N. Antropologija M. Gor'kogo vzgljadam iz kapitalisticheskogo segodnja [Maxim Gorky's anthropology with a view from capitalist today]. *Gumanitarnyj vektor*. 2019. Vol. 14, no. 2. Pp. 48–56.
9. Gor'kij A. M. S kem vy, «mastera kul'tury»? [Who are you "masters of culture" with?]. Gor'kij Alexei Maksimovich. Collected Works. Vol. 26. Moscow, Hudozhestvennoj literatury, 1953. Pp. 248–269.
10. Arvatov B. I. Sociologicheskaja pojetika [Sociological Poetics]. Moscow, Federacija, 1928. 171 p.
11. Friche V. M. Sociologija iskusstva [Sociology of art]. Moscow-Leningrad, Association of State Book and Magazine Publishers, 1926. 203 p.
12. Kozlova H. H., Sandomirskaja I. I. Ja tak hochu nazvat' kino. Naivnoe pis'mo: opyt lingvo-sociologicheskogo chtenija [That's what I want to call the movie. Naive writing: the experience of linguistic and sociological reading]. Moscow, Gnozis, 1996. 256 p.
13. Maksim Gor'kij: pro et contra, antologija. Sovremennyy diskurs [Maxim Gorky: pro et contra, an anthology. Contemporary discourse]. Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtinceva. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy, 2018. 868 p.
14. Marshak A. L. Stanovlenie i razvitie sociologii kul'tury v otechestvennoj sociologicheskoi nauke [Formation and development of sociology of culture in Russian sociological science]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2014. No. 7. Pp. 125–134.
15. Orlova Je. A. Komponenty sovremennoj sociologii kul'tury [Components of modern sociology of culture]. *Kul'tura kul'tury*. 2016. № 3 (11). URL: <http://cult-cult.ru/components-of-modern-sociology-of-culture/> (accessed 06.07.2023).
16. Vygotskij L. S. Psihologija razvitija rebenka [Psychology of child development]. Moscow, Jeksmo, 2005. 507 p.
17. Bahtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's work]. Bahtin M. M. Works. Moscow, Russkie slovari. 2000. Vol. 2. Pp. 7–175.
18. Zelenov L. A., Vladimirov A. A. M. Gor'kij kak zerkalo protivorechivogo russkogo mirovozzrenija [Maxim Gorky as a mirror of the contradictory Russian worldview]. *V mysljah o svoevremennom i inom*. 2018. Pp. 142–149.
19. Nikishina V. B., Razuvaeva T. N., Samosvat O. I. Proekcija jetnopsihologicheskikh issledovanij A. R. Lurija na nacional'nuju politiku SSSR [Projection of A. R. Luria's ethnopsychological research on the national

policy of the USSR]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo state university, Gumanitarnye nauki, 2016. No. 21 (242). Pp. 159–62.

20. Voronin V. S. Filosofija istorii i mnogoznachnaja logika v poslednih romanah M. Gor'kogo [Philosophy of History and Multiple Logic in Maxim Gorky's Last Novels]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. Ser. 8, vyp. 7. Pp. 15–21.

21. Zaks L. A. Gor'kij: hudozhestvennoe soznanie na perekrestke mnogih sociokul'turnyh «mezhd» [Gorky: artistic consciousness at the crossroads of many socio-cultural «in-betweens»]. Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. 2018. No. 4. Pp. 230–235.

22. Svjatoslavskij A. V. A. M. Gor'kij o sovetskoj literature v kontekste mirovogo literaturnogo processa (po materialam Vsesojuznogo s#ezda sovetskih pisatelej [Gorky on Soviet literature in the context of the world literary process (on the materials of the All-Union Congress of Soviet Writers)]. ACTA ERUDITORUM. 2019. No. 31. Pp. 107–112.

23. Gor'kij A. M. Rabochij klass dolzhen vospitat' svoih masterov kul'tury [The working class must educate its own masters of culture]. Gor'kij Alexei Maksimovich. Collected Works. Vol. 25. Pp. 39–46.

24. Rozhdestvenskaja E. Ju. Biograficheskiy metod v sociologii [Biographical method in sociology]. Moscow, Higher School of Economics, 2012. 381 p.

25. Tolstoy vs. Gorky: Why Russian intellectuals had very different visions of utopia. URL: <https://bigthink.com/the-past/utopia-gorky-tolstoy-russia/> (accessed 06.07.2023).

26. War or peace? What happened when aristocratic Leo Tolstoy met radical upstart Maxim Gorky. URL: <https://www.christies.com/features/War-or-peace-What-happened-when-Tolstoy-met-Gorky-11974-1.aspx> (accessed 06.07.2023).

27. Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli. Zametki o revoljucii i kul'ture [Untimely Thoughts. Notes on Revolution and Culture]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1990. 400 p.

28. Gor'kij A. M. Na dne [At the bottom]. Gor'kij Alexei Maksimovich. Collected Works. Vol. 6. Pp. 103–176.

29. Analysis "At the bottom" (Maxim Gorky). The character of the characters and the philosophy of the play. URL: <https://stuklopechat.com/publikacii-i-napisanie-statej/92381-analiz-na-dne-gorkiy-maksim-harakter-geroev-i-filosofiya-pesy.html> (accessed 06.07.2023).

30. Hodasevich V. Vospominanija o Gor'kom [Memories of Gorky]. URL: http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_0340.shtml (accessed 06.07.2023).

31. Kozyr'kov V. P., Pridatchenko M. V., Shaljutina N. V. Sociologija kul'tury v cifrovom obshhestve [Sociology of Culture in the Digital Society]. Saint Petersburg, Aletejja, 2022. 378 p.

Author's Bio

KOZYRKOV Vladimir Pavlovich – Doctor of Sociology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University», Nizhny Novgorod, Russia. N. I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: kozir3@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Козырьков В. П. Социологическое значение духовного опыта М. Горького в освоении и развитии культуры // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 72–85. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.72

УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ

М. В. Корнилова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, г. Москва (Россия)*

Введение. Принцип активности и самодостаточности в старшем возрасте составляет основу зарубежных концепций благополучного старения. В российских исследованиях успешную старость связывают с «активным долголетием», которое изучается с самых разных сторон: в контексте наступления и уважения старости, общей продолжительности жизни и выхода на пенсию, трудовой активности и волонтерства, медицинского и социального обслуживания, изменения и принятия внешности. Относительно новый тренд исследований – изучение жизни пожилых людей в период распространения пандемии коронавируса.

Методы. Акцентируя внимание на различных аспектах активного долголетия, автору удалось выделить и охарактеризовать посредством саморефлексии участников интервью основные составляющие активного долголетия; изучить, как соотносится активное долголетие с конкретными условиями жизни (ограничительными мерами) периода начала распространения пандемии COVID-19. Применение качественной методики показало результативность и целесообразность ее использования в отношении людей старшего возраста как носителей более глубоких и иногда очень неожиданных ответов (особенно в контексте пандемии коронавируса), получить которые посредством массовых опросов не представляется возможным.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Активное долголетие воспринимается москвичами старшего возраста как важная составляющая насыщенной, стабильной жизни, предполагающая сохранение умственной и физической активности на уровне не ниже, чем в среднем периоде жизни; наличие возможностей по продолжению трудовой деятельности; уважение и признание со стороны семьи, общества и государства. Это возможность делать личный выбор: заниматься творчеством, учиться, быть полезными для других даже в периоды беспрецедентных ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19. Правильный настрой информантов и заключался в понимании реальной угрозы и принятии ограничительных мер. При наличии собственной мотивации и внутренних ресурсов были возможности сохранить некоторую привычную активность и даже заняться чем-то новым.

Заключение. Переход в старший возраст рассматривается как новый жизненный виток при сохранении привычной и стабильной жизни. Активное долголетие – это и возможность жить в индивидуально-комфортном ритме, видеть горизонт будущего и реализовывать собственные желания, двигаться вперед с опорой на себя и при поддержке государства и общества. Быть активным в старшем возрасте – это значит поддерживать физическую форму и интеллектуальное развитие, иметь желание и возможности к обучению, выполнению профессиональной и творческой деятельности, быть полезным для других, сохранять позитивный настрой и уметь приспосабливаться к изменениям в жизни. В период ограничительных мер, связанных с распространением пандемии коронавируса, пожилые люди были огра-

ничены в контактах и передвижении за пределами жилища. Но даже на «домашнем режиме» им удалось сохранить некоторую привычную активность и найти новые занятия, разнообразить быт, поддерживать наполненность и удовольствие от жизни.

Ключевые слова: пожилые люди, активное долголетие, благополучное старение, старший возраст, COVID-19, пандемия.

Введение. Концепция активного / благополучного старения (active / successful ageing) была разработана в США Робертом Хэвигхёрстом и его коллегами еще в середине прошлого века. Успешная старость представлена как активное вовлечение в общественную жизнь и постоянное развитие: интеллектуальное, физическое, эстетическое, а вхождение в новую социальную роль (пожилого человека) сопровождается появлением новых интересов, увлечений и хобби [1].

Термин «активное старение» трактуется как удовлетворение от прошлой жизни и той, которая есть сейчас, по следующим критериям: физическая и интеллектуальная активность, положительное восприятие себя и своего образа жизни, профессиональной активности, сохранения тех же желаний и потребностей, что и в среднем возрасте [2].

В теориях успешного старения на первый план выходит именно личная позиция индивида по сохранению собственной активности: быть на волне жизни, не сбавлять темп и в старшем возрасте [3].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет активное старение как комплекс возможностей здоровья, социальной (общественной) жизни и защищенности людей третьего возраста в процессе старения. Это позволяет человеку реализовать свой потенциал физического, социального и психического благополучия на протяжении всей жизни и участвовать в жизни общества в соответствии со своими потребностями, желаниями и возможностями, при этом имея надлежащую защиту, безопасность и уход, когда необходима помощь [4].

В российских исследованиях применяется термин «активное долголетие» (longevity), так как в прямом переводе теории active ageing усмотрели негативно воспринимаемый подтекст «ускоренного старения» [5].

Основной принцип политики активного долголетия заключается в том, чтобы *«одновременно способствовать и адаптации общества и экономики к изменяющейся структуре населения, и продлению активной и достойной жизни граждан старшего поколения»* [6, с. 45].

Проанализировав имеющиеся публикации по теме активного долголетия, автор выделил основные аспекты исследования данной тематики. Долголетие, конечно, рассматривается в контексте противопоставления наступления старости [7, 8, 9] и выхода на пенсию [10, 11], общей продолжительности жизни [12] и трудовой актив-

ности [13, 14], медицинского [15, 16, 17] и социального обслуживания [18]. Для нашей страны аспекты изучения активного долголетия относительно новые и очень волнующие, среди них: волонтерство [19, 20], изменение и принятие своей внешности [21, 22, 23, 24], а также уважение старости [25] и самовосприятие возраста [26, 27, 28]. Особое место отводится проблемам цифровизации [29] и социального исключения пожилых [20, 30, 31], в т. ч. в контексте распространения пандемии COVID-19 [32].

Методы исследования. Опираясь на концепцию активного старения Р. Хевигхёрста, предполагалось анализировать активное долголетие не как вектор социальной политики в отношении людей старшего возраста, а как субъективное восприятие индивидуальных жизненных практик и собственных активных стратегий поведения старших. Анализ базируется на результатах 32 глубинных интервью. Возраст участников от 55 до 80 лет. География исследования – Москва. Особенности проведения: апрель-май 2020 года в онлайн-режиме (первая острая фаза распространения пандемии коронавируса). Формат получения данных – аудио- и видео-беседа в мессенджере What'sApp.

Вторичный анализ данных о позитивном восприятии своего возраста и желании быть активными представлен на основе публикаций О. Максимовой [27], И. Шмерлиной [33], К. Мануильской [28], О. Дудченко, А. Мытиль [26] и др. Опираясь на качественные методы – личные интервью и групповые дискуссии, проведенные с пожилыми людьми, исследователи очень глубоко и последовательно изучали особенности субъективного восприятия индивидами собственной жизни с самых разных сторон, в том числе и негативных. Но в каждой статье найдены и показаны положительные примеры активного долголетия и удовлетворительной жизни в старшем возрасте. Полученные данные перекликаются с результатами авторского исследования и позволяют утвердиться в целесообразности выбранной методики.

Также автор приводит материалы А. Смолькина [25] о восприятии старости, уважении старших в целом и признании индивидуальных заслуг и достижений в зрелом возрасте; Е. Здравомысловой [34] – о горизонте будущего даже в возрасте 65 и более лет; Т. Дроздовой – о необходимости корректного обращения к старшим (недопустимости эйджизма в коммуникации) [35]; П. Козыревой и А. Смирнова [36] – о возможностях активной жизни в старшем возрасте и удовлетворенности жизнью даже в период распространения пандемии коронавируса.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Активное долголетие: что это такое?

Самый первый вопрос глубинных интервью был о том, как воспринимают информанты активное долголетие. Исходя из ответов участников, автор условно выделил 12 составляющих.

1. Начало новой жизни. Очень часто можно услышать, что жизнь на пенсии обретает особый смысл. По данным опросов ВЦИОМ, отвечая на вопрос «Что меняется в жизни после 60 лет?», 78 % респондентов констатировали, что *«можно вести активный образ жизни»*, 81 % опрошенных сказали, что *«можно посвятить больше времени себе, своему хобби»* [37].

Пересекая границу пенсионного возраста, человек как бы попадает в свою «точку ноль», при этом уже имея жизненный опыт. Это можно расценивать и как старт: *«Жизнь только начинается. Сейчас вот это долголетие (программа «Московское долголетие» – прим. авт.) – это просто продление полноценной, здоровой, молодой жизни»* (жен., 55 лет); *«Осуществление своей мечты»* (жен., 56 лет); *«Я поняла, что у меня жизнь только началась на пенсии»* (жен., 62 года).

В позднем возрасте можно запланировать и создать собственный «горизонт будущего, которое может исчисляться десятилетиями» [34, с. 23].

2. Стабильность и устойчивость. Переход в старший возраст действительно может рассматриваться как новый жизненный виток, при этом *«продолжение жизни»* так же важно, как и возможность *«не менять жизнь»* (жен., 55 лет). Это подтверждает один из тезисов концепции активного старения о желании людей старшего возраста сохранить свою жизнь такой же, как и в среднем периоде.

3. Работоспособность. Быть активным в пожилом возрасте часто связывается с возможностью продолжать трудовую деятельность: *«Работать до конца»*, *«Страшно остановиться и ничего не делать»* (жен., 59 лет); *«Работать и получать удовольствие от того, что ты делаешь»* (муж., 64 года).

Желание работать и получать от государства оплату труда, рассматривается как дополнение или даже альтернатива городским досуговым программам: *«А ещё я забыл вам сказать, что лучшие бы московские власти рабочие места с достойной зарплатой создавали для пенсионеров, которые, как я, ещё хотят и могут работать»* (муж., 62 года).

Необходимость предоставления рабочих мест с частичной занятостью и гибким графиком работы для старшего поколения москвичей отмечалась в рамках исследования качества жизни и условий для активного долголетия еще в 2015 году [26]. Несмотря на то, что об этом много говорится и пишется, проблема трудоустройства людей старшего возраста всегда актуальна.

4. Доступность. В данном контексте активность напрямую связывается с материальными и инфраструктурными возможностями позволить себе заниматься тем, что нравится: *«Это чем-то заняться доступным, потому что в наше коммерческое время ... это вот когда мы были детьми, для нас все секции были доступны. Я вот спортом занимался, 30 коп. взнос. То есть не всем это доступно, а тем более для пожилых, а тем более для пенсионеров»* (муж., 62 года).

5. Поддержание физических возможностей. Конечно, активное долголетие подразумевает желание двигаться и физическую активность: *«...это движение», «не быть Обломовым»* (жен., 56 лет); *«Не сидеть на лавочке возле дома»* (жен, 70 лет). Для этого в столице созданы все условия.

6. Развитие интеллектуальных способностей. Активность пожилого человека связана не только с наличием возможности выполнять физические нагрузки, но и с сохранением ясности ума, осмысления и интереса к происходящим в социуме событиям: *«не только физическая активность, но и интеллектуальная»* (жен., 56 лет); *«Мозги включаются»* (жен., 59 лет); *«Быть активным, ну, мне кажется, это как бы, чтобы бабушки и дедушки не засиживались дома или на даче, чтобы они свои навыки там до конца, пока у них там нет деменции, не утратили»* (жен., 57 лет).

7. Постоянное обучение. Многие информанты в ходе беседы признавались, что открыли для себя очень много полезного именно благодаря самым разным видам образовательных программ для старшего возраста, существующих в городе: *«Мне нужно все время учиться. Понимаете? Я привыкла, что я все время учусь»* (жен., 60 лет).

8. Быть полезным для других. Быть активным в старшем возрасте – означает *«приносить пользу людям»* (муж., 64 года). Очень важно уметь делиться тем, что приобретено с годами: *«активность – это еще и щедрость»* (жен., 59 лет). Многие хотят передавать свои навыки и умения, учить и помогать другим: *«...ну, может быть, волонтерами, может быть <...> я с готовностью, конечно, по мере своих сил»* (жен., 60 лет).

9. Жажда жизни. Каждый человек – творец своей судьбы, и если с возрастом появляются новые желания и возможности попробовать то, что всегда хотелось – это и есть активное долголетие: *«По огню ходила, на дельтаплане летала, вот бы мне еще с аквалангом поплавать»* (жен., 67 лет).

10. Получение удовольствия. Долгая и активная жизнь подразумевает положительные эмоции и удовлетворение, в том числе и от занятий в городских программах: *«Я за славой не гонюсь и участвую только в свое удовольствие»* (жен., 73 года).

11. Позитивный настрой и образ жизни. Чтобы быть активным в старшем возрасте, необходимы уверенность и понимание, чего хочется от жизни: *«Заниматься собой и активно себя совершенствовать»* (жен., 70 лет); *«Я активен сам по себе, мне не нужно чужое вмешательство»* (муж., 64 года); *«Пожили и готовы еще пожить»* (жен., 59 лет); *«Я не знаю, что такое активное долголетие, я сама по себе просто активный человек»* (жен., 62 года); *«Если знать свою физиологию, то старости нет»* (жен., 74 года); *«Когда ты начинаешь понимать, что твой мир этим не ограничивается (внуками – прим. авт.)»* (жен., 56 лет).

В статье О. Максимовой участники интервью ассоциировали свою нынешнюю жизнь уже в старшем возрасте прежде всего с «возможностью самореализации, в том числе в тех сферах, где раньше они не могли себя проявить в силу загруженности профессиональными и семейными обязанностями». Информанты отмечали, что с удовольствием стали заниматься живописью и фитнесом, начали писать стихи и путешествовать в старшем возрасте [27].

Творческая активность участников авторского исследования разнообразна и уже является неотъемлемой частью их образа жизни. Все виды изобразительного искусства и актерское мастерство, фотография и танцы, скандинавская ходьба и общеукрепляющие занятия физкультурой составляют основу активного развития старшего поколения столицы.

12. Еще одна важная составляющая активного долголетия – уважение к возрасту и достижениям. *«В каждом возрасте можно делать свои подвиги»* (муж., 62 года). В социальных науках старший возраст рассматривается не только как дисфункциональность, но и как наличие жизненного опыта, мудрости, определенных знаний и заслуг [25].

Информанты отмечали, что им хотелось быть значимыми для общества, государства и близкого окружения, чтобы ценили и помнили их заслуги: *«Вот смотришь, идет бабуля, ползет, а она, оказывается, балерина из Большого театра. И смотришь уже на нее по-другому. А вот эта после войны организовала Интернат, и они там морковку сажали около Тимирязевской академии. И уже по-другому смотришь на пожилого человека. Вот бы еще наша молодежь так думала...»* (жен., 80 лет).

На ощущение своей нужности, востребованности очень влияют и обращения к людям старшего возраста. Одним из показателей уважения к представителям в возрасте 60+ является замена термина «пожилой» на «старший». А выражение «третий возраст», употребляемое по отношению к периоду активной, полноценной жизни после выхода на пенсию, звучит гораздо приятнее, чем «пожилой возраст» [35].

В обыденном понимании людей старшего возраста «активное долголетие» – это, прежде всего, долгая и насыщенная жизнь, предполагающая сохранение физической, умственной и творческой активности, а также уважение и признание со стороны государства и общества. Это возможность продолжать трудовую деятельность, сохранять здоровье и внедрять здоровые привычки, постоянно совершенствовать интеллектуальное, физическое и духовное развитие, а также сохранять и поддерживать привычный уровень и качество жизни.

Активное долголетие и пандемия: возможно ли?

Активное долголетие – это, прежде всего, личный выбор и собственная стратегия адаптивного поведения в старшем возрасте. Реализация желания быть активным связана не только с возможностями конкретного человека, но и с предлагаемыми обстоятельствами жизни на индивидуальном и общественном уровнях. Активность тесно связана со свободой, а свобода предполагает варианты выбора. Об этом информантами ничего не было сказано, хотя исследование проводилось во время беспрецедентных ограничительных мер, связанных с распространением пандемии коронавируса.

Участники интервью по-разному оценивали свое вынужденное пребывание дома. И негативное, и позитивное отношение москвичей старшего возраста к ограничениям пандемии COVID-19 уже было отражено автором в предыдущих статьях, но с точки зрения возможности продолжения активной жизни заслуживает отдельного рассмотрения.

Прежде всего хочется отметить ***осознанность восприятия*** пожилыми людьми возможных ***последствий распространения пандемии коронавируса***: «Ну, я не знаю, но мне лучше, чтоб дольше она была, чтоб меньше было риска потом» (жен., 59 лет).

Пожилые информанты осознавали не только контагиозность коронавируса, но и собственную ответственность за свою жизнь и здоровье, за безопасность окружающих людей: «И я считаю, что если я буду выходить, то я заболел и могу заразить других, и так далее» (муж., 64 года).

Информанты понимали ***важность самосохранительного поведения как для собственной безопасности, так и для сохранения жизни и здоровья окружающих***: «Если я выхожу, я, конечно, всё надеваю: и перчатки, и маску, и всё, и очки сверху. Береженого Бог бережет! Я думаю, не так просто уж нас всех посадили на домашний режим» (жен., 62 года).

Признание неординарности ситуации: «Да, я считаю, что это как бы нормально вот в такой экстренной ситуации... но, с другой стороны, я понимаю, что это очень тяжело... даже не знаю, как правильно было бы» (жен., 70 лет).

Правильный настрой заключался в понимании реальной угрозы и принятии ограничительных мер, **помогал довериться «новому» течению жизни:** «Для меня это просто временная ситуация из ряда вон выходящая. Я настроила себя так, ну, раз так всё складывается, надо настроить себя правильно, найти в этом позитив» (жен., 60 лет); «Нормально всё, нормально» (жен., 80 лет); «Тут главное – не раскисать» (жен., 59 лет).

Очень выручали материалы вспомогательного характера, направленные на укрепление ментального здоровья и **поддержание психологического равновесия:** «Ну и плюс вебинары тоже бесконечные, которые тоже на тему дня, на злобу дня дают советы хорошие специалисты по укреплению иммунитета, по каким-то практикам саморегуляции, чтобы не было каких-то психических расстройств» (жен., 73 года).

При наличии собственной мотивации и внутренних ресурсов были **возможности сохранить** некоторую **привычную активность и даже заняться чем-то новым** – разнообразить свою жизнь: «В общем обе студии, в которых я занимался до коронавируса, они продолжают существовать. Мы ежедневно получаем задания, а если не задания, то уроки мастерства от актеров, режиссеров, от руководителя хора. Жизнь продолжается, жизнь течет» (муж., 75 лет).

По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», люди старшего возраста, в принципе, стали больше читать, смотреть фильмы, телепередачи, занялись самообразованием [32].

При этом основные трудности были связаны фактически с теми видами активности, которые невозможно перенести в онлайн-формат (например, плавание в бассейне или выход на прогулку): «Я в принципе по жизни всегда активная. Для меня другого слова не существует. Вот чего мне не хватает именно сейчас – это «Московского долголетия». Я просто каждое утро, получается, на Яузе, там находятся бассейн и спортивный комплекс. И я каждый день туда ходила на занятие. Туда – час занятий, и обратно опять пешком. Вот этого мне сейчас очень не хватает, потому что была какая-то пробежка, поэтому утро начиналось с активности» (жен., 56 лет).

При ответе на вопросы о каждодневных делах пожилые информанты отмечали, что **работа из дома – вариант нормы и в допандемической реальности**. Конечно, такая продвинутая форма организации жизни характерна только для определенных категорий работников. И дело даже не в возрасте, а в профессиональной принад-

лежности. Такой график работы привычен для творческих людей: *«Мне совершенно не скучно дома, я много занимаюсь творчеством – рисую, обрабатываю фото, делаю коллажи и мудборды для будущих проектов, читаю, смотрю фильмы и вебинары»* (жен., 59 лет).

Самозанятость и принцип работы на себя позволяли чувствовать себя комфортно в предлагаемых обстоятельствах: *«Мы на фрилансе с 2015 года, то есть для нас мало что изменилось, тем более что у нас дача в 15 минутах езды от дома»* (жен., 57 лет).

Для тех, кто закончил трудовую деятельность, отсутствие необходимости ездить на работу было привычным: *«А у меня ничего не поменялось. Я только никуда не езжу <...> никакого вакуума нет, у меня все расписано, весь день расписан. Все зависит от условий, в которых ты находишься»* (жен., 59 лет).

Несмотря на ограничения, **сохранялась привычная наполненность жизни**: *«Мне даже дня не хватает, чтобы переделать все дела»* (жен., 55 лет); *«Ну, короче, день у меня настолько плотно занят, что даже вот всё, что я бы хотела в течение дня сделать, у меня времени нет, ну не получается, не хватает»* (жен., 73 года); *«Я одна в 2-комнатной квартире, могу одно поделать, могу другое поделать, у меня кот есть, который мне скучать сильно не дает. И потом, я еще даже половину не сделала, мне еще можно 3-4 месяца вот так протянуть»* (жен., 56 лет).

Участники интервью отмечали, что у них **не только не было свободного времени, чтобы скучать днем, они были заняты даже ночью**: *«А у меня нет его – свободного времени. Мне спать некогда. Я обучаю. Шьем в постоянном режиме. Одно заканчиваем – другое начинаем. <...> Мне пандемия только помогает»* (жен., 59 лет); *«Актёрам скучать некогда, времени не хватает, и ночь захватываешь»* (муж., 62 года); *«Просто у меня времени свободного нет. Я сейчас посмотрела на часы и ужаснулась, что уже 2 часа ночи, а вроде, только проснулась и села за Интернет»* (жен., 56 лет).

Информанты признавались, что даже в ситуации распространения пандемии сохранили **удовольствие от жизни**: *«Интересно и очень загружено, плодотворно и с удовольствием, самое главное – с удовольствием. <...> у меня ничего в тягость не бывает»* (жен., 73 года).

Внезапное изменение ситуации сподвигло участников на конкретные положительные действия и более быстрые решения: *«Дома я думаю о новом формате творчества <...> пытаешься разобраться с собой, как ты реагируешь на внезапное изменение ситуации, это занимает время и психические силы. Поскольку начинаешь шевелиться в незнакомом для тебя формате – начинают тоже какие-то позитивные вещи происходить»* (жен., 58 лет).

Несмотря на все запреты и ограничения, пожилые жители мегаполиса находили и озвучивали *положительное влияние ограничительных мер в условиях распространения пандемии COVID-19*. Среди старшего поколения москвичей, закончивших трудовую деятельность, прозвучали мнения, что период самоизоляции – «это отпуск, каникулы и благо» (жен., 55 лет).

Даже при запрете личного общения *сохранились* способы коммуникации, *возможности выражения и получения внимания от внешнего мира*: «Такая замечательная жизнь пошла, встретиться нельзя, а цветы все равно присылают» (жен., 74 года). Недостаток живого общения компенсировался повышением интенсивности общения по телефону и Интернету [32].

Оценивая влияние пандемии на свою жизнь, информанты признавались, что сохраняли спокойствие и привычный образ жизни, не разделяли возникшей паники: «В общем скучать некогда абсолютно. Я удивляюсь, как люди изнывают и не понимают, что делать, и страдают, и мучаются от этого. Просто не понимаю» (жен., 73 года).

Карантинные меры сподвигли пожилых людей посмотреть на свою жизнь со стороны, *задуматься о собственных желаниях и потребностях*: «Я вот сейчас сижу, читаю, потом записалась на курсы по освоению фотографии на телефоне, по всяким там искусствоведческим мероприятиям. Тоже вебинары буду проходить» (жен., 60 лет).

Появилась *возможность реализовать себя в творчестве*: «Я довышивала икону, которую вышивала 1,5 года, которая была отложена просто. Я написала картину, пишу вторую, я читаю книжку, я занимаюсь внуками. Я решила расшить платье, которое стало мало. Мне даже дня не хватает. Я еще свекрови обед готовлю» (жен., 55 лет).

Желание быть полезным можно соотнести как с волонтерской деятельностью, так и с изобретательностью – «инженерной мыслью», накопленной нашими мамами и бабушками за всю свою жизнь. Пошив защитных масок из подручных средств как способ самозащиты и реакция на кризисные явления, которые приходилось преодолевать собственными силами в течение жизни: «У меня кусок тряпки был, я ее порезала. А во внутрь я выписала полотенчика, которые в салонах стирают. Вот эти салфетки я в Интернете нашла, выписала их, и стирать можно, и у них нет дырочек. И вот у меня два слоя» (жен., 64 года); «Всегда найдется дело для умелых рук, если посмотреть вокруг» (жен., 67 лет).

Таким образом, участники интервью отмечали, что самостоятельно адаптировались к ограничениям пандемии коронавируса. Осознанность последствий заражения для себя и окружающих, признание неординарности происходящего и правиль-

ный настрой способствовали принятию ситуации и рациональному использованию данного времени. Вынужденное нахождение дома позволило более основательно заняться домашними делами и посвятить время творчеству. Информанты признавались, что даже в ситуации распространения пандемии сохранили удовлетворение от жизни.

Заключение. Согласно исследованиям Роберта Хэвигхёрста, проведенным еще в середине прошлого столетия, люди старшего возраста сохраняют свои желания быть активными и независимыми так же, как и представители среднего возраста. Активное долголетие связывается прежде всего с полнотой жизни и выражается в получении удовольствия и общего позитивного восприятия собственной судьбы.

Информанты признавались, что хотят работать, быть в курсе событий, происходящих в стране и мире, развивать имеющиеся навыки и учиться новому, поддерживать физическую и умственную активности, быть нужными и чувствовать социальную востребованность, от которой зависят их восприятие и удовлетворенность от жизни прошлой и нынешней. Приглашение к участию в интервью у большинства информантов вызывало волнение и радость. Участники беседы признавались, что сам факт внимания исследователя к их жизни положительно влиял на самоуважение, демонстрировал ценность их мудрости, опыта и достижений в старшем возрасте для общества в целом.

Активность напрямую связывается не только с возможностью позволить себе заниматься тем, чем хочется, но и с доступностью инфраструктуры. В период распространения пандемии коронавируса это было нереально. Но даже на «домашнем режиме» были возможности сохранить некоторую привычную активность и даже заняться чем-то новым – разнообразить свою жизнь. Вынужденное пребывание дома позволило больше читать, смотреть фильмы, телепередачи, заняться самообразованием. Многие продолжили работать из дома. Информанты признавались, что у них не только не было свободного времени, чтобы скучать днем, они были заняты даже ночью.

Внезапное изменение ситуации подтолкнуло участников на конкретные положительные действия и более быстрые решения. Карантинные меры сподвигли пожилых людей посмотреть на свою жизнь со стороны, задуматься о собственных желаниях и потребностях. Появилась возможность реализовать себя в творчестве, а также необходимость быть полезными для окружающих.

Информанты демонстрировали самоконтроль и понимание опасности заражения коронавирусом для себя и окружающих, транслировали оптимистичные оценки будущего, признавали неординарность ситуации и сохраняли позитивный настрой.

Список литературы

1. Havighurst R. J. Successful aging // The Gerontologist. Oxford, 1961. Vol. 1, no. 1. Pp. 8–13.
2. Разработка и обоснование стратегий активного долголетия / Н. Ю. Чаусов, С. Н. Гагарина, Т. А. Бурцева, Л. В. Савчук. Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2019. 145 с.
3. Carroll L. Estes, Simon Biggs and Chris Phillipson, Social Theory, Social Policy and Ageing: A Critical Introduction // Ageing and Society. 2005. Vol. 25, no. 4. Pp. 628–630. DOI: 10.1017/S0144686X05253990
4. WHO (2002). Active Aging: A Policy Framework. Geneva, Switzerland. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 13.05.2023).
5. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2020. Т. 12, № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211
6. Синявская О. В. От активного к здоровому долголетию. Какой может быть модель социальной политики в интересах граждан старшего поколения в современной России // СоциДиггер: Старые люди – новые тренды. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18). С. 45–51.
7. Аникеева О. А. Старость и активное долголетие в современной России: реальности и тренды перемен // Отечественный журнал социальной работы. 2018. № 4. С. 60–72.
8. Барсуков В. Н., Калачикова О. Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 34–55.
9. Елютина М. Э. Социальная экзистенция старости. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2017. 148 с.
10. Роик В. Д. Пенсионная реформа: нужна концепция социального контракта поколений россиян для XXI века // ЭКО. 2012. № 2. С. 58–71.
11. Синявская О. В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 2010. № 13. С. 187–210.
12. Ильдарханова Ч. И., Ибрагимова А. А. Курс на долголетие населения: проблема и перспектива // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35, № 4. С. 458–465. DOI: 10.34922/AE.2022.35.4.001
13. Галин Р. А., Яппарова Р. Р. Использование трудового потенциала лиц пенсионного возраста в условиях трансформации демографической структуры населения // Регион: экономика и социология. 2015. № 3 (87). С. 171–189.
14. Хоткина З. А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. 2013. № 3. С. 27–37.
15. Голубева Е. Ю. Современные направления научно-практических исследований в области политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28, № 4. С. 634–638.
16. Галкин К. А. Практики здоровьесбережения пожилых людей после пандемии (на примере сел Республики Карелия) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 154–157.
17. Егорова М. С., Боженко Н. П., Пожарская О. Д. Медицина будущего, качество жизни и активное долголетие // Успехи современного естествознания. 2015. № 1 (7). С. 1085–1088.
18. Несмеянова И. А. Рынок социальных услуг и активное долголетие // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 1. С. 270–272.

19. Галкин К. А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // Журнал исследований социальной политики. Т. 20, № 3. С. 377–392.
20. Парфенова О. А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580
21. Nizamova A. Normativity and the aging self: “active longevity” media discourse in contemporary Russia // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2020. Vol. 12, no. 2. Pp. 45–67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67
22. Мануильская К. М. Мода и стиль как один из факторов активного долголетия // Человек. 2018. № 2. С. 66–78.
23. Низамова А. Э. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 569–585.
24. Rogozin D. Что делать со стареющим телом? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 133–164. DOI: 10.31119/jssa.2018.21
25. Смолькин А. Уважение к старости: социологическая концептуализация // Социология власти. 2014. № 3. С. 31–46.
26. Старшее поколение о себе («Секреты» активного долголетия) // Старшее поколение москвичей: качество жизни и условия для активного долголетия / Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб, О. Н. Дудченко и др.; под ред. Е. А. Савостиной. АНО Совет по вопросам управления и развития. М.: ООО Деловые и юридические услуги «ЛексПраксис», 2015. С. 34–47.
27. Максимова О. «Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами своих собственных возрастных изменений // Лаборатория: Российское обозрение социальных исследований. 2020. Т. 12, № 2. С. 22–44. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44
28. Мануильская К. М. Самоопределение и самовосприятие людей старшего возраста: результаты фокус-групповых дискуссий // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 155–164. DOI: 10.31857/S086904990012329-3
29. Корнилова М. В. Компьютерные и интернет-технологии в жизни пожилых людей: возможности и риски // Власть. 2018. № 6. С. 62–69.
30. Толстикова И. И. Активное старение vs социальное исключение пожилых // Успехи геронтологии. 2022. № 4. С. 642–643.
31. Корнилова М. В. Социальная изоляция как один из рисков пожилых: новая реальность и новые смыслы // Вестник НГУЭУ. 2021. № 4. С. 226–241.
32. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2 (847). С. 159–167.
33. Шмерлина И. А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии // Старикам тут место: социальное осмысление старения: сборник научных статей / Институт социологии РАН; отв. ред. Д. М. Rogozin, А. А. Ипатова. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 50–78.
34. Здравомыслова Е. А. Мужчины и женщины: старение в оптике гендерного подхода // Социодиггер: Старые люди – новые тренды. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18). С. 16–26.
35. Дроздова Т. Эйджизм в коммуникации: медиа, тексты, повседневное общение // Социодиггер: Старые люди – новые тренды. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18). С. 7–11.

36. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2 (847). С. 159–167.

37. Экспертная дискуссия ВЦИОМ: Будущее старости: изменение наших представлений о пожилых людях, их образе жизни, потребностях и потенциале. 20.09.2022. URL: https://vk.com/video-28944118_456239282 (дата обращения: 01.05.2023).

Авторская справка

КОРНИЛОВА Марина Валерьевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: mmrr@mail.ru

UDC 316.4

10.25686/2410-0773.2023.3.86

ACTIVE LONGEVITY FEATURES OF PERCEPTION BY THE OLDER GENERATION

M. V. Kornilova

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. The principle of activity and self-sufficiency in older age forms the basis of foreign concepts of active aging. In Russian studies, successful aging is associated with “active longevity”, which is studied from various angles: in the context of the onset and respect for old age, overall life expectancy and retirement, labor activity and volunteering, medical and social services, change and acceptance of appearance. A relatively new research trend: the study of the life of the elderly during the spread of the coronavirus pandemic.

Methods. Focusing on various aspects of active longevity, the author managed to identify and characterize, through self-reflection of the interview participants, the main components of active longevity; to study how active longevity correlates with specific living conditions (restrictive measures) during the period when the coronavirus pandemic began to spread. The use of a qualitative methodology has shown the effectiveness and expediency of its use in relation to older people, as carriers of deeper and sometimes very unexpected answers (especially in the context of the spread of the coronavirus pandemic), which cannot be obtained through mass surveys.

Results. Active longevity is perceived by older Muscovites as an important component of a rich, stable life, which involves maintaining mental and physical activity at a level no lower than in the average period of life; availability of opportunities to continue working; respect and recognition from the family, society and the state. This is an opportunity to make personal choices: to be creative, to learn, to be useful to others, even during periods of unprecedented restrictive measures related to the spread of coronavirus. The right attitude consisted in understanding the real threat and taking restrictive measures, helping to trust the “new” course of life. With their own motivation and internal resources, it was possible to maintain some familiar activity and even do something new.

Conclusion. The transition to older age seen as a new round of life, while maintaining a familiar and stable life. Active longevity is, first, an opportunity to live in an individually comfortable rhythm, to see the horizon of the future and realize one's own desires, to move forward relying on oneself and with the support of the state and society. Being active at an older age means maintaining physical fitness and intellectual development, having the desire and opportunities for learning, performing professional and creative activities, being useful to

others, maintaining a positive attitude and being able to adapt to changes in life. During the period of restrictive measures associated with the spread of the coronavirus pandemic, older people were limited in contacts and movement outside the home. But, even on the “home mode”, they managed to maintain some familiar activity and even do something new, diversify their lives, maintain fullness and enjoyment of life.

Keywords: elderly people, active aging, healthy aging, older age, COVID-19, pandemic.

References

1. Havighurst R. J. Successful aging. The Gerontologist. Oxford, 1961. Vol. 1, no. 1. Pp. 8–13.
2. Razrabotka i obosnovanie strategij aktivnogo dolgoletiya [Development and justification of active longevity strategies] pod red. N. Yu. Chausov, S. N. Gagarina, T. A. Burceva, L. V. Savchuk. Kaluga, FBGOU VPO Kaluzhskij gosudarstvennyj universitet im. K. E. Ciolkovskogo, 2019. 145 p.
3. Carroll L. Estes, Simon Biggs and Chris Phillipson, Social Theory, Social Policy and Ageing: A Critical Introduction. Ageing and Society. 2005. Vol. 25, no. 4. Pp. 628–630. DOI: 10.1017/S0144686X05253990
4. WHO (2002). Active Aging: A Policy Framework. Geneva, Switzerland. Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 13.05.2023).
5. Grigor'eva I. A., Bogdanova E. A. Konceptiya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered licom pandemii COVID-19 [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic]. Laboratorium: Zhurnal Social'nyh Issledovanij. 2020. Vol. 12, no. 2. Pp. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211
6. Sinyavskaya O. V. Ot aktivnogo k zdorovomu dolgoletiyu. Kakoj mozhet byt' model' social'noj politiki v interesah grazhdan starshego pokoleniya v sovremennoj Rossii [From active to healthy longevity. What can be the model of social policy in the interests of citizens of the older generation in modern Russia]. Sociodigger. Starye lyudi – novye trendy. 2022. Vol. 3, iss. 5–6 (18). Pp. 45–51.
7. Anikeeva O. A. Starost' i aktivnoe dolgoletie v sovremennoj Rossii: real'nosti i trendy peremen [Old age and active longevity in modern Russia: realities and trends of change]. Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty. 2018. No. 4. Pp. 60–72.
8. Barsukov V. N., Kalachikova O. N. Evolyuciya demograficheskogo i social'nogo konstruirovaniya vozrasta «starosti» [Evolution of the demographic and social construction of the age of “old age”]. Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2020. Vol. 13, no. 1. Pp. 34–55.
9. Elyutina M. E. Social'naya ekzistenciya starosti [The social existence of old age]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2017. 148 p.
10. Roik V. D. Pensionnaya reforma: nuzhna koncepciya social'nogo kontrakta pokolenij rossijan dlya XXI veka [Pension reform: the concept of the social contract of generations of Russians for the XXI century is needed]. EKO. 2012. No. 2. Pp. 58–71.
11. Sinyavskaya O. V. Rossijskaya pensionnaya reforma: kuda idti dal'she? [Russian pension reform: where to go next?]. SPERO. 2010. No. 13. Pp. 187–210.
12. Il'darhanova Ch. I., Ibragimova A. A. Kurs na dolgoletie naseleniya: problema i perspektiva [The course towards the longevity of the population: a problem and a perspective]. Uspekhi gerontologii. 2022. Vol. 35, no. 4. Pp. 458–465. DOI: 10.34922/AE.2022.35.4.001
13. Galin R. A., Yapparova R. R. Ispol'zovanie trudovogo potenciala lic pensionnogo vozrasta v usloviyah transformacii demograficheskoy struktury naseleniya [Using the labor potential of persons of retirement age in the context of the transformation of the demographic structure of the population]. Region: ekonomika i sociologiya. 2015. No. 3 (87). Pp. 171–189.
14. Hotkina Z. A. «Normal'nyj trudovoj potencial» i diskriminaciya po vozrastu [“Normal labor potential” and age discrimination]. Narodonaselenie. 2013. No. 3. Pp. 27–37.
15. Golubeva E. Yu. Sovremennye napravleniya nauchno-prakticheskikh issledovanij v oblasti politiki aktivnogo i zdorovogo dolgoletiya: opyt i perspektivy [Modern directions of scientific and practical research in

the field of active and healthy longevity policy: experience and prospects]. *Uspekhi gerontologii*. 2015. Vol. 28, no. 4. Pp. 634–638.

16. Galkin K. A. Praktiki zdorov'esberezheniya pozhilyh lyudej posle pandemii (na primere sel Respubliki Kareliya) [Health saving practices for older people after the pandemic (on the example of villages in the Republic of Karelia)]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 11. Pp. 154–157.

17. Egorova M. S., Bozhenko N. P., Pozharskaya O. D. Medicina budushchego, kachestvo zhizni i aktivnoe dolgoletie [Medicine of the future, quality of life and active longevity]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 2015. No. 1 (7). Pp. 1085–1088.

18. Nesmeyanova I. A. Rynok social'nyh uslug i aktivnoe dolgoletie [Market of social services and active longevity]. *Samoupravlenie*. 2019. Vol. 2, no. 1. Pp. 270–272.

19. Galkin K. A. Cifrovizatsiya volonterstva pozhilyh lyudej v period pandemii: vozmozhnosti i bar'ery v kontekste iskusstvennogo intellekta [Digitalization of volunteering for older people during a pandemic: opportunities and barriers in the context of artificial]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. Vol. 20, no. 3. Pp. 377–392.

20. Parfenova O. A. Vovlechenie pozhilyh v volonterskuyu i grazhdanskuyu aktivnost' kak instrument preodoleniya social'nogo iskluyeniya [Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities As a Tool to Overcome Social Exclusion]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. No. 4. Pp. 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580

21. Nizamova A. Normativity and the aging self: “active longevity” media discourse in contemporary Russia [Normativity and the aging self: “active longevity” media discourse in contemporary Russia]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. Vol. 12, no. 2. Pp. 45–67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67

22. Manuil'skaya K. M. Moda i stil' kak odin iz faktorov aktivnogo dolgoletiya [Fashion and style as one of the factors of active longevity]. *Chelovek*. 2018. No. 2. Pp. 66–78.

23. Nizamova A. E. Aktivnoe dolgoletie i vneshnij vid: kak teoreticheskaya koncepciya reguliruet samovospriyatie v starshem vozraste? [Active aging and appearance: how does a theoretical framework regulate self-perception in older age?]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. 2016. Vol. 14, no. 4. Pp. 569–585.

24. Rogozin D. Chto delat' so stareyushchim telom? [What to do with the aging body?]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2018. Vol. 21, no. 2. Pp. 133–164. DOI: 10.31119/jssa.2018.21

25. Smol'kin A. Uvazhenie k starosti: sociologicheskaya konceptualizatsiya [Respect for old age: sociological conceptualization]. *Sociologiya vlasti*. 2014. No. 3. Pp. 31–46.

26. Dudchenko O. N., Mytil' A. V. Starshee pokolenie o sebe («Sekrety» aktivnogo dolgoletiya) [The older generation about itself (“Secrets” of active longevity)]. *Starshee pokolenie moskvichej: kachestvo zhizni i usloviya dlya aktivnogo dolgoletiya* [N. M. Rimashevskaya, V. G. Dobrobleb, O. N. Dudchenko i dr.; pod red. E. A. Savostinoy]; ANO Sovet po voprosam upravleniya i razvitiya. Moskva, OOO Delovye i yuridicheskie uslugi “LeksPraksis”, 2015. Pp. 34–47.

27. Maksimova O. «Starost' ili «tretij vozrast»? Diskursy sub'ektivnogo vospriyatiya individami svoih sobstvennyh voznrastnyh izmenenij [“Old age or “third age”? Discourses of subjective perception by individuals of their own age-related changes]. *Laboratoriya: Rossijskoe obozrenie social'nyh issledovaniy*. 2020. Vol. 12, no. 2. Pp. 22–44. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44

28. Manuil'skaya K. M. Samoopredelenie i samovospriyatie lyudej starshego vozrasta: rezul'taty fokus-grupovyh diskussij [Self-determination and self-perception of older people: results of focus group discussions]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2020. No. 5. Pp. 155–164. DOI: 10.31857/S086904990012329-3

29. Kornilova M. V. Komp'yuternye i internet-tekhnologii v zhizni pozhilyh lyudej: vozmozhnosti i riski [Computer and Internet technologies in the life of older people: opportunities and risks]. *Vlast'*. 2018. No. 6. Pp. 62–69.

30. Tolstikova I. I. Aktivnoe starenie vs social'noe iskluyenie pozhilyh [Active aging vs social exclusion of the elderly]. *Uspekhi gerontologii*. 2022. No. 4. Pp. 642–643.

31. Kornilova M. V. Social'naya izolyatsiya kak odin iz riskov pozhilyh: novaya real'nost' i novye smysly [Social isolation as one of the risks of the elderly: a new reality and new meanings]. Vestnik NGUEU. 2021. No. 4. Pp. 226–241.
32. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Osobennosti povedeniya pozhilyh lyudej v usloviyah rasprostraneniya pandemii COVID-19 [Features of the behavior of older people in the context of the spread of the COVID-19 pandemic]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2022. Vol. 2 (847). Pp. 159–167.
33. Shmerlina I. A. Liberalizatsiya stareniya: teoreticheskie illyuzii i empiricheskie anomalii [Liberalization of aging: theoretical illusions and empirical anomalies]. Starikam tut mesto: social'noe osmyslenie stareniya [sbornik nauchnyh statej]. Institut sociologii RAN; otv. red. D. M. Rogozin, A. A. Ipatova. Moscow, Institut sociologii RAN, 2016. Pp. 50–78.
34. Zdravomyslova E. A. Muzhchiny i zhenshchiny: starenie v optike gendernogo podhoda [Men and women: aging in the optics of a gender approach]. Sociodigger. Starye lyudi – novye trendy. 2022. Vol. 3, iss. 5–6 (18). Pp. 16–26.
35. Drozdova T. Ejdzhizm v kommunikacii: media, teksty, povsednevnoe obshchenie [Ageism in communication: media, texts, everyday communication]. Sociodigger. Starye lyudi – novye trendy. 2022. Vol. 3, iss. 5–6 (18). Pp. 7–11.
36. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Osobennosti povedeniya pozhilyh lyudej v usloviyah rasprostraneniya pandemii COVID-19 [Features of the behavior of older people in the context of the spread of the COVID-19 pandemic]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2022. Vol. 2 (847). Pp. 159–167.
37. Ekspertnaya diskussiya VCIOM. «Budushchee starosti: izmenenie nashih predstavlenij o pozhilyh lyudyah, ih obraze zhizni, potrebnostyah i potentsiale» ["The future of old age: changing our perceptions of older people, their lifestyle, needs and potential"]. 20.09.2022. Available at: https://vk.com/video-28944118_456239282 (accessed 01.05.2023).

Author's Bio

KORNILOVA Marina Valerievna – PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: mmrr@mail.ru

Библиографическая ссылка

Корнилова М. В. Особенности восприятия активного долголетия старшим поколением // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86

ИСТОРИЯ

УДК 338.484

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.103

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

О. М. Маслова, М. Н. Игнатенко, Н. Г. Прудникова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Введение. Работа посвящена изучению состояния и перспектив развития внутреннего культурно-познавательного туризма в Республике Алтай. В органах охраны историко-культурного наследия Республики Алтай зарегистрировано 2 316 памятников, а в отдельных регионах насчитываются тысячи археологических объектов. Дается анализ основных показателей развития и определены возможности совершенствования культурно-познавательного туризма, который связан с посещением археологических памятников и музейных экспозиций: Республиканского краеведческого музея им. А. В. Анохина (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина), Калбак-Таша, Пазырыкских курганов, Дома-музея Н. К. Рериха на Алтае, музея истории и культуры Уймонской долины и других. Потенциал культурно-исторического наследия региона используется не в полной мере, что определяет необходимость комплексного изучения перспектив развития данного направления.

Методы. В исследовании применены системный подход, общенаучные методы, методы исторического и структурного анализа, сравнительно-исторический метод исследования. Они позволили установить соответствие между культурно-познавательным и историко-культурным видами туризма, а также смоделировать перспективы развития данных видов туризма и места в них Республики Алтай. Методология настоящей работы основана на собственных материалах исследований, анализа развития культурно-познавательного туризма в Республике Алтай. Были использованы данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В настоящее время Республика Алтай имеет значительный ресурсный потенциал с точки зрения развития культурно-познавательного туризма [1]. По итогам анализа ресурсной базы было выявлено, что в структуре ресурсов доминирующая роль принадлежит археологическим объектам. Смещение племен и народностей в течение многих веков делает культурные и исторические достопримечательности Республики Алтай уникальными: наибольшее число объектов культурного наследия располагается на территории Усть-Коксинского, Кош-Агачского, Онгудайского и Усть-Канского районов. Предлагается выделить приори-

тетное направление проектной деятельности для развития культурно-познавательного туризма – локальное развитие комплексов с последующим их включением в существующие туристские маршруты.

Заключение. Предложен ряд рекомендаций по развитию культурно-познавательного туризма в данной туристской дестинации. Выделено 14 музейных комплексов, которые нуждаются в реставрации, что важно учитывать при разработке стратегии развития туризма в регионе. В рамках предложенного проекта разработаны тематические мастер-классы по культурно-исторической тематике. Значимость проекта заключается в минимизации расходов инвесторов при постепенном увеличении включенности музеев основных районов, где сконцентрированы основные ресурсы в туристские маршруты. Предложено решение следующих проблем: информационное продвижение на порталах, музеефикация культурно-исторических объектов, составление единого реестра частных музеев и включение их в туристские маршруты туроператоров.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, культурно-познавательный туризм, Республика Алтай, этнокультурные ресурсы, археологические памятники.

Введение. В туристской индустрии важна роль историко-культурного наследия, так как это дает возможность погружения в быт, получение новых знаний о народах, проживающих на территории исследования [2]. Данный вид туризма интересен с точки зрения многообразия, масштабов культурных потребностей туристов.

Республика Алтай по своему географическому положению, природно-климатическим, культурно-историческим и социально-этнографическим предпосылкам представляется идеальным регионом для развития практически всех видов туризма. Здесь сосредоточены памятники истории и культуры. Данные факторы обуславливают значительный потенциал региона с точки зрения развития культурно-познавательного туризма.

Методы исследования. В качестве методов исследования были использованы системный подход, общенаучные методы, методы исторического и структурного анализа, сравнительно-исторический метод исследования. Они позволили установить соответствие между культурно-познавательным и историко-культурным видами туризма, а также смоделировать перспективы развития данных видов туризма и места в них Республики Алтай.

Методология настоящей работы основана на собственных материалах исследований, анализа развития культурно-познавательного туризма в Республике Алтай. Были использованы данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай.

Проведен анализ общедоступных литературных источников, в т. ч. в наукометрических базах eLibrary.ru, Cyberleninka.ru. Изучением сущности и особенностей культурно-познавательного туризма занимались такие исследователи, как М. М. Иолин, А. С. Борзова, Е. Ю. Зарщикова [3], Е. В. Фролова, Е. Е. Кабанова, М. В. Ко-

стина [4], Н. С. Черезова, Г. У. Матушанский [5] др. Исследовали данный вид туризма на Алтае Н. Н. Праздникова, Н. Г. Прудникова, С. А. Суркова [6], А. Е. Тандыянова [7], Е. В. Романова [8], Е. О. Такаракова [9], изучавшие уникальное культурное, историческое наследие, этнокультурные ресурсы и археологические памятники.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Главная цель *культурно-познавательного туризма* заключается в изучении культурного наследия, повышения культурного уровня людей во время путешествия, удовлетворения их культурных потребностей и расширения кругозора. Ресурсная база внутреннего культурно-познавательного туризма используется только на 10–15 % [10].

В рамках внутреннего туризма путешественники отдают предпочтение Москве, Санкт-Петербургу и Дальнему Востоку, тогда как другие регионы Российской Федерации все еще остаются недостаточно популярными среди туристов. В целом прогноз на развитие культурно-познавательного туризма в России на ближайшие годы представляется достаточно оптимистичным [11].

Сегодня не представляется возможным проанализировать точное количество туристов, которые отправляются в путешествие исключительно с целью посещения историко-культурных объектов. Опрос приезжих, проведенный в 2022 году [12], показал, что 48 % туристов посещают регионы России с целью посещения объектов культурно-исторического наследия.

На сегодняшний день можно определить четыре целевые группы туристов, приезжающих в регионы России с целью ознакомления с объектами культурно-исторического наследия:

- 1) россияне (приезжают из других городов, пользуются полным пакетом экскурсионных услуг в сфере культурно-познавательного туризма);
- 2) иностранцы, в большей степени из Казахстана и Китая [13] (приезжают в Россию с целью посещения объектов культурно-исторического наследия);
- 3) бизнес-туристы (их доля в общем турпотоке невелика: иностранные бизнес-туристы – 3 %, российские – 9 %);
- 4) внутренние туристы (услуги экскурсовода используют по мере необходимости).

База для становления данного вида туризма – культурно-исторические ресурсы каждого конкретного региона, включающие в себя духовные и культурные ценности, которые турист может освоить в ходе путешествия. Основа для развития куль-

турно-познавательного туризма – культурно-исторические ресурсы, являющиеся наследием предыдущих эпох (памятники истории, археологии, градостроительства и др.). Но при этом потенциал российского культурно-познавательного туризма используется в недостаточной степени. Ежегодно в регионах России разрабатываются программы развития как традиционного культурно-познавательного туризма. Одним из перспективных субъектов Российской Федерации с точки зрения развития культурно-познавательного туризма в современных реалиях является Республика Алтай [14].

Алтай обладает культурными и национальными традициями, что может представлять интерес для таких областей наук, как археология, фольклористика, лингвистика, история и других.

Наибольшее количество средств размещения для туристов находится на территории Чемальского, Майминского и Турочакского муниципальных районов. В меньшей степени туристическая сфера развита в Чойском и Усть-Канском районах [6].

По анализу предпочтений туристов по целям посещений в 2020–2022 годах (рис. 1) можно видеть, какие области туризма наиболее популярны у гостей республики.

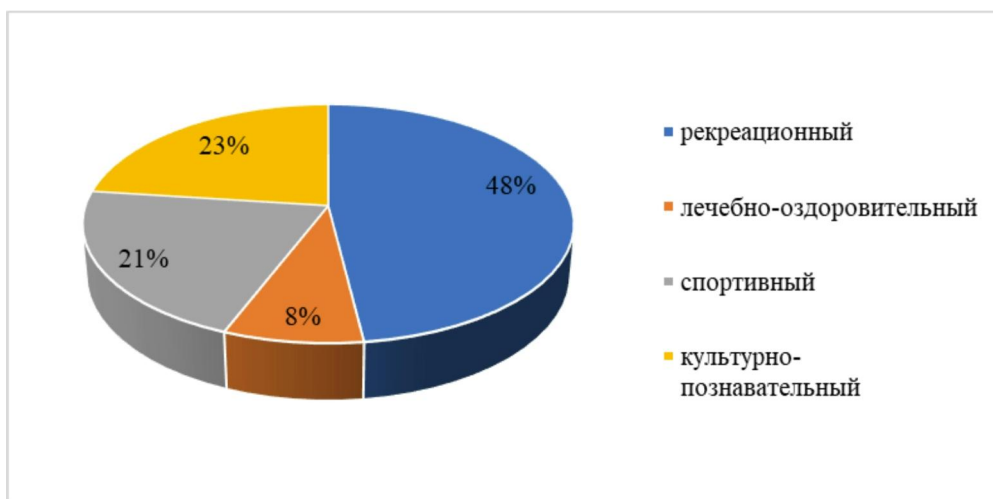

Рис. 1. Интерес гостей Республики Алтай к разным видам туризма [15]

Согласно представленным данным, несмотря на значительное историко-культурное наследие региона, наиболее привлекательным видом туризма в Респуб-

лику Алтай остается *рекреационный*, тогда как с культурно-познавательными целями данный субъект России посещают только 23 % путешественников [15].

В органах охраны историко-культурного наследия Республики Алтай зарегистрировано 2 316 памятников – это лишь небольшая доля от их фактического наличия. Исследования, проведенные в 2023 году, показали, что только в некоторых регионах республики насчитываются тысячи археологических объектов. Например, в Каракольской долине (Онгудайский район) находится более трех тысяч объектов, в долине Юстыд (Кош-Агачский район) – более пяти тысяч [8].

Развитие туристической индустрии, изучение и сохранение объектов археологии требуют квалифицированных специалистов в области музеефикации и охраны объектов культурного и природного наследия.

Была исследована структура объектов культурно-исторического значения по видам (рис. 2), представленным памятниками археологии, истории и архитектуры [10].

Рис. 2. Структура объектов культурно-исторического наследия по видам [10]

Археологические памятники, которые являются объектами федерального значения, составляют 41 % от общего числа объектов культурно-исторического наследия и являются доминирующим видом ресурсов на территории Республики Алтай [9].

Произведено разделение районов на три группы по объектам культурно-исторического наследия:

1) *Горно-Алтайск и Чойский район*. На территории Чойского района не зарегистрировано ни одного памятника федерального значения, представлено 12 памятников регионального значения;

2) *Улаганский район* (комплекс Пазырыкских курганов, 13 объектов федерального и 21 объект регионального значения), *Шебалинский, Турочакский районы*;

3) третья группа:

– *Кош-Агачский район* (природный парк «Зона покоя Укок» входит в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО);

– *Онгудайский район* (природный парк «Уч-Энмек» – сохранение археологического и этнографического наследия);

– *Усть-Канский, Усть-Коксинский, Майминский, Чемальский районы* – здесь сосредоточено 80 % всех памятников Республики Алтай.

В каждом из этих районов находится от 22 до 61 памятника.

Количество объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, расположенных на территории республики, насчитывает 168 объектов. Наибольшее их число – на территории Усть-Коксинского, Кош-Агачского, Онгудайского и Усть-Канского районов.

Познавательный туризм в Республике Алтай связан с посещением многочисленных археологических памятников и музейных экспозиций. Как форма презентации историко-культурного наследия территории важную роль в структуре туристских ресурсов региона играет музейная система республики. В 2023 году здесь функционируют 12 музеев, из них в ведении Министерства культуры Республики Алтай находится *Национальный музей имени А. В. Анохина*, который ведет свою историю с 1920 года [7, 15].

Калбак Таиш (петроглифы, Онгудайский район). Древнее святилище было открыто только в начале XX века. Это связано с тем, что дорога проходила выше этой части Чуйского тракта. Первые зарисовки петроглифов сделали художники Д. Кузнецов и Г. Гуркин в 1912 году. Именно с этих рисунков началось изучение древних изобразительных памятников на Алтае. В дальнейшем серьезные исследования петроглифов урочища продолжились в 1980-х годах XX века. В этот период учеными были описаны и скопированы рисунки, изображающие животных и людей, различные сцены – от бытовой, обрядовой жизни до мифологических сюжетов.

Петроглифы урочища относятся к следующим эпохам [7]:

х неолит (6–4 тыс. лет до н. э.). С этого периода остались большие изображения животных: оленей, верблюдов;

х энеолит – бронзовый век (3–1 тыс. лет до н. э.). К этому периоду относится наибольшее количество наскальных рисунков: фигуры мужчин и женщин, телеги с быками, воины, домашний скот и мистические животные. Один из самых известных петроглифов – «алтайская химера»;

х скифская эпоха (VIII–III века до н. э.) оставила изображения животных: козлов, волков-собак, маралов, хищных кошек. Некоторые петроглифы рассказывают истории охоты;

х древнетюркская эпоха (X–VII века до н. э.) богата на сцены охоты и петроглифы с дикими быками и медведями. Здесь обнаружено единственное на Алтае изображение лодки. В эту эпоху также сделаны древние рунические надписи.

Пазырыкские курганы (Улаганский район). Найденные при раскопках на пяти курганах предметы хранятся в местном музее «Пазырык», а также в «Эрмитаже». Особенно обильно представлены произведения искусства, выполненные в своеобразном «скифском зверином стиле», и принадлежности конской сбруи.

Дом-музей Н. К. Рериха на Алтае. Создание музея началось в 1990 году. Рерих был известен не только как художник, но и как исследователь. Он провел две недели на Алтае и останавливался в усадьбе в селении Верхний Уймон.

Музей истории и культуры Уймонской долины. Открыт в селе Верхний Уймон. Одна из главных тем – старообрядческая культура Алтая.

Весь спектр объектов историко-культурного наследия Республики Алтай можно разделить на три группы.

1. Усадьбы и усадебные комплексы

У туристов наиболее известным памятником историко-культурного наследия Республики Алтай является Музей-усадьба Г. И. Чорос-Гуркина. Знаменитый алтайский художник Григорий Иванович Чорос-Гуркин долгое время жил и работал в селе Анос Чемальского района. Здесь была его усадьба, на территории которой находились дом, большая мастерская, аил, сад. В 2005 году Музею-усадьбе Г. И. Чорос-Гуркина присвоен статус филиала Национального музея. В небольшом зале музея – творческой мастерской – находятся личные вещи художника, биографические материалы, репродукции его картин [7].

2. Памятники, исторические здания и сооружения

На территории Республики Алтай располагается более 1 500 исторических памятников и сооружений, которые представляют интерес для туристов, приезжающих в регион с культурно-познавательными целями.

3. Музеи и музеи-заповедники

Музеями Республики Алтай в течение 2022 года организовано 2 208 выставок, что на 170 больше, чем в 2021 году. Выставки вне музея посетили 245,3 тыс. чел. (в 2021 г. – 218,3 тыс. чел.) [15]. Основной фонд музеев региона (ведение Министерства культуры Республики Алтай) составляет 830 425 единиц хранения, что на 4 065 единиц хранения больше показателя прошлого года.

В Республике Алтай по состоянию на 2023 год располагается 2 316 объектов культурно-исторического наследия [15]. В общем на учете и государственной охране находятся 3 589 культурных достопримечательностей, среди них:

- х 758 археологических памятников;
- х 2 576 архитектурных памятников;
- х 230 исторических памятников;
- х 25 памятников монументального искусства.

Конкурентоспособными преимуществами и ресурсами развития Республики Алтай, дающими основания для успешного и устойчивого развития культурно-познавательного туризма в регионе, являются:

- х государственная поддержка;
- х развитая сеть культурно-исторической инфраструктуры;
- х традиционные ремесла и промыслы.

Помимо археологических памятников, основу культурно-познавательного туризма в Республике Алтай составляют этнографические объекты – национальные праздники, традиции и обряды, которые могут составить уникальную программу, способную разнообразить маршрут или экскурсию и быть задействованы в туризме без привязанности к территории. Этому способствует разнообразный этнический состав: на территории республики зарегистрированы представители 91 народности.

Таким образом, Республика Алтай в настоящее время обладает значительным ресурсным потенциалом с точки зрения развития культурно-познавательного туризма, в отдельных регионах республики насчитываются тысячи археологических объектов.

Были рассмотрены предложения турфирм, расположенных на территории Алтайского края и Республики Алтай и проводящих туры преимущественно по Республике Алтай. Такая выборка позволяет составить общую картину развития культурно-познавательного туризма на территории региона (рис. 3).

По данным диаграммы, представленной на рисунке 3, видно, что наиболее популярными объектами, присутствующими практически в любом маршруте, являются Чемальская ГЭС, посещение которой включено в различные маршруты у 12 турфирм, Пазырыкские курганы и петроглифы Калбак-Таш. К сожалению, музеи республики практически не представлены в активных турах, кроме Национального музея им. А. В. Анохина и Дома-музея Н. К. Рериха.

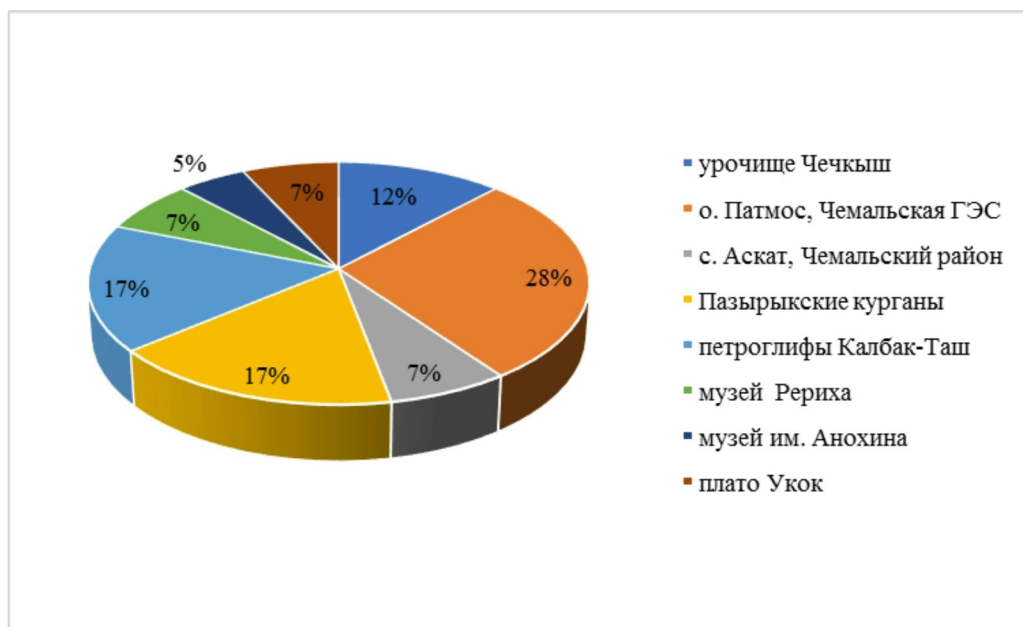

Рис. 3. Включенность объектов историко-культурного наследия в активные туры

Музеи, деревня мастеров и другие объекты в развитых туристских районах и с высокой доступностью в основном посещаются в рамках кратковременных экскурсий.

Исходя из структуры ресурсов культурно-познавательного туризма, можно определить следующие направления их развития в Республике Алтай:

1. **Культурно-археологический туризм.** На информационном учете состоят 1 738 объектов и 323 культовых (священных) объекта, не имеющих статуса объектов

культурного наследия [15]. Такие памятники археологии, как петроглифический комплекс Елангаш, комплекс Пазырыкских курганов, петроглифический комплекс Калбак-Таш, курган принцессы Укок и другие объекты включены во многие туристские маршруты;

2. Культурно-этнический и сакральный туризм. Сакральные территории – это места проведения всех основных обрядов, ритуалов коренного населения. Тем не менее данное направление еще не до конца систематизировано, и содержание таких туров не сильно отличается от обычных активных туров;

3. Культурно-экологический туризм. Большинство объектов археологии находится на территориях природоохранных зон. Археологическое наследие совпадает с особо охраняемыми природными территориями. Традиционные верования также отличает направленность на бережное отношение и сохранение природы. В этом плане уникальным является этноприродный парк «Уч-Энмек», посещение которого также активно включено в существующие маршруты.

В результате проведенного анализа выявлено, что, несмотря на значительное культурно-историческое наследие Республики Алтай, в 2022 году отмечен относительно невысокий интерес туристов к музеям, что обусловлено недостаточной информированностью населения об историко-культурном наследии региона. В связи с этим нами предложена рекомендация по развитию культурно-познавательного туризма в Республике Алтай – реставрация музейных комплексов.

Шебалинскому краеведческому музею в ноябре 2023 года исполняется 20 лет. Главные проблемы Шебалинского краеведческого музея – небольшие залы, низкие потолки и старая мебель, свидетельствующие о том, что музею требуется обновление. Кроме этого, краеведческий комплекс включает в себя и другие объекты – аил, горница, где хранятся уникальные предметы быта и истории народов, проживающих в республике.

Национальный музей Республики Алтай. В августе 2021 года томский художник-реставратор станковой масляной живописи Наталья Порфирьевна Добрынина реставрировала художественные произведения из фондов Национального музея Республики Алтай. Она проверила состояние живописной коллекции музея и составила план поэтапной реставрации художественных произведений на 2021–2024 годы. Работы больших форматов из-за затруднения транспортировки и опасения дальнейшего разрушения красочного слоя будут отреставрированы в мастерской музея.

В список работ, требующих реставрации, вошла самая ранняя работа художника Г. И. Гуркина «Ночь жертвы. Камлание» (1895 г.). Ее особенность связана с традицией писания икон в Улалинских и Бийских мастерских, что является характерным ориентиром в поисках образцов местных икон. Учитывая историю данного полотна, интерес к ней, после реставрации посетители смогут увидеть произведение в первоначальном виде, таком, как задумал его автор еще в 1895 году.

Всего на территории Республики Алтай можно выделить 14 музейных комплексов, нуждающихся в реставрации.

Таким образом, существующие перспективы развития внутреннего культурно-познавательного туризма в Республике Алтай реальны и определяются положениями государственной программы Республики Алтай «Развитие внутреннего и въездного туризма» на 2020–2025 годы, цель которой заключается в повышении конкурентоспособности туристского рынка региона.

Заключение. Туризм является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Алтай в связи с ростом внутреннего направления путешествий в Российской Федерации.

Анализ данных, касающихся развития внутреннего культурно-познавательного туризма в регионе, показывает положительную динамику: с каждым годом увеличивается число гостей, посещающих территорию с историко-культурными познавательными целями, в связи с этим растет количество выставок, в маршруты включаются новые объекты. Популярными у туристов являются археологические и историко-культурные дестинации (Калбак-Таш, Пазырыкские курганы, Дом-музей Н. К. Рериха на Алтае, Музей истории и культуры Уймонской долины), событийные мероприятия, связанные с национальными праздниками разных этнических народов республики.

В исследовании дается анализ основных показателей развития и определены возможности совершенствования в регионе культурно-познавательного туризма, который связан с реставрацией археологических памятников и музейных комплексов. Приоритетным направлением может являться локальное развитие уникальных объектов в Усть-Коксинском, Кош-Агачском, Онгудайском и Усть-Канском районах с последующим их включением в существующие туристские маршруты.

Перспективы развития культурно-познавательного туризма связаны:

х с информационной поддержкой и распространением информации о культурных и археологических объектах, а также развитием бренда Республики Алтай как территории сосредоточения всемирного культурного и этнического наследия;

х музеефицированием объектов, возможностью создания музеев под открытым небом;

х разработкой новых маршрутов с основными объектами культурно-исторического наследия.

В стратегию развития внутреннего культурно-познавательного туризма в Республике Алтай предлагается включить информационное продвижение региона – разработку культурно-исторического портала с научной и познавательной информацией об археологических памятниках, этнических особенностях, культуре, традициях коренного населения. Предложенный проект развития данного направления в туризме включает в себя реализацию новых бизнес-проектов культурно-познавательной направленности в местах с большим турпоток, разработку и внедрение тематических мастер-классов по этнической, исторической тематике, сохранение национальных ремесел, составление единого реестра частных музеев для внедрения их в маршруты авторских туров и туристских фирм, действующих в регионе.

Список литературы

1. Бойко А. Е. Республика Алтай: территория мультиатрибутивного туризма // Развитие территорий. 2016. № 1 (4). С. 88–92.
2. Екеев Н. В. Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. С. 5–6.
3. Иолин М. М., Борзова А. С., Зарщикова Е. Ю. Культурно-познавательный туризм: особенности и перспективы развития // Туризм и рекреация: инновации и ГИС-технологии. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2022. С. 53–57.
4. Фролова Е. В., Кабанова Е. Е., Костина М. В. Специфика культурно-познавательного туризма в городах Российской Федерации // Материалы Афанасьевских чтений. 2017. № 2 (19). С. 42–54.
5. Черезова Н. С., Матушанский Г. У. Культурно-познавательный туризм как ресурс в образовательной политике России // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2023. № 1 (118). С. 188–196. DOI: 10.37972/chgpu.2023.118.1.024
6. Праздников Н. Н., Прудникова Н. Г., Суркова С. А. Культурно-познавательный туризм в Республике Алтай // Трансграничные регионы в условиях глобальных изменений: современные вызовы и перспективы развития: материалы II международной научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Шитов, О. И. Банникова, Е. В. Мердешева. Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр Горно-Алтайского государственного университета, 2021. С. 205–208.
7. Тандыянова А. Е. Развитие музейного туризма в Республике Алтай // Вестник СПбГИК. 2019. № 1 (38). С. 124–128. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-1-124-128

8. Природные и культурные ресурсы Горного Алтая как основа для организации экскурсионно-познавательного туризма / Е. В. Романова, П. Я. Дутнист, Е. А. Труевцева, Т. М. Перегудова // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 2 (13). С. 163–173.
9. Такаракова Е. О. Проблема историко-культурного потенциала и возможность его использования в культурном туризме Республики Алтай // Новые исследования Тувы. 2013. № 2 (18). С. 104–109.
10. Туризм. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>
11. Cultural and Educational Tourism in the Russian Federation: Basic Problems and Development Resources / E. E. Kabanova, E. V. Frolova, N. V. Medvedeva, M. V. Vinichenko, I. Y. Shimanskaya. International Review of Management and Marketing, 2016. No. 6 (5S). Pp. 206–210. URL: <https://econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2818>
12. Туризм в России возвращается / Департамент реализации проектов в сфере туристской деятельности // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/departments/d08/>
13. Xu L., Zhang J., Nie Z. Role of Cultural Tendency and Involvement in Heritage Tourism Experience: Developing a Cultural Tourism Tendency–Involvement–Experience (TIE) Model. Land. 2022. No. 11. 370 p. URL: <https://doi.org/10.3390/land11030370>
14. Самыкова М. А. Текущее состояние и перспективы развития туризма в Республике Алтай // Туризм как фактор устойчивого развития горных территорий / под общ. ред. Т. А. Куттубаевой, А. В. Глотко. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 5–12.
15. Информация о развитии туристической отрасли Республики Алтай / Министерство экономического развития Республики Алтай. URL: <https://altai-republic.ru/tourism/development/>

Авторская справка

МАСЛОВА Ольга Михайловна – старший преподаватель кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

E-mail: kondratenko6565@mail.ru

ИГНАТЕНКО Мария Николаевна – старший преподаватель кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

E-mail: anikina-mn@mail.ru

ПРУДНИКОВА Наталья Геннадьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: belukha@mail.ru

UDC 338.484

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.103

DEVELOPMENT OF DOMESTIC CULTURAL AND EDUCATIONAL TOURISM IN THE ALTAI REPUBLIC

O. M. Maslova, M. N. Ignatenko, N. G. Prudnikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

Introduction. The work is devoted to the study of the state and prospects for the development of domestic cultural and educational tourism in the Altai Republic. 2316 monuments are registered in the bodies of protection of the historical and cultural heritage of the Altai Republic, and in some regions there are thousands of archaeological sites. The analysis of the main indicators of development is given and the prospects for the development of cultural and educational tourism are determined, which is associated with visits to archaeological sites and museum expositions: the A. V. Anokhin Republican Museum of Local Lore, Kalbak-Tash, Pazyryk mounds, the House Museum of N. K. Roerich in Altai, the Museum of History and Culture of the Uymon Valley and others. The potential of the cultural and historical heritage of the region is not fully used, which determines the need for a comprehensive study of the prospects for the development of this area.

Methods. This study uses a systematic approach, general scientific methods, analytical, comparative-historical method of research. All of them made it possible to establish a correspondence between cultural-educational and historical-cultural types of tourism, as well as to model the prospects for the development of these types of tourism and the place in them of the Altai Republic. The methodology of this work is based on our own research materials, analysis of the development of cultural and educational tourism in the Altai Republic. Data from the Office of the Federal State Statistics Service for the Republic of Altai were used.

Results. Currently, the Altai Republic has a significant resource potential in terms of the development of cultural and educational tourism. Based on the results of the analysis of the resource base, it was revealed that archaeological sites play a dominant role in the structure of resources. For many centuries, some tribes and nationalities have been replaced by others, it is their mixing that makes the cultural and historical sights of the Altai Republic unique: the largest number of cultural heritage sites are located on the territory of Ust-Koksin, Kosh-Agach, Ongudai and Ust-Kansky districts, it is proposed to allocate a priority area of project activity for the development of cultural and educational tourism – local development of complexes with their subsequent inclusion in existing tourist routes.

Conclusion. A number of recommendations for the development of cultural and educational tourism in this tourist destination are proposed. There are 14 museum complexes that need restoration, which is important to take into account when developing a tourism development strategy in the region. Within the framework of the proposed project, thematic workshops on cultural and historical topics have been developed. The significance of the project lies in minimizing the costs of investors with a gradual increase in the inclusion of museums in the main areas where the main resources are concentrated in tourist routes. The solution of the problems

is proposed – information promotion on portals, museification of cultural and historical objects, compilation of a unified register of private museums and their inclusion in the tourist routes of tour operators.

Keywords: historical and cultural heritage, cultural and educational tourism, Altai Republic, ethnocultural resources, archaeological sites.

References

1. Bojko A. E. Respublika Altaj: territorija mul'tiatributivnogo turizma [Republic of Altai: territory of multi-attribute tourism]. *Razvitie territorij*. 2016. No. 1 (4). Pp. 88–92. (In Russian).
2. Ekeev N. V. Altajcy: Jetnicheskaja istorija. Tradicionnaja kul'tura. Sovremennoe razvitie. Gorno-Altajsk [Altaians: Ethnic history. Traditional culture. Modern development]. 2014. Pp. 5-6. (In Russian).
3. Iolin M. M., Borzova A. S., Zarshikova E. Yu. Kulturno-poznavatel'nyj turizm: osobennosti i perspektivy razvitiya [Cultural and educational tourism: features and development prospects]. *Turizm i rekreaciya: innovacii i GIS-tehnologii*. Astrahan: Federalnoe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Astrahanskij gosudarstvennyj universitet», 2022. Pp. 53–57. (In Russian).
4. Frolova E. V., Kabanova E. E., Kostina M. V. Specifika kulturno-poznavatel'nogo turizma v gorodah Rossijskoj Federacii [Specifics of cultural and educational tourism in the cities of the Russian Federation]. *Materialy Afanasevskih chtenij*. 2017. № 2 (19). Pp. 42–54.
5. Cherezova N. S., Matushanskij G. U. Kulturno-poznavatel'nyj turizm kak resurs v obrazovatel'noj politike Rossii [Cultural and educational tourism as a resource in the educational policy of Russia]. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva*. 2023. № 1 (118). Pp. 188–196. DOI: 10.37972/chgpu.2023.118.1.024. (In Russian).
6. Prazdnikova N. N., Prudnikova N. G., Surkova S. A. Kul'turno-poznavatel'nyj turizm v Respublike Altaj [Cultural and educational tourism in the Altai Republic]. *Transgranichnye regiony v uslovijah global'nyh izmenenij: sovremennye vyzovy i perspektivy razvitiya: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, otvetstvennye redaktory A. V. Shitov, O. I. Bannikova, E. V. Merdesheva*. Gorno-Altajsk, Bibliotечно-izdatel'skij centr Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. Pp. 205–208.
7. Tandyjanova A. E. Muzejnyj turizm v Respublike Altaj [Museum tourism in the Republic of Altai]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2018. No. 3 (29). Pp. 124–136. (In Russian).
8. Romanova E. V., Dugnist P. Ja., Truevceva E. A., Peregudova T. M. Prirodnye i kul'turnye resursy Gornogo Altaja kak osnova dlja organizacii jekskursionno-poznavatel'nogo turizma [Natural and cultural resources of Gorny Altai as a basis for organizing sightseeing and educational tourism]. *Zdorov'e cheloveka, teorija i metodika fizicheskoj kul'tury i sporta*. 2019. № 2 (13). Pp. 163–173. (In Russian).
9. Takarakova E. O. Problema istoriko-kul'turnogo potenciala i vozmozhnost' ego ispol'zovanija v kul'turnom turizme respubliky Altaj [The problem of historical and cultural potential and the possibility of its use in the cultural tourism of the Altai Republic]. *Novye issledovanija Tuvy*. 2013. № 2 (18). Pp. 104–109. (In Russian).
10. Turizm. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (accessed 11.07.2023). (In Russian).
11. Kabanova E. E., Frolova E. V., Medvedeva N. V., Vinichenko M. V., Shimanskaya I. Y. Cultural and Educational Tourism in the Russian Federation: Basic Problems and Development Resources. International

Review of Management and Marketing. 2016. No. 6 (5S). Pp. 206–210. Available at: <https://econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2818> (accessed 08.07.2023). (In English).

12. Turizm v Rossii vozvrashchaetsia [Tourism in Russia returns]. Departament realizacii proektov v sfere turistskoj dejatel'nosti. *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii*. Available at: <https://www.economy.gov.ru/material/departments/d08/> (accessed 12.07.2023). (In Russian).

13. Xu L., Zhang J., Nie Z. Role of Cultural Tendency and Involvement in Heritage Tourism Experience: Developing a Cultural Tourism Tendency–Involvement–Experience (TIE) Model. *Land*. 2022. No. 11. 370 p. Available at: <https://doi.org/10.3390/land11030370> (accessed 09.07.2023). (In English).

14. Samykova M. A. Tekushhee sostojanie i perspektivy razvitija turizma v Respublike Altaj [Current state and prospects for the development of tourism in the Altai Republic]. *Turizm kak faktor ustojchivogo razvitija gornyh territorij*. Pod obshh. red. T. A. Kuttubaevoj, A. V. Glotko. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2018. Pp. 5–12. (In Russian).

15. Informacija o razvitii turisticheskoy otrasli Respubliki Altaj. *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Respubliki Altaj*. Available at: <https://altai-republic.ru/tourism/development/> (accessed 10.07.2023). (In Russian).

Author's Bio

MASLOVA Olga Mikhailovna – Senior Lecturer of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: kondratenko6565@mail.ru

IGNATENKO Maria Nikolaevna – Senior Lecturer, Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: anikina-mn@mail.ru

PRUDNIKOVA Natalya Gennadievna – Candidate of Geography, Associate Professor of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: belukha@mail.ru

Библиографическая ссылка

Маслова О. М., Игнатенко М. Н., Прудникова Н. Г. Развитие внутреннего культурно-познавательного туризма в Республике Алтай // SocioTime / Социальное время. 2023. № 3 (35). С. 103–118. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.103

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;

- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;

- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;

- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;

- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 9): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**).

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. General information. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;

- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;

- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;

- Information about the authors in Russian and English (font size 9): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3-5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published).

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединенному каталогу.
Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).